

Анализ и прогноз

Журнал ИМЭМО РАН

Analysis and Forecasting

IMEMO Journal

2022'3

Научный сетевой журнал
“Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН / Analysis and Forecasting. IMEMO Journal”
издается с 2019 г., выходит 4 раза в год, языки журнала – русский и английский.
Все выпуски журнала находятся в открытом доступе.

Свидетельство о регистрации журнала Эл № ФС 77–76743 выдано Федеральной службой
по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
16 сентября 2019 г.

Учредитель и издатель

Федеральное государственное бюджетное научное учреждение
“Национальный исследовательский институт
мировой экономики и международных отношений имени
Е.М. Примакова Российской академии наук” (ИМЭМО РАН).

Главный редактор:

И.Л. Прохоренко

Редакция:

А.А. Алешин, А.В. Короткова (ответственный секретарь), Е.И. Матюхова,
М.И. Строкова

Журнальная верстка:

ООО «Верди»

Верстка web-страниц:

Е.А. Клюева, А.А. Попонин

Дизайн обложки:

С.В. Сафонов

Контакты редакции:

117997, Российская Федерация, Москва, Профсоюзная ул., д. 23
Тел.: +7 (499) 128-8560; +7 (499) 128-1748
e-mail: afjournal@imemo.ru

Официальный сайт журнала:

<https://afjournal.ru>

The scientific electronic journal
“Analysis and Forecasting. IMEMO Journal”
is published from 2019, 4 times a year in Russian and English.
All the issues of the journal are available online with open access.

The Registration Certificate of the journal, EL № FC 77–76743 was issued by the Federal Communications, Information Technology and Mass Media Regulatory Authority on 16 September 2019.

Founder and Publisher

Federal State Budgetary Institution of Science
“Primakov National Research Institute of World Economy
and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO)”

Editor-in-Chief:

Irina Prokhorenko

Editorial Staff:

Alexander Aleshin, Alla Korotkova (Executive Secretary), Elizaveta Matyukhova,
Marina Strokova

Layout and Design:

Ltd Verdi

Website Design:

Evgenia Kliueva, Alexey Poponin

Cover design:

Sergey Safonov

Contacts:

Russian Federation, Moscow, 117997, 23, Profsoyuznaya Str.
Tel.: +7(499)128-8560; +7(499)128-1748
e-mail: afjournal@imemo.ru

Website:

<https://afjournal.ru>

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ:

Войтоловский Ф.Г., д.полит.н., профессор РАН, член-корреспондент РАН, директор ИМЭМО РАН (Россия)

ЧЛЕНЫ РЕДКОЛЛЕГИИ:

Арбатова Н.К., д.полит.н., заведующий отделом европейских политических исследований ИМЭМО РАН

Афонцев С.А., д.э.н., профессор РАН, член-корреспондент РАН, заведующий отделом экономической теории, заместитель директора ИМЭМО РАН по научной работе

Варнавский В.Г., д.э.н., профессор, заведующий сектором проблем структурной политики и конкурентоспособности Центра промышленных и инвестиционных исследований ИМЭМО РАН

Журавлева В.Ю., к.полит.н., руководитель Центра североамериканских исследований ИМЭМО РАН

Звягельская И.Д., д.и.н., профессор, заведующий Лабораторией “Центр ближневосточных исследований” ИМЭМО РАН

Жуков С.В., д.э.н., руководитель Центра энергетических исследований, заместитель директора ИМЭМО РАН по научной работе

Кобринская И.Я., к.и.н., руководитель Центра ситуационного анализа ИМЭМО РАН

Ломанов А.В., д.и.н., профессор РАН, заместитель директора ИМЭМО РАН по научной работе

Мирошниченко И.В., д.полит.н., доцент, заведующий кафедрой государственной политики и государственного управления какультета управления и психологии Кубанского государственного университета

Прохоренко И.Л., д.полит.н., заведующий сектором международных организаций и глобального политического регулирования отдела международно-политических проблем ИМЭМО РАН

Рябов А.В., к.и.н., доцент, заведующий научно-издательским отделом ИМЭМО РАН, главный редактор журнала “Мировая экономика и международные отношения”

Семененко И.С., д.полит.н., член-корреспондент РАН, руководитель Центра сравнительных социально-экономических и политических исследований, заместитель директора по научной работе ИМЭМО РАН

Соловьев Э.Г., к.полит.н., руководитель Центра постсоветских исследований, заведующий сектором теории политики ИМЭМО РАН

Федоровский А.Н., д.э.н., руководитель Группы общих проблем Азиатско-Тихоокеанского региона Центра азиатско-тихоокеанских исследований ИМЭМО РАН

Фитуни Л.Л., д.э.н., профессор, член-корреспондент РАН, заведующий Центром глобальных и стратегических исследований, заместитель директора по научной работе Института Африки РАН

Харитоновна Е.М., к.полит.н., старший научный сотрудник отдела международно-политических проблем ИМЭМО РАН

Цапенко И.П., д.э.н., заведующий сектором социально-экономического развития и миграционных процессов отдела комплексных социально-экономических исследований Центра сравнительных социально-экономических и политических исследований ИМЭМО РАН

Шаклеина Т.А., д.полит.н., профессор, заведующая кафедрой прикладного анализа международных проблем Факультета международных отношений МГИМО МИД России

CHAIRMAN:

Feodor Voitolovsky, Doct. Sci. (Polit. Sci.), Corresponding member of the Russian Academy of Sciences (RAS), Professor of the Russian Academy of Sciences (RAS), Director of IMEMO (Russia)

MEMBERS:

Nadezhda Arbatova, Doct. Sci. (Polit. Sci.), Head of the Department of European Political Studies, IMEMO

Sergey Afontsev, Doct. Sci. (Econ.), Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (RAS), Professor of RAS, Head of the Department of Economic Theory, Deputy Director, IMEMO

Vladimir Varnavskiy, Doct. Sci. (Econ.), Professor, Head of the Sector of Structural Policy and Competitiveness, Center of Industrial and Investment Studies, IMEMO

Viktoriya Zhuravleva, Cand. Sci. (Polit. Sci.), Head of the Center of North American Studies, IMEMO

Irina Zvyagelskaya, Doct. Sci. (Hist.), Head of the Center of the Middle East Studies, IMEMO

Stanislav Zhukov, Doct. Sci. (Econ.), Head of the Center of Energy Research, Deputy Director, IMEMO

Irina Kobrinskaya, Cand. Sci. (Hist.), Head of the Center of Situational Analysis, IMEMO

Alexander Lomanov, Doct. Sci. (Hist.), Professor of the Russian Academy of Sciences (RAS), Deputy Director, IMEMO

Inna Miroshnichenko, Doct. Sci. (Polit. Sci.), Associate Professor, Head of the Department of Public Policy and Public Administration, Kuban State University

Irina Prokhorenko, Doct. Sci. (Polit. Sci.), Head of the Sector of International Organizations and Global Political Governance, Department of International Political Problems, IMEMO

Andrey Ryabov, Cand. Sci. (Hist.), Associate Professor, Head of the Scientific-Publishing Department, IMEMO, Editor-in-Chief of the Journal "The World Economy and International Relations" of the Russian Academy of Science

Irina Semenenko, Doct. Sci. (Polit. Sci.), Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (RAS), Head of the Center of Comparative Socio-Economic and Political Studies, Deputy Director, IMEMO

Eduard Solovyev, Cand. Sci. (Polit. Sci.), Head of the Center of post-Soviet Studies, Head of the Sector for Political Theory, IMEMO

Alexander Fedorovskiy, Doct. Sci. (Econ.), Head of the Group of the Asia-Pacific Region Problems, Center of Asia Pacific Studies, IMEMO

Leonid Fituni, Doct. Sci. (Econ.), Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (RAS), Head of the Centre of Global and Strategic Studies, Deputy Director of the Institute for African Studies, RAS

Elena Kharitonova, Cand. Sci. (Polit. Sci.), Senior Researcher, Department of International Political Problems, IMEMO

Irina Tsapenko, Doct. Sci. (Econ.), Head of the Sector of Social and Economic Development and Migration Processes Studies, Department of Complex Socio-Economic Research, IMEMO

Tatiana Shakleina, Doct. Sci. (Polit. Sci.), Professor, Head of the Department of Applied International Analysis, School of International Relations, MGIMO

Арбатов А.Г., д.и.н., академик РАН, руководитель Центра международной безопасности ИМЭМО РАН (Россия)

Барановский В.Г., д.и.н., профессор, академик РАН, руководитель научного направления Центра ситуационного анализа ИМЭМО РАН (Россия)

Громыко А.А., д.полит.н., профессор РАН, член-корреспондент РАН, директор Института Европы РАН (Россия)

Дынкин А.А., д.э.н., профессор, академик РАН, президент ИМЭМО РАН (Россия)

Иванова Н.И., д.э.н., профессор, академик РАН, руководитель научного направления Отдела науки и инноваций ИМЭМО РАН (Россия)

Королев И.С., д.э.н., профессор, член-корреспондент РАН, советник РАН

Михеев В.В., д.э.н., академик РАН, руководитель научного направления Центра азиатско-тихоокеанских исследований ИМЭМО РАН (Россия)

Наумкин В.В., д.и.н., профессор, академик РАН, научный руководитель Института востоковедения РАН (Россия)

Рогов С.М., д.и.н., профессор, академик РАН, научный руководитель Института США и Канады РАН (Россия)

Сюэтун Янь, Ph.D (Polit. Sci.), директор Института международных отношений Университета Цинхуа (Китай)

Alexey Arbatov, Doct. Sci. (Hist.), Full Member of the Russian Academy of Sciences, Head of the Center of International Security, IMEMO (Russia)

Vladimir Baranovsky, Doct. Sci. (Hist.), Professor, Full Member of the Russian Academy of Sciences, Head of Research of the Center of Situational Analysis, IMEMO (Russia)

Alexey Gromyko, Doct. Sci. (Polit. Sci.), Corresponding member of the Russian Academy of Sciences (RAS), Professor of the Russian Academy of Sciences (RAS), Director of the Institute of Europe, RAS (Russia)

Alexander Dynkin, Doct. Sci. (Econ.), Professor, Full Member of the Russian Academy of Sciences, President of IMEMO (Russia)

Natalya Ivanova, Doct. Sci. (Econ.), Professor, Full Member of the Russian Academy of Sciences, Head of Research of the Department of Science and Innovation, IMEMO (Russia)

Ivan Korolev, Doct. Sci. (Econ.), Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (RAS), Counselor of RAS

Vasily Mikheev, Doct. Sci. (Econ.), Full Member of the Russian Academy of Sciences, Head of Research of the Center of Asia Pacific Studies, IMEMO (Russia)

Vitaly Naumkin, Doct. Sci. (Hist.), Professor, Full Member of the Russian Academy of Sciences, Academic Director of the Institute of Oriental Studies, RAS (Russia)

Sergey Rogov, Doct. Sci. (Hist.), Professor, Full Member of the Russian Academy of Sciences, Academic Director of the Institute of the U.S. and Canadian Studies, RAS (ISCRAN) (Russia)

Yan Xuetong, Ph.D (Polit. Sci.), Dean of the Institute of International Relations, Qinghua University (China)

К ЧИТАТЕЛЯМ

Представляем номер	10
--------------------------	----

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

Войны в структуре мировых порядков <i>Фененко А.В.</i>	13
--	----

Теория европейской интеграции в поисках объяснения дезинтеграции <i>Моисеева Д.Э.</i>	37
---	----

БАЛКАНЫ В ФОКУСЕ

Западный вектор внешней политики Греции (конец 2010-х – начало 2020-х годов) <i>Квашнин Ю.Д.</i>	45
--	----

Интересы Румынии в Юго-Восточной Европе и взаимоотношения с Турцией <i>Биткова Т.Г.</i>	57
---	----

Подходы балканских стран к сотрудничеству с Россией <i>Кандель П.Е.</i>	69
---	----

ДИНАМИКА СОЦИАЛЬНЫХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОСТРАНСТВ

“Попкорн-дипломатия”: роль американских блокбастеров в вопросах миропорядка <i>Артамонова У.З.</i>	76
--	----

Трансформация евроскептицизма партии “Национальное объединение” (2017–2022) <i>Красикова Л.В.</i>	91
---	----

FROM THE EDITORS

Presenting the Issue 10

THEORY AND METHODOLOGY

Wars in the World Orders' Structure
Fenenko A.V. 13

Theories of European Integration in Searching for Explanation of Disintegration
Moiseeva D.E. 37

BALKANS IN FOCUS

Western Vector of Greece's Foreign Policy (Late 2010s – Early 2020s)
Kvashnin Y.D. 45

Romania's Interests in South-Eastern Europe and Cooperation with Turkey
Bitkova T.G. 57

Balkan Countries' Approach to Cooperation with Russia
Kandel P.E. 69

DYNAMICS OF SOCIAL AND POLITICAL SPACES

'Popcorn Diplomacy': American Blockbusters and World Order
Artamonova U.Z. 76

The Transformation of the Euroscepticism of the National Rally Party (2017–2022)
Krasikova L.V. 91

ПРЕДСТАВЛЯЕМ НОМЕР

Дорогие читатели!

Представляем вашему вниманию третий в 2022 г. выпуск нашего журнала. В этом выпуске три рубрики – **“Теория и методология”**, **“Динамика социальных и политических пространств”** и новая рубрика **“Балканы в фокусе”**. Номер посвящен проблемам войны и мира в истории и теории международных отношений в контексте изменений мирового порядка, теории европейской интеграции в поисках объяснения феномена дезинтеграции в контексте выхода Великобритании из состава Европейского союза, различным вопросам внутренней и внешней политики балканских стран, российско-американскому противостоянию сквозь призму контроля международного информационного дискурса, трансформации евроскептицизма французской политической партии “Национальное объединение”.

Рубрику **“Теория и методология”** открывает статья нашего коллеги доктора политических наук, профессора кафедры международной безопасности факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова Алексея Валерьевича Фененко **“Войны в структуре мировых порядков”**. Автор изучает циклический характер мировых процессов, увязывая проблему цикличности войн с теорией мировых порядков. Методологической основой исследования автор выбрал теорию немецкого классика военной истории Карла фон Клаузевица о повторяемости тотальных и ограниченных войн, объединив теорию чередования тотальных и ограниченных войн с теорией мировых порядков как совокупности правил и норм межгосударственного взаимодействия в определенный исторический период. Автор доказывает, что тотальные и ограниченные войны играют различную роль в истории международных отношений. Тотальные войны разрушают предшествующие мировые порядки и создают новые. Эти войны определяют новое соотношение сил: новые правила взаимодействия и новую легитимность мирового порядка. Ограниченные войны выступают механизмом системного регулирования мирового порядка: войнами за корректировку баланса сил. Механизм цикличности войн выступает, таким образом, результатом логики саморазвития мировых порядков.

В статье **“Теория европейской интеграции в поисках объяснения дезинтеграции”** кандидат политических наук, научный сотрудник отдела международно-политических проблем ИМЭМО РАН Дарья Эдуардовна Моисеева подвергает критическому осмыслению классические теории европейской интеграции на предмет того, каким образом они объясняют дезинтеграцию, ее причины и возможный итог. До недавнего времени исследования европейской интеграции крайне мало занимались изучением дезинтеграции. Несмотря на это, каждая из теорий, по мнению автора, способна внести свой вклад в ее объяснение, что может стать отправной точкой для дальнейшего изучения данного явления. Однако каждая из классических теорий интеграции, столкнувшись с вызовом дезинтеграции, по-разному трактует причины и направленность этого процесса, но ни одна из них в отдельности не способна дать исчерпывающее объяснение данному явлению. Несомненно, необходима дальнейшая теоретизация дезинтеграции, где обращение к классическим теориям может послужить лишь отправной точкой.

Рады представить новую рубрику **“Балканы в фокусе”**, которую журнал планирует сделать регулярной и посвятить страновым и региональным проблемам экономики и политики государств Балканского полуострова, играющим важную роль в Большой Европе и мире в целом.

Открывает рубрику статья кандидата исторических наук, руководителя Центра европейских исследований ИМЭМО РАН Юрия Дмитриевича Квашнина **“Западный вектор внешней политики Греции (конец 2010-х – начало 2020-х годов)”**. В последние годы Греция, одна из стран Балканского полуострова, все больше позиционирует

себя, по словам автора, как форпост западной цивилизации на Востоке и защитника демократических ценностей, действующего в русле интересов коллективного Запада, и все менее демонстрирует традиционную особенность своей внешней политики – сочетание ориентированности на Запад со стремлением в ряде ключевых вопросов самостоятельно отстаивать национальные интересы, сохраняя высокий уровень субъектности в международной сфере и выступая противовесом своего главного, экзистенциального соперника – Турции. Автор полагает, что для укрепления связей с Западом у Греции есть веские причины, однако конечный успех этой стратегии не очевиден. Стратегическая задача Греции – изолировать Турцию – вряд ли будет выполнена, в то время как сужение пространства для дипломатического маневра и неизбежные в ближайшем будущем дисбалансы во внешней политике могут помешать развитию экономических связей Греции с незападными странами (в случае российско-греческих отношений это уже происходит), а это, в свою очередь, подорвет устойчивость страны к кризисным процессам в мировой экономике и политике.

В статье специалиста по социально-политическим и культурным проблемам Румынии, кандидата филологических наук, ведущего научного сотрудника отдела Европы и Америки ИНИОН РАН Татьяны Георгиевны Битковой “Интересы Румынии в Юго-Восточной Европе и взаимоотношения с Турцией” рассматриваются направления внешней политики Румынии в Юго-Восточной Европе в контексте ее членства в НАТО и Европейском союзе. Автор рассматривает роль Румынии в переговорной платформе Процесс сотрудничества в Юго-Восточной Европе (ПСЮВЕ), в программе “Троеморье”, в “Бухарестской инициативе-9”, в Трехсторонней комиссии Румыния–Польша–Турция, выявляет место Причерноморья в амбициях румынского руководства и значение стратегического партнерства между Румынией и Турецкой Республикой, отмечая при этом, что главным направлением внешнеполитической деятельности Бухареста в регионе является сближение с Республикой Молдова с перспективой объединения двух государств.

Завершает рубрику исследование кандидата исторических наук, ведущего научного сотрудника отдела социально-политических исследований Институт Европы РАН Павла Ефимовича Канделя “Подходы балканских стран к сотрудничеству с Россией”. Автор, известный специалист по этнополитическим и межгосударственным конфликтам на Балканах, внешней политике и внутривосточным процессам в странах Юго-Восточной Европы, отношениям России и Европейского союза с государствами региона, анализирует расстановку политических сил в странах Юго-Восточной Европы, массовые настроения и политику национальных правительств в связи с событиями на Украине. По итогам последних по времени парламентских выборов и результатам национальных и международных опросов общественного мнения он делает вывод о том, что состояние и перспективы сотрудничества со странами региона до завершения военных действий на Украине будут оставаться неблагоприятными для России, несмотря на традиционно сильные русофильские настроения во многих странах региона.

В рубрике **“Динамика социальных и политических пространств”** две статьи.

Исследование младшего научного сотрудника Центра североамериканских исследований ИМЭМО РАН Ульяны Звиадиевны Артамоновой “Попкорн-дипломатия”: роль американских блокбастеров в вопросах миропорядка” продолжает научные изыскания автора по проблематике публичной дипломатии США в контексте парадигмы миропорядка. По мнению автора, Россия и Соединенные Штаты не просто продвигают разные модели мироустройства, но в целом рассматривают вопросы трансформации миропорядка с совершенно различных ракурсов: российский дискурс отстаивает идею полицентричного мира, в то время как американский упорно придерживается концепции “миропорядка, основанного на правилах”, одним из ключевых элементов которого является единоличное глобальное лидерство США. В фокусе анализа – публичная дипломатия США и ее кинематографическое измерение как инструмент влияния на международное общественное мнение, в том числе в контексте восприятия вопросов мироустройства и роли ведущих держав в нем. Автор последовательно выявляет и анализирует причины, по которым американский кинематограф можно отнести к арсеналу публичной дипломатии, приводя примеры формального и неформального

сотрудничества правительственных структур Соединенных Штатов с киноиндустрией. Изучая взаимосвязь развлекательного кино и нарративов, которые оно транслирует зрителям, с национальными интересами США, У.З. Артамонова особое внимание уделяет той картине мира, которая предстает перед зрителями популярных кинофильмов с учетом тиражируемых геополитических клише, манипулирования историческими фактами и использования художественного символизма в сюжетах, который легко можно интерпретировать в контексте национальных интересов и внешнеполитической доктрины США.

В статье стажера-исследователя Центра комплексных европейских и международных исследований Национального исследовательского университета "Высшая школа экономики" Лолиты Витальевны Красиковой "Трансформация евроскептицизма партии "Национальное объединение" (2017–2022)" изучена эволюция программных установок партии во время избирательного цикла 2017–2022 гг. Автор приходит к выводу, что трансформация евроскептицизма этой политической партии из "жесткой" формы в "мягкую" имела целью привлечение более широких слоев электората. Изменения программных установок означают отказ от выдвигаемых ранее требований о выходе Франции из ЕС, еврозоны и Шенгенской зоны. Наряду с этим руководство партии предлагает трансформировать Европейский союз в Европейский альянс наций, в котором будет превалировать принцип межгосударственности в противовес чрезмерного усиления наднациональности в ЕС. Одновременно произошла трансформация отношения лидера партии М. Ле Пен к России в контексте событий на Украине.

*Прохоренко И.Л.
главный редактор журнала*

ВОЙНЫ В СТРУКТУРЕ МИРОВЫХ ПОРЯДКОВ

© ФЕНЕНКО А.В., 2022

ФЕНЕНКО Алексей Валериевич, доктор политических наук, профессор кафедры международной безопасности факультета мировой политики.

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, РФ, 119991 Москва, Ленинские горы, 1, стр. 51 (afenenko@gmail.com), ORCID: 0000-0003-0493-2596

Фененко А.В. Войны в структуре мировых порядков. *Анализ и прогноз.* Журнал ИМЭМО РАН, 2022, № 3, сс. 13-36. DOI: 10.20542/afij-2022-3-13-36

DOI: 10.20542/afij-2022-3-13-36

УДК: 327

Поступила в редакцию 09.07.2022.

После доработки 20.08.2022.

Принята к публикации 20.10.2022.

В современной политической науке растет интерес к изучению циклического характера мировых процессов. Методология циклизма, популярная в социологии первой половины XX в., но отвергнутая либеральной традицией 1950-х годов, в наши дни переживает возрождение. Одной из тенденций политологии и науки о международных отношениях стало изучение циклического характера военной истории: милитаристских “волн”, или “циклов” повторения войн. В данном исследовании автор предпринимает попытку увязать проблему цикличности войн с теорией мировых порядков.

За основу методологии статьи автор берет теорию немецкого классика военной истории Карла фон Клаузевица о повторяемости тотальных и ограниченных войн. Эти войны различаются, согласно Клаузевицу, политическими целями: тотальная война направлена на уничтожение противника как политического субъекта, ограниченная война – на принуждение противника к компромиссу. В статье предпринята попытка объединить теорию чередования тотальных и ограниченных войн с теорией мировых порядков как совокупности правил и норм межгосударственного взаимодействия в определенный исторический период.

Автор доказывает, что тотальные и ограниченные войны играют различную роль в истории международных отношений. Тотальные войны разрушают предшествующие мировые порядки и создают новые. Эти войны определяют новое соотношение сил: новые правила взаимодействия и новую легитимность мирового порядка. Ограниченные войны выступают механизмом системного регулирования мирового порядка: войнами за корректировку баланса сил. Механизм цикличности войн выступает, таким образом, результатом логики саморазвития мировых порядков.

Ключевые слова: теория международных отношений, мировой порядок, баланс сил, теория цикличности войн, Карл фон Клаузевиц, история международных отношений, тотальная война, ограниченная война.

WARS IN THE WORLD ORDERS' STRUCTURE*Received 09.07.2022. Revised 20.08.2022. Accepted 20.10.2022.*Alexey V. FENENKO (afenenko@gmail.com), ORCID: 0000-0003-0493-2596,

School of World Politics, Lomonosov Moscow State University, Leninskiye Gory, 1-52, Moscow 119991, Russian Federation.

In modern political science, there is an increasing interest in studying a cyclic nature of global processes. The methodology of cyclism, popular in sociology in the first half of the 20th century but neglected due to the 1950s liberal tradition, is seeing a renaissance nowadays. One of the tendencies in political science and international relations has been research on a cyclic pattern in military history: militaristic 'waves' or 'cycles' of repetitive wars. In this study, the author makes an attempt to link the problem of war being a cycle with a theory of world orders.

As the basis of the article's methodology, the author chooses a theory of a German military history classic Carl von Clausewitz about total and limited wars repeating. According to Clausewitz, these wars differ in political goals: a total war is aimed at destroying an enemy as a political entity, while a limited war aims at forcing an enemy to compromise. In the article an attempt is made to merge the theory of alternation of total wars and limited ones with the theory of world orders as a set of rules and norms of interstate cooperation in a certain historical period.

The author proves that total and limited wars play different roles in the history of international relations. Total wars mean the destruction of established world orders and the creation of new ones. These wars determine the new balance of power: new rules of cooperation and new legitimacy of world order. Limited wars serve as a mechanism of regulating world order: wars for adjustments in the balance of power. Thus, the cyclic mechanism of wars appears to be a result of world orders' self-development logic.

Keywords: *international relations theory, world order, balance of power, theory of war cycles, Carl von Clausewitz, history of international relations, total war, limited war.*

About the authors: *Alexey V. FENENKO, Doct. Sci. (Polit.), Professor, Chair of International Security, School of World Politics.*

Российская специальная операция на Украине придала новую остроту дискуссиям о возрождении прямых войн между великими державами [1; 2]. Они, правда, возобновлялись после каждой волны военных конфликтов на протяжении последних тридцати лет, будь то Балканы, Кавказ или Ближний Восток. Однако теперь речь идет не просто о военных действиях с вовлечением великих держав на территориях какой-то страны, но о войнах, сопоставимых по численности сухопутных вооруженных сил с проведением крупных наземных операций – ситуация, аналогов которой не было в Европе после Второй мировой войны. Конфликт при этом получает серьезную эскалацию в связи с поставками странами НАТО оружия Украине и участия их наемников в военных действиях, что само по себе заставляет пересмотреть сложившиеся модели теории эскалации.

Такая ситуация ставит под сомнения все схемы “ядерного сдерживания” и “стратегической стабильности”, выработанные в прошлом веке [3]. Они базировались на двух эмпирически недоказанных аксиомах, что 1) любая война между великими державами неизбежно станет ядерной и 2) ядерную войну невозможно выиграть. Между тем уместно вспомнить, что в прошлом существовали длительные периоды времени, когда великие державы не вели между собой прямых войн, несмотря на отсутствие у них ядерного оружия. Эти периоды “долгого мира” сменялись новыми волнами военных конфликтов высокой степени интенсивностей между великими державами.

В данной статье будет предпринята выделить механизм подобной цикличности войн (некоторые тезисы были изложены автором в [4]) и показать, какую роль играют разные типы войны в структуре мировых порядков.

ТЕОРИИ ЦИКЛИЧНОСТИ ВОЙН

Идею циклического характера войн обосновал в начале XIX в. немецкий военный исследователь Карл фон Клаузевиц (1780–1831). Помимо формулы “война есть продолжение политики другими средствами”, он выделил два типа войн, отличающихся друг от друга по политическим задачам, которые его преемники в XX в. обозначили как тотальные и ограниченные. В первом случае “вооруженные силы противника должны быть уничтожены, т. е. приведены в состояние, в котором они уже не могут продолжать борьбу”. Во втором случае “ни та, ни другая сторона не в состоянии окончательно лишиться своего противника возможности сопротивления, мотивы к заключению мира у обеих сторон то растут, то уменьшаются в зависимости от оценки вероятности будущих успехов и требуемой затраты усилий” [5, сс. 59–61]. Соответственно, целью тотальной (по Клаузевицу – абсолютной) войны выступает уничтожение противника как политического субъекта; целью ограниченной войны – принуждение противника к компромиссу.

Для двух этих типов войн – тотальной и ограниченной – характерны разное соотношение политического и военного. В тотальной (абсолютной) войне “уничтожение неприятельских вооруженных сил всегда является наиболее высоким, наиболее действенным средством, которому уступают все остальные” [5, сс. 72]. В ограниченной войне, напротив, преобладают политические компоненты над военными, а сами военные действия выступают подкреплением для перманентных переговоров. В таких войнах противостоящие армии могут, по мнению Клаузевица, вступать в локальные стычки и маневрировать, избегая при этом больших сражений. В абсолютной войне ставка делается на крупные мобилизационные контингенты (“большие батальоны”); в ограниченной войне – на небольшие профессиональные армии (“меткие стрелки”).

Центральная идея немецкого стратега заключалась в чередовании тотальных и ограниченных войн. “В 90-х годах прошлого (то есть XVIII – **Авт.**) столетия произошел замечательный переворот в европейском военном искусстве; из-за него часть достижений лучших армий утратила всякое значение. Начали достигаться такие военные успехи, о размерах которых раньше не имелось вовсе представления...”, – писал Клаузевиц [6, сс. 38–41] о переходе к тотальным войнам в период Французской революции. Войны будущего виделись немецкому стратегу как народные войны, когда “не король воюет против короля и не армия против армии, но один народ против другого, а в народ включены и король, и армия”. Однако в более ранний период преобладали иные типы войн: “Фридрих Великий ни в один момент семилетней войны не имел возможности сокрушить австрийскую монархию и конечно неукоснительно пошел бы на гибель, если бы попытался вести борьбу в духе Карла XII. Но талантливое применение им мудрой экономии сил в течение 7 лет показало соединившимся против него державам, что затрата сил с их стороны становится гораздо большей, чем они предполагали вначале – и они заключили мир” [5, с. 66]. Спускаясь еще глубже в историю, Клаузевиц обнаружил там тотальную Тридцатилетнюю войну (1618–1648) с характерными для нее целями на сокрушение противника и перемалыванием в течение длительного времени крупных масс пехоты. Возникает своеобразное чередование в европейской истории тотальных (абсолютных) и ограниченных войн, то есть возвращение к определенному военному стилю.

Объяснить механизм этого чередования двух типов войн Клаузевиц не мог и даже не ставил своей задачей. Только в XX в. развитие социологии породило несколько теорий, объясняющих циклический характер смены тотальных и ограниченных войн.

1. *Теория военно-технических новаций.* Ее автором выступил американский политолог Филипп Куинси Райт (1890–1970). В 1942 г. он опубликовал работу “Исследование войны”, в которой выделил несколько военных циклов, зависящих от уровня технологического развития [7, pp. 293–294]. К. Райт выделил на материале европейской и американской истории периоды “первичного усвоения огнестрельного оружия и религиозных войн” (ок. 1450–1648), “профессиональных армий и династических войн” (1648–1789), “войн индустриализации и национализма” (1789–1914) и “авиационно-тоталитарных” (с 1914 г.). Возникало четыре милитаристских стиля продолжительностью около 150 лет с возможным продлением “авиационно-тоталитарного периода” на будущее. Однако теория К. Райта содержала в

себе две проблемы. Во-первых, она не могла объяснить причины чередования тотальных и ограниченных войн. Во-вторых, циклы Райта были скорее периодами военно-технического развития войн, а не их циклического характера.

2. *Поколенческая теория войн*, развитая английским историком Арнольдом Джозефом Тойнби (1889–1975). По его мнению, военный цикл длиной около 120 лет проходит в своем развитии четыре фазы: “прелюдия”, “великая война”, “передышка”, “эпилог” и “всеобщий мир” [8, pp. 255, 326]. Цикл охватывает в среднем жизнь четырех поколений, когда люди первого и второго поколения помнят опыт “великой войны”, а представители третьего и четвертого поколения его забывают. Здесь, правда, также возникает несколько возражений: 1) причины выделения именно четырех поколений, которые должны пройти цикл от “великой войны” к “великой войне” и 2) неопределенность критериев выборки автором военно-политических сюжетов для обоснования своей теории.

Последователи А. Дж. Тойнби попытались упорядочить его наблюдения. Так, американский международник Джошуа Голдштейн предпринял попытку упорядочить отбор сюжетов [9], в частности, увидеть истоки Второй Мировой войны в европейских революциях 1848 г. Еще дальше пошел американский неореалист Уильям Томпсон, выделив четыре цикла “великих войн” Нового времени: голландско-испанские (ок. 1580–1609), войны Великого альянса (1688–1713) с французским королем Людовиком XIV (1643–1715), Наполеоновские войны (1792–1815) и мировые войны XX в. (1914–1945) [10]. Произвол подобной выборки сюжетов бросается в глаза: почему, например, локальные голландско-испанские войны значимее Тридцатилетней или англо-голландских, а войны “Великого альянса” важнее Семилетней (1756–1763), автор оставил без пояснения. Равно как и вопрос сопоставимости локальных голландско-испанских войн с Наполеоновскими войнами или мировыми войнами XX в.

Более интересны в данном контексте наработки российского международника Н.А. Косолапова в области теории легитимности. Согласно его точке зрения, в основе любой политической системы (включая международную) должно лежать некое легитимизирующее ее событие. Таковыми, например, были Наполеоновские войны для Российской империи XIX в. или Октябрьская революция для СССР. Легитимизация в данном случае предполагает: 1) право победителей на осуществление власти от имени победы в войне; 2) признание социумом (в широком смысле) законности этой власти. «Энтропия системы при ее “жизни” означает не что иное, как расходование заложенного в ней (отведенного ей) времени», – отмечал он [11, с. 47]. Через несколько поколений “великая война” перестает восприниматься как событие, легитимизирующее существующую систему отношений, и тогда новым поколениям требуется новый крупный конфликт как источник и основа новой легитимности.

3. *Экономическая теория военных циклов*. Ее представители основывали свои расчеты на циклах производства, выделенных советским экономистом Н.Д. Кондратьевым (1892–1938). Он разработал концепцию периодических циклов, сменяющихся подъемов и спадов современной мировой экономики продолжительностью 45-60 лет [12]. Эти волны получили в экономической науке название “циклы Кондратьева” (К-циклы или К-волны). Внутри своего цикла Н.Д. Кондратьев выделял четыре фазы: роста, вершины, снижения и депрессии. С тех пор в литературе появилась целая серия публикаций о неизбежности возникновения тотальных (мировых) войн то ли в повышательной, то ли понижательной войны К-цикла. Здесь исследователи пока не пришли к консенсусу, как и в вопросе о самой природе и длительности К-циклов [13; 14], а следовательно, их влияние на возникновение войн остается гипотетическим.

4. *Теория чередования эталонов победы*. Ее развивал отечественный политолог В.Л. Цымбурский (1957–2009) в теории сверхдлинных военных циклов (СВЦ) [15]. По его мнению, два эталона победы, выявленные К. фон Клаузевицем, формируют в истории Нового времени два сверхдлинных военных цикла (СВЦ) – депрессивный и экспансивный – продолжительностью в 150 лет. Первый проходит по логике развития “редукция больших гегемонистских целей к локальным задачам: ограниченные войны на сделку – стратегический пат”; второй развивается по логике “постановка больших задач – гонка

вооружений – тотальная война”. В истории Нового времени В.Л. Цымбурский выделял три депрессивных (середина XIV–XV вв., середина XVII–XVIII вв., середина XX – н.в.) и два экспансивных (XVI – середина XVII вв. и XIX – середина XX вв.) цикла. По расчетам автора, в начале XXII в. наступит новый экспансивный цикл, когда войны на сделку сменятся новым туром войн на сокрушение.

Несмотря на подкупающую логичность, теория Цымбурского зачастую противоречит историческим фактам, приведенным автором. В войнах первой половины XV в. (Столетней и Гуситских), отнесенных Цымбурским к “депрессивному протоциклу”, один из противников ставил перед собой задачу полной ликвидации другого. Войны XVI в. (от Итальянских до Ливонской) чаще завершались компромиссом, чем ликвидацией противника, хотя автор отнес их к “экспансивному протоциклу”. Войны XIX в., отнесенные автором к “экспансивному СВЦ”, также были ограниченными по целям, театру военных действий (ТВД) и использованным противниками силами. «Все это время стратеги, воспитанные на наполеоновских образцах и на Клаузевице, тем не менее либо вовсе не воюют, либо воюют достаточно локально, с подверстываемыми под идеал “абсолютной” войны довольно-таки компромиссными результатами. Единственное исключение составляет франко-прусская война 1870–1871 гг. на пределе столь же единственной за все эти 80 лет кондратьевской повышательной волны», – писал сам В.Л. Цымбурский. Одна тотальная война за целое столетие (до и та завершившаяся победой-“сделкой”) позволяет усомниться в экспансивной природе данного военного цикла.

Гораздо реалистичнее в этом вопросе выступает К. Райт. Слово заочно полемизируя с В.Л. Цымбурским, он отмечает: “Британия не вмешивалась в войны за объединение Италии и Германии в середине XIX в. и незначительные войны на почве национализма в Нидерландах, Бельгии и Люксембурге, а также на Балканах. Участие Британии в Крымской войне объясняется ее попыткой сдержать российскую экспансию. Действительно серьезными войнами XIX в. были гражданские войны в Соединенных Штатах и Китае, война Лопеса... в которой объединились Бразилия, Аргентина и Уругвай с целью остановить усиливающееся влияние парагвайского диктатора, практически истреблявшего население Парагвая...” [16, сс. 385-386]. Все это мало укладывается в экспансивный цикл Цымбурского “от Вальми до Хиросимы”, с якобы характерным для него “наполеоновско-клаузевицевским” эталоном победы.

5. *Теория гегемонистских циклов.* Ее основателем можно считать видного американского политолога Иммануила Валлерстайна (1930–2019), согласно которому тотальные войны – это войны, происходящие в период упадка гегемонии определенной страны. Валлерстайн выделял три гегемонистских цикла Нового времени: голландский (1618–1672), британский (1792–1896) и американский (1914 – н.в.) [17]. Каждый из этих циклов гегемонии проходил три этапа: великая война, возвышение и гегемония великой державы и ее падение. Выборка сюжетов, правда, вновь остается сомнительной: автор не упоминает о французской гегемонии XVII–XVIII вв. и по не ясным причинам считает гегемоном XIX в. Великобританию, не имевшую крупной сухопутной армии для проецирования силы. Трудно сказать, почему автор считает 1914 г. началом американской гегемонии, учитывая, что США после Первой мировой войны вывели войска из Европы и остались без каких-либо крупных приобретений.

Подобные трудности характерны и для циклов в мировой политике, выделенных американским политологом Джорджем Модельски (1926–2014). Эти циклы занимают, по его мнению, период в 90-125 лет и в основе их лежит лидерство определенного государства-нации [18]. Цикл Модельски проходит в своем развитии следующие фазы: 1) национальное государство становится глобальным лидером и 2) сталкивается с проблемами, созданными государствами-“челленджерами” (англ. *challenge* – “бросать вызов”) [19]. Государства “челленджеры” не становятся лидерами, но расшатывают гегемонию, что и приводит к тотальным войнам. Державами, которые сумели в определенный исторический период выдвинуться на роль глобального лидера, были Португалия, Голландская республика, Великобритания и США, а челленджерами соответственно – Испания, Франция и Германия. Однако в “циклах Модельски” можно сразу отметить две методологические натяжки, а возможно, и ошибки.

Во-первых, Дж. Модельски переносит современные политические конструкции на прошлое. Например, в ходе испано-португальских войн XVI в. Испании как субъекта еще не существовало – она была составной частью “империи Габсбургов”, в которую помимо унии Арагона и Кастилии входили также их владения в Латинской Америке, Священная Римская империя германской нации, Сицилийское и Неаполитанское королевства, Нидерланды. Франция в конце XVII в. боролась не с Великобританией, а с унией Англии и Голландии. Кроме того, некорректно отождествление Священной Римской империи и Германии – наследником первой была не Германия в ее современном понимании, а Австро-Венгрия, куда в 1866 г. “ушла” империя Габсбургов.

Во-вторых, Дж. Модельски фокусирует внимание на войнах за морскую гегемонию, то есть за “морскую мощь”. Однако гегемония не тождественна господству в Мировом океане: Великобритания XIX в., несмотря на морскую гегемонию, терпела сохранение в Европе системы баланса сил и не имела ресурсов на ее слом. В XX в. с появлением концепции “воздушной мощи” этот тезис и вовсе был поставлен под сомнение. Выборка сюжетов вновь остается слишком произвольной для анализа.

Особняком в этом группе стоят исследования проблематики войны в китайской истории. Еще английский математик и физик Льюис Фрай Ричардсон (1881–1953) утверждал, что Китайская цивилизация до революции 1911 г. была намного более мирной, чем западная, благодаря дальневосточным религиям – конфуцианству, буддизму и даосизму [20]. Продолжателями его исследования выступили Дэвид Дж. Крус, Эдвард А. Нельсен и Джеймс М. Уэбб: они сравнили с точки зрения военной активности три века Западной цивилизации (1600 – 1945) с “Темными веками” китайской цивилизации (220–618). Результат оказался показательным: “в Китайской цивилизации, когда доминировала конфуцианская философия, мир длился значительно и дольше, чем на Западе. Когда конфуцианство было отброшено, частота войн увеличилась, что наблюдается в западных странах” [21]. Можно усомниться в этом выводе благодаря новейшим исследованиям по истории Юго-Восточной Азии: например, о войнах “Кхмерской империи” (“Камбуджадеша”) XII в. [22] Однако для нашей темы важнее иное: цикличность войн выступает, видимо, продуктом западной культуры и охватывает незападные регионы мира лишь в той мере, как они включались в ее орбиту.

ПИКИ ТОТАЛЬНЫХ ВОЙН

Теория мировых порядков позволяет установить характер данной циклической системы, ускользавшей прежде от исследователей. Современная наука о международных отношениях рассматривает мировой порядок как совокупность норм и правил, определяющих характер отношений между национальными государствами в определенный исторический период. *Мировой порядок возникает по итогам тотальной войны: она устанавливает новое соотношение сил и иерархию государств, утверждает выработанные ими нормы и придает новую легитимность принципам межгосударственного взаимодействия. Соответственно, мировой порядок разрушается по итогам новой тотальной войны, уничтожающей его основы и создающей новое соотношение сил и новые правила взаимодействия между великими державами.*

Такая логика развития мирового порядка запрограммирована его нормативной и производной от нее институциональной основой. Еще классик британской школы Хэдли Булл (1932–1985) в работе “Анархическое общество” (1977) предположил, что мировой порядок – это набор определенных моделей поведения между государствами [23, pp. 2-3]. Его мысль развил американский политолог Бенгли Аллан, полагавший, что порядок – это “устойчивые модели поведения и отношений между государствами и другими международными субъектами” [24, p. 5]. Но если это так, то на границе мировых порядков должны происходить сначала слом устойчивых сложившихся правил и моделей поведения, а затем формирование новых правил взаимодействия.

В политической науке зафиксированы три всплеска тотальных войн [25], создавшие устойчивые мировые порядки: 1) Тридцатилетняя война (1618–1648), сформировавшая

Вестфальский порядок; 2) войны Французской революции и Наполеоновские войны (1789–1815), создавшие Венский порядок; 3) мировые войны XX в. (1914–1945), установившие наш Ялтинский порядок. Фактически эти “тридцатилетние войны” были не единой войной, а эпохой тотальной борьбы великих держав и были периодами слома старого мирового порядка и построения нового. В их ходе происходили:

- изменение (причем радикальное) соотношения сил между великими державами;
- формирование нового состава великих держав;
- изменение государственных границ и переформатирование политической карты;
- аннулирование предшествующей международно-правовой базы;
- создание победителями новой международно-правовой основы, начинающееся как правило в ходе тотальных конфликтов;
- становление новых основ международной и внутривнутриполитической легитимности.

“Тотальные войны” не просто отменяют предшествующие правовые системы и формируют новые: они меняют легитимность политических систем. На международном уровне итоги тотальных войн делают легитимными новое соотношение сил и новую правовую систему. На внутривнутриполитическом уровне итоги очередной “Тридцатилетней войны” делают легитимными правовые системы держав-победительниц, а также превращают их в эталон для остального мира. Установившее соотношение сил в мире (прежде всего силовых потенциалов) и институты нового мирового порядка освящены победой в “Великой войне”, то есть в тридцатилетнем туре тотальных войн.

Немецкий социолог Макс Вебер (1864–1920) выделял три типа легитимности государственной власти: традицию, харизму и рационально-правовую основу [26, сс. 47, 63]. Эта классификация, как доказал немецкий социолог Юрген Хабермас [27], не подходит для международно-правовых систем, одной из которых выступает мировой порядок: в их основе должен лежать рационализм. Однако и у Вебера, и у Хабермаса в стороне оставался важный вопрос: “Почему та или правовая система принимается большинством государств в определенный исторический период?” Ответ на него попытался дать американский дипломат и историк Генри Киссинджер: по его мнению, порядок устанавливается (точнее, конструируется) по итогам “большой войны”, то есть победителями: легитимность порядка освящается их победой в войне [28]. *Следовательно, каждая тотальная война отменяет правовую основу мирового порядка, устанавливая новый набор норм, ценностей и уполномоченных институтов за их исполнение. Тотальные “тридцатилетние” войны создают три типа легитимности для международных отношений:*

- нормативная: итоги войны создают новую международно-правовую систему;
- морально-ценностная: итоги войны создают новую моральную шкалу оценки политических процессов;
- блокирующая: итоги тотальной войны как бы отменяют правовые системы и ценностные шкалы предыдущего порядка.

Нормативная легитимность предполагает, что данный свод международного права рассматривается как единственно-легитимный и признается в таком качестве основными участниками мирового порядка. На обозримую перспективу ни одно из правительств влиятельных государств не заявляет о том, что данную правовую систему надо ликвидировать, создав на ее основе новые правила игры. Ни советское, ни американское руководство в годы холодной войны не призывали пересмотреть Устав ООН, узаконить вновь неравенство народов и рас, разрешить великим державам перекраивать границы малых и средних стран или вернуть всем странам суверенное право свободно объявлять состояние войны. Не призывали к этому и державы второго эшелона – Британия, Франция и КНР. Аналогично в Венском порядке никто до конца XIX в. не ставил вопрос о ликвидации всех европейских империй в том качестве, как они сложилась с 1815 г. В Вестфальском порядке также ни одна из европейских держав не ставила вопрос о возвращении религии как центрального мотива и движущей силы политики. Эти итоги тотальных “тридцатилетних войн” казались незыблемыми для каждого мирового порядка, легитимизируя его право и институты.

Закреплением этой легитимности выступал культурный образ минувшей тотальной войны. Многочисленные памятники архитектуры, живописи, литературы превращали

войну в “памятное место” для самосознания ведущих держав. Версаль освещал ведущую роль Франции в Тридцатилетней войне, подводил фундамент под ее претензии на установление своей гегемонии. Британские колонна Нельсона и Трафальгар-сквер (Лондон), русские Александрийская колонна (Санкт-Петербург), Храм Христа Спасителя и Большой Кремлевский дворец (Москва), австрийская Шварценберг-плац наглядно легитимизировали и Венский порядок, и ведущую роль трех этих держав в “Венском мире”. Версальский порядок, возникший по итогам Первой мировой войны, легитимизовали памятники Неизвестному солдату в Париже и Лондоне, а также Всенародный день скорби в проигравшей Германии. Символично, что в СССР, противопоставившему себя Версальскому порядку, мемориалов Первой мировой не было¹.

Наш, Ялтинский, порядок также легитимирует множество памятников Второй мировой войны: от могилы Неизвестного солдата в Москве и Мамаева кургана в Волгограде до монумента советского солдата в Трептов-парке Берлина и ансамбля Второй Мировой войны в Вашингтоне. Все эти памятники несут в себе две смысловые нагрузки: 1) война была великой и трудной победой добра над злом; 2) международное право было установлено победителями по итогам победы в величайшей войне.

Морально-ценностную легитимность можно имплицитно почувствовать в отношении внутри данного порядка к определенным историческим событиям и явлениям. В каждом порядке существуют свои представления о легитимизирующих его событиях, к которым невозможно относиться как к “чистой истории”. В наши дни написать работу о немецком национал-социализме как сугубо-историческую (то есть морально-нейтральную) невозможно, это сразу вызовет волну упреков в “оправдании” или “романтизации” нацизма. Аналогично в XIX в. было сложно написать работу о Наполеоне Бонапарте или, тем более, о Великой Французской революции и якобинском терроре: к ним относились как к политическим, а не просто историческим событиям. В предшествовавшем Вестфальском порядке работы о Габсбургах – императоре Карле V (1519–1558) или их политике в Тридцатилетней войне – писались скорее в негативном ключе в духе “Истории Карла V” Уильяма Робертсона. И это не было случайным: данные события легитимизировали существующий мировой порядок, и сомнения в них были подрывом порядка, подобно тому, как в наши дни это символизирует снос памятников Второй Мировой войны.

Хорошим примером может служить полемика, развернувшаяся, кстати, не только в нашей стране вокруг скандально-известной книги В. Суворова (псевдоним В.Б. Резуна) “Ледокол” (1992), согласно которой Сталин сам готовился напасть на Германию в июле 1941 г. Не вдаваясь в суть полемики, обратим внимание на ее предмет. Представим в порядке эксперимента, как некий автор написал книгу о том, что император Наполеон III (1852–1870) готовил превентивный удар по Пруссии накануне Франко-прусской войны, а император Александр II (1855–1881) допускал нанесение превентивного удара по Австро-Венгрии в период “Восточного кризиса” 1878 г. Едва ли такая книга удостоилась бы общественной полемики: максимум, на что мог бы рассчитывать ее автор, – это публикация нескольких рецензий в научных журналах, интересных исключительно специалистам по данной проблеме. Это доказывает, что Вторая мировая война по-прежнему выступает в общественном сознании не историческим, а политическим событием: она легитимизирует наш мировой порядок (включая межгосударственные границы), и ее ревизия влечет за собой не научные, а политические последствия.

Блокирующая легитимность аннулирует правовую систему прежнего мирового порядка. Принятие Устава ООН аннулировало правовые принципы Лиги Наций и предшествований им комплекс Версальских и Вашингтонских соглашений. Принятие Устава Лиги Наций в свою очередь перечеркнуло предшествующие международно-

¹ Национальным символом Первой мировой войны должно было стать Братское кладбище в Москве, открытое в феврале 1915 г. Однако после Октябрьской революции Братское кладбище потеряло свою связь с Первой мировой, став местом захоронения жертв Гражданской войны с обеих сторон и первых советских авиаторов. В 1932 г. Братское кладбище было ликвидировано, и в центральной его части бывшего кладбища был разбит парк (ныне – мемориально-парковый комплекс героев Первой мировой войны). Это событие доказало, что СССР, противопоставлявший себя Версальскому порядку, не стремился сохранить и памятники неудачной для Советской России войны: ведь по ее итогам советское государство было по факту исключено из мирового порядка.

правовые соглашения, восходящие к Парижскому (1856) и Венскому (1814–1815) конгрессам. Решения Венского конгресса в свою очередь аннулировали предшествующую международно-правовую систему, основанную на решениях Вестфальских соглашений 1648 г. и последующих к ним дополнений. Здесь, пожалуй, лучше всего видна правовая граница между мировыми порядками: внутри мирового порядка международно-правовые соглашения принимаются в дополнение к базовым, а на границах мировых порядков происходит смена основополагающих правовых принципов.

Но блокирующая легитимность проявляется и в психологическом аспекте. Предшествующий порядок отделяется от современного “психологической стеной” – люди начинают ощущать себя “по ту сторону” от поколений, живших в предыдущем порядке. Тотальные войны как бы отделяют от нас предшествующий период, делая жизнь его поколений иной, не до конца понятной нам цивилизацией. Зачастую новые поколения теряют даже ощущение родственных связей с представителями предшествующего мирового порядка, воспринимая его людей как “чистую историю” сродни художественному фильму. (Интересный вопрос: многие ли европейцы и американцы помнят сегодня имена своих предков XIX и тем более XVIII в.?) Возникает эффект “закрытия” предшествующего мирового порядка, превращения его в прошлое, не связанное напрямую с нашим мировым порядком.

Социологи пока обращали мало внимания на столь интересное явление. Исключением здесь пока выступают работы американского социолога Питирима Сорокина (1889–1968), рассматривавшего войну в качестве “разрыва организованных взаимоотношений между государствами” [29, с. 657]. Продолжая его наработки, укажу несколько причин блокирующего влияния тотальных войн. Во-первых, общество переживает социальный и психологический шок от ведения войны: не только непосредственные ее участники, но также само общество от побочных ее эффектов – от потерь родных и близких до бомбардировок и голода. Во-вторых, тотальная война приводит к массовому перемещению людей – как территориальному, так и социальному. В-третьих, тотальные войны ведут к уничтожению застройки и памятников предшествующего мира, их заменой на новые. В-четвертых, после “военного тридцатилетия” быстро возрастает новое поколение, для которого новый стабильный порядок становится единственно возможной реальностью, а предшествующий отделен длительной “военной смутой”.

Но у легитимности мирового порядка есть запас прочности, имеющий ограниченный период. Через примерно два поколения после окончания “тридцатилетней войны” связь с ней начинает теряться ввиду естественной смерти ее участников и не менее естественного желания новых поколений жить по-новому. Этому способствует продолжающийся политический процесс в виде изменения соотношения сил между державами-победителями и / или подъема новых держав, интересы которых не были учтены при создании существующего мирового порядка. Возникает естественный запрос на новую тотальную войну, которая должна определить новое соотношение сил между великими державами, заблокировать предшествующую легитимность и создать новую.

ЭПОХИ “ОГРАНИЧЕННОСТИ”

В промежутках между тридцатилетними тотальными войнами мы можем заметить серию ограниченных войн. Для них, как справедливо определял Клаузевиц, характерны: ограничение целей, то есть принуждение противника к заключению компромисса; ведение военных действий на локальном (или локальных) ТВД; использование небольших профессиональных армий.

Эти войны сами по себе могут приобретать крупные географические масштабы и отличаться ведением боевых действий средней интенсивности, как, например, Семилетняя (1756–1763) или Крымская (1853–1856). Однако они не приводят к радикальному слоу соотношения сил между великими державами, не отменяют предшествовавшей правовой системы и не затрагивают основную территорию великих держав. На системном уровне ограниченные войны выполняют ряд функций внутри существующего порядка. Во-

первых, они корректируют соотношение сил между ведущими субъектами порядка, разукрупняя ресурсы претендента на гегемонию. Во-вторых, они позволяют великим державам применять силу, не ломая основополагающих принципов мирового порядка. В-третьих, такие войны укрепляют позиции великих держав на переговорах, позволяя им выторговывать себе все более выигрышные позиции перед соперником.

Еще Клаузевиц рассматривал ограниченные войны как силовые демонстрации, нацеленные на принуждение противника к компромиссу. При наличии небольших профессиональных армий стороны не обладают возможностями для оккупации крупной территории и разгрома противника в решающих сражениях. Они не имеют и ресурсов для быстрого восполнения потерь ввиду дороговизны вооружений и длительного срока подготовки солдата-профессионала. Целью войны выступает только принуждение противника к компромиссу, что может быть достигнуто двумя путями: длительное маневрирование для истощения сил или нанесение противнику локального поражения, убеждающего его в бессмысленности продолжения борьбы.

Политические аспекты взаимодействия войн и международных отношений попытался раскрыть британский историк Алан Джон Тейлор (1906–1990), автор работы “Борьба за господство в Европе. 1848–1918 гг.” (1954). Идея Тейлора заключалась в том, что система международных отношений стабильна при наличии двух базовых условий: 1) отсутствие режимов-ревизионистов и 2) сохранение государствами статус-кво [30]. В дальнейшем эту теорию развивал классик американского неореализма Кеннет Уолтц (1924–2013), рассматривавший стабильность как способность системы оставаться в равновесном состоянии, не разрушаясь [31]. Разумеется, подобная система никогда не является застывшей раз и навсегда, на что указывали оппоненты К. Уолтца: стабильность предполагает и перманентное изменение системы без ее разрушения [32, pp. 50-52]. (Вопрос, кстати, не такой уж оригинальный: все мы помним из курса философии спор древних греков о том, что такое полет стрелы – движение или сумма состояний покоя). Ограниченная война выступает естественным инструментом поддержания стабильности: она разукрупняет ресурсы как претендента на гегемонию, так и регионального ревизиониста.

Специфика таких войн заключается в их многовариативности. Еще в середине 1990-х годов Н.А. Косолапов разделил понятия “война” и “конфликт”, показав, что в состоянии войны стороны могут находиться только в состоянии ведения военных действий или ведения переговоров о заключении мира, в то время как в ходе конфликта они могут находиться в самых разнообразных формах взаимодействия [33]. Ограниченные войны по данной классификации – классические конфликты, коль скоро они чаще всего ведутся параллельно с консультациями и переговорами о заключении мира. Эта его теория хорошо объясняет современные западные концепции “новых типов войн”, согласно которым военные конфликты после 1991 г. якобы отличаются от всех предшествующих. Для обоснования этого были выдвинуты теории:

- “новых войн”, согласно которой в современных войнах могут участвовать как государства, так и негосударственные субъекты;
- “опосредованных войн” (*proxi*-войн), согласно которой в ядерную эпоху государства воюют друг с другом через подставных субъектов;
- “асимметричных войн”, в которых великие державы воюют только с намного более слабыми субъектами;
- “гибридных войн”, якобы сочетающих в себе ведение военных действий с экономическим, дипломатическим и информационным воздействием.

Опровергнуть эти концепции ничего не стоит, ибо их авторы понимают под “классическими войнами” только тотальные войны. Но большинство войн Нового времени были гибридными, ибо сочетали в себе военные действия с дипломатическими маневрами, санкциями, информационным воздействием. В этих войнах использовались негосударственные игроки в виде наемников, каперов, иррегулярных формирований (инсургентов): достаточно вспомнить, что торговля наемниками была несколько веков уделом немецких князей, а понятие “швейцарец” означало вплоть до начала XIX в. и народ, и профессию наемного солдата. Идею опосредованных войн или “войн по

доверенности" развивали отцы-основатели США, выдавая индейским племенам патенты на ведение войны. Асимметричные войны процветали несколько веков под вывеской колониальных войн [34], что, впрочем, не меняло их содержания.

Еще интереснее популярный в американской политической теории тезис о том, что в современных военных конфликтах нет четкой линии фронта. Понятие сплошного фронта появилось только в Русско-японскую войну (1904–1905), когда вооруженные силы стали оборонять непрерывную линию длиной около 100 километров [35]. До этой войны сплошного фронта не существовало: шло свободное передвижение войск и их маневрирование на обширных пространствах. Это явление имеет объяснение: построить оборону сплошным фронтом можно только при наличии крупных по численности вооруженных сил, при войнах маленькими профессиональными армиями такой вариант невозможен. Почему в современных войнах следует говорить о переходе к чему-то новому, а не возвращению к военным конфликтам прошлого, остается непроясненным.

Здесь можно по-новому посмотреть на центральный тезис классика либеральной школы Гренвилла Кларка (1882–1967), согласно которому роль силы в межгосударственных отношениях снизилась с появлением ядерного оружия. Пожалуй, было бы уместно задать вопрос: "По сравнению с чем произошло это снижение?" Если по сравнению с периодом мировых войн первой половины XX в., безусловно, да. Но предшествующий Венский порядок знал и длительные (по 40–50 лет) периоды мира между великими державами на фоне военных конфликтов низкой и средней интенсивности, а также колониальные войны. Вестфальский порядок сформировал модель кабинетных войн, в которых стороны вели столкновения на локальных ТВД. Тридцатилетние пики тотальных войн разделяют мировые порядки, в то время как внутри мировых порядков ограниченные войны выступают нормой отношений.

Многовариативность ограниченных войн формирует гибкое понимание категорий победы и поражения. Такие военные конфликты, по справедливому замечанию В.Л. Цымбурского, завершаются сделкой, более удачной для победителя и менее удачной для побежденного. Соответственно, победа в таких войнах не совсем победа, а поражением не совсем поражение [36], что позволяет подверстывать под них практически любой результат. Это создает диапазон возможностей для элит, позволяющих использовать ограниченные войны для решения не только международных, но и внутривнутриполитических задач:

- Консолидация политической системы страны. Хрестоматийным примером здесь выступает фраза, приписываемая русскому министру внутренних дел В.К. Плеве: "Нам нужна маленькая победоносная война". Такая война на время позволяет снять напряженность в обществе или разрешить какой-то кризис за счет переключения внимания общества и создания идеологии победы².
- Перехват управления оппозиционными элитами. С таким сценарием мы встречаемся во многих ограниченных войнах Античности и Средних веков, но в Новое время они стали неотъемлемой частью даже ограниченных конфликтов.
- Ускоренная легитимизация политического режима. Чаще всего это происходит при ее острой недостаточности.
- Оправдание существования крупных бюрократических систем. Магистральной тенденцией Новой времени, как указал немецкий социолог Карл Мангейм (1893–1947), стал переход от аристократического к бюрократическому обществу [38, с. 289], что изменило характер войн. Со второй половины XIX в. власть перешла к бюрократическим группам, контролирующим всех сферы общественной жизни. Возникает потребность в ограниченных войнах как необходимой мотивации для существования крупных армий, военно-промышленных комплексов и связанных с ними институтов.

² Известный историк С.С. Ольденбург отрицал значимость этой фразы для внешней политики России, справедливо утверждая, что именно Япония была инициатором Русско-японской войны: "нет, конечно, оснований выводить из этих слов Плеве, что война, начатая Японией в наиболее подходящий для нее момент, была в какой-либо мере вызвана русским министром внутренних дел" [37, с. 197]. В контексте данной темы эта "формула Плеве" интересна нам как принцип, а не историческое событие.

“Войны по доверенности” – относительно новая и малоизученная проблема в политической науке. Она означает, что правительства двух и более государств заключили между собой заранее соглашение, согласно которому одна из сторон провозгласит себя победителем в обмен на предоставление преференций другой. Подобные войны процветали в европейском Средневековье, когда феодалитет приглашал другого короля для решения своих проблем или один король заранее соглашался уступить другому, но кодекс чести требовал обменяться несколькими угрожающими жестами. В таких войнах категории победы и поражения размываются, ибо поражение обговорено заранее и позволяет определенному сегменту элиты прийти к власти или сменить политику.

Другое дело, что в определенный момент ограниченные войны перестают соответствовать политике ведущих игроков мирового порядка: они начинают делать ставку на подготовку тотальной войны. Причины этого явления военная социология пока затрагивала лишь вскользь, хотя здесь намечается интересная диалектика военного и политического. Решить масштабные политические задачи невозможно с помощью небольшой профессиональной армии: здесь требуются крупные по численности вооруженные силы, позволяющие оккупировать территорию противника и установить там желанный политический порядок. Но для перехода к мобилизационной системе и развязыванию тотальной войны режимы статус-кво должны превратиться в режимы-ревизионисты. Получается, что переход от ограниченных войн к тотальным могут осуществить ревизионисты, вовлекая в воронку конфликта и другие державы.

Ограниченные войны тоже имеют свои закономерности развития. В начале мирового порядка происходит или уменьшение масштаба войн до региональных конфликтов или вытеснение конфликтов на периферию. В середине каждого мирового порядка происходит всплеск ограниченных войн, приобретающих более крупные масштабы. Наконец, к концу существования порядка штабная мысль как бы планирует новую тотальную войну, а междержавные противоречия снова выносятся на периферию, где происходит несколько схваток – как бы ее репетиций. В этом развитии заложена логика саморазвития мирового порядка, связанная с потерей легитимности, “запаса прочности”, которые придавали его институтам итоги предшествующей тотальной войны.

ВОЙНЫ ВЕСТФАЛЬСКОГО ПОРЯДКА

Тотальной войной, создавшей привычный нам мир национальных государств, стала Тридцатилетняя войны (1618–1648). Сама по себе она не была единой войной, а серией войн и конфликтов³. На уровне постановки политических задач и их реализации Тридцатилетняя война была скорее не чем-то новым, а завершением исторического периода, начавшего на рубеже XV–XVI вв. В Европе война стала генеральной схваткой между Габсбургами и Францией, вокруг которой группировались европейские протестанты. С военной точки зрения Тридцатилетняя война довела до логического конца обозначившееся с конца XV в. искусство войны массовыми наемными армиями [здесь и далее материалы по войнам взяты из работ: 40; 41] Европа впервые видела борьбу армий, количество которых превышало 100 тыс. чел. Но увеличение численности армии вызывало обратную тенденцию: резкое усиление огневой мощи. Реформы шведского короля Густава Адольфа (1611–1632) и французского полководца принца Конде (Людовик II де Бурбон, 1621–1686) выровняли баланс в сторону средств уничтожения за счет внедрения легких скорострельных пушек, легких мушкетов и сплошной стрельбы мушкетеров, построенных в три шеренги. Это открыло в Европе эпоху линейной тактики с ее культом огневой мощи – цепями стрелков, истребляющих друг друга с расстояния.

³ На территории Центральной Европы историки выделяют в ней Чешско-Пфальцкий (1618–1624), Датский (1625–1629), Шведский (1630–1635) и Франко-Шведский (1635–1648) периоды. Однако современные исследователи расширяют понятие Тридцатилетней войны, добавляя к ней испано-голландскую (1621–1648), англо-испанскую (1624–1630), англо-французскую (1627–1629), русско-польскую Смоленскую (1632–1634), датско-шведскую (1643–1645) войны. “Морской компонент” перенес соперничество в Мировой океан, затронув и Южную Америку, и Африку, и Юго-Восточную Азию. Английская революция (1640–1660), развернувшаяся в это время на Британских островах, также была связана с Тридцатилетней войной: начавшись как гражданская война англичан и кальвинистов она переросла в конфликт Англии с Шотландией и Ирландией, а затем с Испанией и Голландией, наложившихся на франко-испанскую войну (1635–1659). “Шлейф” этой войны тянулся вплоть до 1668 г., когда Испания признала независимость Португалии [39].

В результате Тридцатилетней войны был установлен первый порядок национальных государств – **Вестфальский**. По своей структуре он изначально был гегемонистским: в новом раскладе сил Франция стала ведущей державой Европы, которая по совокупности ресурсов превосходила остальные государства региона [42, с. 22.]. История Вестфальского порядка была по сути тремя попытками Франции установить свою гегемонию в Европе и мире. Эту закономерность отражали и войны данного периода.

Важный момент: европейцы второй половины XVII в. психологически ощущали себя “по ту сторону” войны, создавшей новый мир. В течение двух лет после подписания Вестфальского мира в германских государствах и Англии уже утверждается термин “Тридцатилетняя война”, показывающий завершенность этой тотальной войны. В немецкой литературе Мартин Опиц, Пауль Флеминг, Ганс Якоб Кристоффель фон Гриммельсгаузен изображали Тридцатилетнюю войну как варварство, которое противоречит основам цивилизации. Того же мнения о Тридцатилетней войне придерживались деятели эпохи Просвещения. “В исторической памяти народов, переживших Тридцатилетнюю войну, она осталась самым кошмарным бедствием, апокалипсисом, который может только представить себе воображение человека”, – указывает российский историк А.И. Патрушев [43, с. 120].

На первом этапе существования Вестфальского порядка произошло возвращение к модели ограниченной войны: Франция стремилась установить гегемонию посредством локальной проекции силы. Ей противостояли коалиции с участием Священной Римской империи, Голландии, Испании, к которым постепенно присоединилась и Англия. Ни одна из сторон не имела при этом ни желаний, ни материально-технических возможностей для повторения тотальной Тридцатилетней войны. Новым типом конфликтов стали кабинетные войны, в которых стороны, обменявшись силовыми демонстрациями, принуждали противника к заключению мира как сделки – более удачной для победителя и менее удачной для побежденного. Армии в течение длительного времени маневрировали на локальных ТВД, так и не переходя к решающему сражению. Зато колоссальную роль играла культура стратегического жеста – взятие символического объекта или достижение локальной победы, что должно было принудить противника сесть за стол переговоров. В подобных кабинетных войнах широко использовались негосударственные игроки: наемники, каперы и даже “подставные армии” мелких княжеств, за спиной которых по факту действовали великие державы⁴.

На втором этапе Вестфальского порядка кабинетные войны эволюционировали в новый тип – “войны за наследство”. Их прологом выступал кризис государственности определенной страны. В ней, как правило, действовали несколько политических группировок со своими вооруженными формированиями. Каждая из этих групп имела покровителя в лице великой державы и обращалась к ней за помощью. Соперничающие державы вводили войска на территорию такой страны, ведя боевые действия только на ее территории, в крайнем случае дополняя их силовыми демонстрациями на других, чаще всего неевропейских, ТВД. Стратегия войн за наследство, как и кабинетных войн, сводилась к нанесению противнику локального поражения, убеждающего его в бессмысленности продолжения войны. Поэтому первая половина XVIII в. рождает новые представления о “великом полководце”: им становится “гений малых сил”, способный решить масштабные политические задачи с маленькой армией. Культовые фигуры того времени французский маршал Луи де Ришелье (1696–1788) и прусский король Фридрих II (1740–1786)

⁴ Переход к кабинетным войнам был неразрывно связан с победой концепции небольшой профессиональной армии, превосходящей противника огневой мощью. Эта концепция принца Конде достигла триумфа в кабинетных войнах второй половине XVII в. в связи с утверждением концепции локальных войн частью сил. Так, в ходе Деволюционной войны (1667–1668) Франция выставила только около 70 тыс. чел., из них – 50 тыс. чел. в Испанских Нидерландах и 15 тыс. чел. во Франш-Конте; ее противник Испания – армию в 30 тыс. человек. В Голландской войне (1672–1678) общие силы Франции насчитывали 253 тыс. чел., Голландии – 80 тыс. и Священной Римской империи – 132 тыс. чел. В Войне за Пфальцское наследство (1688–1697) в кампаниях участвовало не более 50-70 тыс. у каждой из сторон. Такие контингенты не имели возможности ни оккупировать крупную территорию, ни быстро продвинуться на дальние расстояния: их задачей было принуждение противника к заключению выгодного для победителя мира. Финалом этого периода стали две синхронные войны – Война за Испанское наследство (1701–1714) и Вторая Северная война (1700–1721) в Восточной Европе. По количеству участников и заявленным политическим целям они напоминали тотальную Тридцатилетнюю войну. Однако военные действия велись небольшими профессиональными армиями, на пограничных ТВД. Военные действия практически не затрагивали территории основных участников, и население воюющих стран (кроме Речи Посполитой) не видело войн. Политическое урегулирование этих войн также не вышло за рамки компромисса, подновлявшего Вестфальский порядок.

ориентировались на небольшие армии, способные одержать победы благодаря своей выучке и превосходству над противником в огневой мощи⁵.

Другой тенденцией стало разрастание театров использования военной силы: горизонтальная эскалация в противовес вертикальной XVI века. Еще со времун Войны на Испанское наследство определилось англо-французское соперничество в Северной Америке, куда в дальнейшем переносились все европейские войны. Другой центр соперничества возник вокруг Индостана, где французы и англичане пытались создать колониальные империи. Именно в этих войнах обе стороны широко использовали иррегулярные формирования: союзы индейских племен в Северной Америке, индийских раджей в Юго-Восточной Азии. Одним из инструментов борьбы оставалось расширявшее свои масштабы каперство, как средство подрыва морской торговли противника.

Вершиной и тупиком этой системы стала Семилетняя война (1756–1763). Цели сторон носили ограниченный характер – принудить противника к выгодному для себя компромиссу. Технология ведения войны также напоминала войны за наследство – военные действия в приграничных регионах. Из всех ведущих держав война затронула только территорию Пруссии, которая в этот период боролась за вхождение в клуб великих держав. Однако географический охват и интенсивность военных действий уже превращали эту ограниченную войну в глобальный военный конфликт. (Не случайно У. Черчилль назвал его “первой мировой войной”). Война завершилась компромиссом – Франция потеряла большую часть своих колоний, но при этом превратила Австрию в своего младшего партнера. Такая двойственность результатов доказала, что потенциал ограниченных войн исчерпан – следующая война будет уже тотальной.

Третий этап Вестфальского порядка, начавшийся после Семилетней войны, стал временем подготовки новой тотальной войны, в Европе между великими державами в течение 30 лет отсутствовали войны, что породило многочисленные надежды просветителей на “отмирание войн” и “вечный мир”. Между тем, в войнах на периферии великие державы присматривались к новой стратегии – войнам не профессиональными армиями, а “вооруженным народом”. Эффективность подобных нерегулярных образований доказала Война за независимость США (1775–1783), а также русско-турецкие войны (1768–1774; 1787–1791), в ходе которых родилась “стратегия Суворова” – борьба с противником, слабым огнем, но обильным числом.

“Вторая Тридцатилетняя война” (1789–1815) включала в себя войны революционной Франции и логически продолжавшие их Наполеоновские войны. Подобно мировым войнам XX в. они носили всемирный характер, затронув, помимо всей Европы (включая Балканы и Скандинавский полуостров), Северную Америку, Северную Африку, Юго-Восточную Азию и даже Австралию. Подобно Тридцатилетней, это была не единая война, а серия взаимосвязанных конфликтов, завершавшихся заключением промежуточных мирных договоров. Их характерной чертой были, как и в Тридцатилетней войне, 1) тотальные политические цели участников (ликвидация противника как политического субъекта посредством смены режима) и 2) ведение военных действий высокой степени интенсивности на многочисленных ТВД.

Политические цели “Второй Тридцатилетней войны” не были принципиально новыми: они реализовывали потенциалы Вестфальского порядка. Франция, стремясь взять реванш за Семилетнюю войну, стремилась контролировать два центра мировой торговли: Ост- и Вест-Индию. На этом пути Франция вновь столкнулась с коалицией Великобритании, Австрии и России – трех держав, опасавшихся французской гегемонии. С военной точки зрения революционная Франция вернула искусство войны крупными силами. Якобинцы реализовали концепцию массовой призывной армии, способной быстро восполнять понесенные потери. Уже в 1794 г. Конвент мобилизовал 770 тыс. чел. – в четыре-пять раз больше, чем перед революцией, а в 1813–1814 гг. наполеоновский набор достиг 1.25

⁵ В битве при Фонтенуа (современная Бельгия) 1745 г. французская армия под командованием Морица Саксонского и Ришелье насчитывала, например, 48 тыс. чел. при 110 орудиях; ей противостояла англо-имперская армия в составе 53 тыс. чел. при 101 пушке. В том же 1745 г. в битве при Гогенфридберге (современная Польша) у Фридриха II было 58 тыс. чел. при 192 орудиях против имперской армии в 62.5 тыс. чел. при 102 орудиях.

млн чел. (5% населения). Французские новинки постепенно перенимаются остальными европейскими державами⁶. Такие армии уже были способны контролировать крупные пространства, что обуславливало быстроту их передвижения и оккупации ими территорий.

Итоги “Второй тридцатилетней войны” исчерпали базовые основы Вестфальского порядка. На Венском конгрессе 1814–1815 гг. союзники добились своей главной цели: ликвидировали основы гегемонистской политики Франции за счет ее временной оккупации, установления лояльного им режима Реставрации и создания территориальных барьеров (Королевства Нидерландов и Швейцарии), блокирующих ее экспансию. На смену Вестфальскому порядку пришло новое соотношение сил, установленное Венским конгрессом 1815 г.

ВОЙНЫ ВЕНСКОГО ПОРЯДКА

Войны **Венского порядка** в целом повторили эволюцию войн Вестфальского порядка. В отличие от предшествующего, Венский порядок был порядком баланса сил, основанном на примерном равновесии потенциалов пяти великих держав: Австрии, Великобритании, Пруссии, России и Франции. При этом великие державы попытались установить прообраз будущей системы коллективной безопасности, воплощенной в системе Священного союза. Европейская стабильность основывалась в его рамках на соглашениях о 1) гарантиях режима Реставрации во Франции; 2) интеграции монархической Франции в систему великих держав; 3) сохранении альянса четырех держав (Австрии, Великобритании, Пруссии и России) на послевоенный период.

Здесь вновь мы сталкиваемся с тем же психологическим моментом, как и в начале Вестфальского порядка: ощущение людей того времени себя “по ту сторону большой войны” – жителями нового мира, созданного Наполеоновскими войнами (“Второй Тридцатилетней войны”). В державах-победительницах (Австрии, Великобритании и России) была установлена серия официальных монументов минувшей войне. На официальном уровне все радикально-левые идеологии выступали “абсолютным злом”, “крамолой” с точки зрения Венского порядка. Но параллельно в европейской культуре возникла волна “наполеонизма” – восхищения фигурой Наполеона I как форма политического протеста. Он был популярен у итальянских, польских, ирландских революционеров, французских радикалов – всех, кто требовал пересмотра границ, установленных Венским конгрессом. Напротив, монархи держав-победительниц видели в наполеонизме форму покушение на основы существовавшего порядка.

На первом этапе (до революций 1848 г.) Венский порядок стал временем “долгого мира” в Европе. “В период между Венским конгрессом и революциями 1848 года новая война Франции против Европы была единственной, которую имели в виду стратеги”, – писал английский историк А.Дж. Тэйлор [30, с. 51]. Зато на периферии Наполеоновские войны повлекли за собой длинный “шлейф” вооруженных конфликтов в Латинской Америке: оккупация французами Испании и Португалии привела к войнам (по современной классификации – конфликтам) за независимость их латиноамериканских колоний.

Военные конфликты этого “долгого мира” сводились к трем типам:

- 1) интервенции великих держав в страны, охваченные внутренними кризисами, с целью восстановления легитимных режимов;
- 2) борьба с радикальными национальными движениями, которые создавали иррегулярные армии инсургентов;
- 3) ведение опосредованных конфликтов на периферии, где за спиной тех или иных субъектов стояли ведущие державы.

⁶ Так, в Отечественной войне 1812 г. Франция и ее союзники выставили по разным оценкам 610-685 тыс. солдат, Россия также около 600 тыс. чел. В Войне шестой коалиции (1813–1814) Французская империя выставила 440 тыс. солдат, а противостоящая им коалиция – более 500 тыс., из которых были 175 тыс. русских, 170 тыс. пруссаков, 110 тыс. австрийцев и 18 тыс. шведов.

В этот период происходит настоящий триумф того явления, которое политологи часто связывают с холодной войной: вытеснение конфликтности на периферию. Соперничество великих держав выливалось в локальные конфликты на Пиренейском и Апеннинском полуостровах без прямого объявления войны друг другу. Между Россией и Великобританией начинается “большая игра” – соперничество на широком пространстве от Кавказа до Японии. Большая игра вернула “гибридную войну”, когда стороны, не вступая в прямую конфронтацию и даже внешне сохраняя партнерские отношения, поддерживают противников друг друга в Персии, на Кавказе, в Китае [44; 45]. Еще более серьезный узел конфликтов завязывался вокруг “восточного вопроса” – борьбы за раздел слабеющей Османской империи.

Эта ситуация была связана во многом с особенностью распределения силовых потенциалов. Россия и Великобритания – два новых антагониста Венского порядка – были малоуязвимы друг для друга и не имели технической возможности вести прямой конфликт друг с другом. Франция постепенно переходила к устойчивому партнерству с Великобританией (феномен “первой Антанты”), Россия сохраняла союзнические отношения с Австрией и Пруссией, заняв привилегированное положение в германских делах. Такой расклад сил делал невозможной большую наземную войну в Европе, зато повысил значимость войны экспедиционными силами⁷. *Война «малыми силами» снова стала рассматриваться как ключевой компонент военной стратегии.*

На втором этапе Венского порядка ограниченные войны вернулись как составная часть отношений между европейскими государствами. Революции 1848 г. возобновили в Европе военные конфликты по национальным проблемам, какими были, например, Первая датско-германская (1848–1850) и Австро-пьемонтская война (1848–1849). В последующих войнах стороны декларировали ограниченные задачи, стремясь принудить противника к компромиссу. В Крымскую войну (1853–1856) Великобритания и Франция стремились уничтожить русский черноморский, а в идеале и балтийский флот, включая их базы. Война Франции и Пьемонта против Австрии 1859 г. была ограниченным применением силы с целью изгнания австрийцев из Ломбардии. Во Второй датско-германской войне (1864) Пруссия и Австрия стремились изгнать датчан из Шлезвига и Голштейна, в Австро-прусской войне (1866) пруссаки и вовсе ограничились изгнанием Австрии из институтов “германского мира”. Соответственно, войны велись преимущественно на локальных ТВД: Крымская война была набором силовых демонстраций на отдаленных от основной Европы Черном и Азовском морях, в южном Закавказье, на Балтийском и Белом морях; войны Пруссии против Дании и Австрии были кратковременными конфликтами в пограничных регионах.

В ходе войны стороны использовали только часть имевшихся в их наличии вооруженных сил. В 1855 г. Россия задействовала на главном ТВД в Западном Крыму около 85 тыс. чел. (из них 48 тыс. при обороне Севастополя), союзники (англичане, французы, турки и сардинцы) – около 175 тыс. В битве при Сольферино (современная Италия) 24 июня 1859 г. союзники выставили 118 тыс. 600 чел. (93 600 французов и 25 000 сардинцев), австрийцы – 119 783 солдата. В крупнейшей битве Австро-прусской войны при Садовой 3 июля 1866 г. пруссаки задействовали 221 тыс. чел. при 924 орудиях, австрийцы – 214.1 тыс. солдат (184.1 тыс. австрийских и 30 тыс. саксонских).

Любопытные примеры войн мы видим в этот период вне Европы. После принудительного открытия Японии коалиция западных держав (Великобритания, Франция, США, Нидерланды) попытались вмешаться с помощью локальных силовых акций в ее внутреннюю политику. В Западной полушарии развернулась серия тотальных войн на ограниченных ТВД – Великая война (1845–1852), Гражданская война в США (1861–1865), Парагвайская (1864–1870), ставкой в которых выступало само существование определенного режима. Гражданская война в США уже видит борьбу миллионных армий

⁷ В Первой англо-афганской войне (1838–1842) Великобритания задействовала, например, 10 тыс. линейной пехоты, 1500 тяжелых кавалеристов и 5 тыс. иррегулярных афганских формирований при 200 орудиях. В Первой опиумной войне (1840–1842) англичане добились успеха выставили экспедиционные силы около 5 тыс. чел. при поддержке флотилии из 40 кораблей против 90 тыс. китайцев. Россия в Русско-персидской войне (1826–1828) выставила около 10 тыс. чел. против 35 тыс. персов, а в Русско-турецкой войне (1828–1829) – по разным оценкам около 100-150 тыс. чел., то есть примерно 1/7 часть своей армии.

(2.129 млн северян против 1 млн южан) и ряд технических новинок вроде широкого использования магазинных винтовок. В каком-то смысле это была репетиция будущих тотальных войн XX в., апробация их стратегии.

Вершиной и тупиком этого периода стали войны 1870-х годов. Во Франко-прусской войне (1870) обе стороны выдвинули на фронт крупные силы: к 1 августа 1870 г. германское командование сосредоточило на французской границе около 490 тыс. чел., в то время как французы – около 260 тыс., к которым затем добавилась 120 тыс. Шалонской армии. Россия направила на фронт около 335 тыс. солдат (около 185 тыс. на Балканский и около 150 тыс. на Кавказский ТВД) против 281 тыс. турецкой армии (около 200 тыс. на Балканском и 70 тыс. на Кавказском ТВД). Однако результат обеих войн еще укладывался в парадигму ограниченной войны. По условиям Франкфуртского мира 18 мая 1871 г. участники еще не выходили за рамки концепции ограниченной войны: Франция теряла Эльзас и Восточную Лотарингию, выплачивала 5 млрд контрибуции, что было вполне компромиссными условиями. Условия Сан-Стефанского мирного договора создавали серию славянских государств на Балканах, однако Берлинский трактат 1878 г. частично (хотя и не радикально) сокращал результаты русской победы, сохраняя европейские владения Османской империи. *Итоги Франко-прусской и Русско-турецкой войн доказывали, что парадигма ограниченных войн в Европе во многом исчерпана: будущая война великих держав станет уже тотальной.*

Третий этап Венского порядка стал подготовкой к новой тотальной “Тридцатилетней войне”. На политическом уровне это был период “долгого мира”, в рамках которого происходило оформление противоборствующих военно-политических союзов (Антанты и Тройственного союза), а также выход на международную арену неевропейских держав ревизионистов – Японии и США. Такое переформатирование Европы – создание австро-германского и франко-русского альянсов – впервые после Наполеоновских войн делало возможным крупный военный конфликт. Мы видим уже резкое увеличение численности армия великих держав до почти миллионных значений.

Таблица 1. Численность вооруженных сил великих держав (1880–1914), млн чел.

	1880	1900	1914
Россия	0.791	1.162	1.352
Франция	0.543	0.715	0.910
Германия	0.426	0.524	0.891
Великобритания	0.367	0.624	0.532
Австро-Венгрия	0.246	0.385	0.444
Италия	0.216	0.255	0.345
Япония	0.071	0.234	0.306
США	0.034	0.096	0.164

Источник: Сухопутные и военно-морские силы держав в 1880-1914 годах⁸.

В такой политической атмосфере европейская военная мысль стала закономерно развивать теорию тотальной войны. Основы ее заложил еще К. фон Клаузевиц, обосновавший необходимость быстрого разгрома противника. Но окончательно эта теория была развита его учеником – немецким военным стратегом Хельмутом фон Мольтке старшим (1800–1891), осуществившем свои реформы на практике [46] в 1860-х гг. через:

- введение принципа общей воинской обязанности, то есть мобилизации мужчин определенного возраста для службы по призыву в мирное время и вступления в армию в случае войны;
- создание корпуса профессиональных штабных офицеров, задачами которых было планирование военных действий;
- развитие инфраструктуры, прежде всего сети железных дорог, для быстрой

⁸ Сухопутные и военно-морские силы держав в 1880-1914 годах. Available at: <http://www.warconflict.ru/rus/statistika/?action=shwprd&id=1045> (accessed 08.07.2022).

- мобилизации и передвижения войск;
- внедрение системы массового патриотического воспитания как основы школьного образования.

Новая стратегия формировалась под действия миллионными армиями, что само по себе требовало широких географических ТВД. Возникал вопрос о совершенствовании мобилизационных возможностей великих держав, что требовало ускорения развития железнодорожной сети, телеграфа, а позднее и радиосвязи. Одновременно с этим прогресс физики создал предпосылки для совершенно новых типов вооружения – от авиации до механизации, что предопределило облик армий XX в.

В локальных войнах на периферии уже происходила отработка технологии будущих тотальных войн. В Англо-бурской войне (1899–1902) британское командование впервые применило тактику ведения армейских операций по всему фронту, задействовав разнообразные рода войск, имеющих общий замысел и цель. В Русско-японской войне (1904–1905) сформировалось понятие сплошного фронта как оборонительного рубежа значительной протяженности. Многократно возросшая плотность огня заставила военных теоретиков пересмотреть концепции ведения боя: великие державы отказались от сомкнутых пехотных построений, отдав предпочтение рассредоточенным стрелковым цепям. В Балканских войнах 1912–1913 гг. и вовсе уже отработывались действия боевой авиации, что сделало их непосредственным прологом к мировым войнам..

В духовном климате Европу охватывает волна национализма и даже шовинизма, немислимая в предыдущий период. Французский “свирепый реваншизм” после войны 1870 г., немецко-австрийский пангерманизм, русский панславизм, завязанный на балканские проблемы, – все это были однотипные явления, свидетельствующие о кризисе легитимности мирового порядка. Симптомом этой тенденции стали охватившие Европу грандиозные празднества побед в ограниченных войнах: Франко-прусской, Русско-турецкой или французских колониальных экспедициях. (Как писал А.А. Блок в поэме “Возмездие”: “Горохом сыплется ура, // И Забалканский, и Сенная // Кишат полицией, толпой, // Крик, давка, ругань площадная..”). Сами по себе эти войны не были однозначными победами, кардинально меняющими соотношение сил. Но эти празднества хорошо демонстрировали растущий запрос европейских обществ на новую большую победу, сопоставимую с Наполеоновскими войнами. Для поколения 1890-х гг. они стали уже просто историей, что порождало запрос на новую большую победу, легитимизируя и мировой порядок, и внутривнутриполитические системы великих держав.

“Третья тридцатилетняя война” (1914–1945), которую мы обозначаем как мировые войны XX в., завершила длительный цикл “от Вены до Сараево”. Подобно двум предшествующим, новая “Тридцатилетняя война” была не единым конфликтом, а серией войн, разделенных мирными договорами и попытками промежуточного урегулирования, обозначенных в современной науке как Версальско-Вашингтонский порядок. Политически обе мировые войны стали результатом разложения Венского порядка баланса сил: вовсе не случайно, что в обеих мировых войнах составы коалиций были очень близки друг другу. С военной точки зрения мировые войны XX в. также скорее завершали предшествующую эпоху, чем начинали новую. Они реализовали идейный пул второй половины XIX в.: война крупными массами при максимальной концентрации огневой мощи, включая авиационную. Военное искусство при этом шло по пути непрерывного наращивания огневой мощи (включая воздушную мощь), что логично завершилось созданием ракетного и атомного оружия.

Эти массовые армии позволили окончательно сломать мир баланса сил, открыв дорогу новому порядку. По итогам Второй мировой войны были окончательно ликвидированы распределение силовых потенциалов и правила межгосударственного взаимодействия, установленные по итогам Наполеоновских войн, то есть предыдущей “Тридцатилетней войны”.

ВОЙНЫ ЯЛТИНСКОГО ПОРЯДКА

Военный цикл нашего Ялтинско-Потсдамского (Ялтинского) порядка, установленного державами-победительницами в 1945 г., пока повторяют путь развития Вестфальского и Венского порядков. Державы-победительницы установили свою иерархию и систему международного права через механизм ООН, выступавшей опорой международной безопасности. Последнее означало не что иное, как признание незыблемости того распределения силовых потенциалов и той правовой системы, которые возникли по итогам Второй мировой войны. Устав ООН, принятый в 1945 г., сразу ввел три новых базовых правила нового порядка: признание равенства народов и рас, гарантии безопасности всем суверенным странам и ограничение суверенного права государств на ведение войны. Эти условия стали по сути формальными правилами межгосударственного взаимодействия в новом мировом порядке.

Как и после Наполеоновских войн, люди нового порядка психологически ощущали себя “по ту сторону” большой войны. Во всех державах-победительницах возник особый дискурс подачи Второй мировой войны как последней большой войны в истории, опиравшийся на три компонента. Первый – обилие официальных монументов, создающих образ трудной, но великой победы добра над злом. Второй – формирование культуры военного трагизма и катастрофичности понесенных потерь. Третий – катастрофизм в восприятии роли ядерного оружия и популяризация тезиса (правда, не доказанного) о невозможности достижения победы в так называемой ядерной войне. Отсюда проистекало популярное представление о начале нового этапа мировой истории после Второй мировой войны. Все это в полной мере соотносилось и с представлениями людей XIX в. о Наполеоновских войнах как о последней “великой войне” в истории, и с представлениями просветителей XVIII в. о необходимости “вечного мира”.

На эту тенденцию работало еще одно значимое обстоятельство: после Второй мировой войны в мире отмирал институт формального объявления войны. Это было связано с его ограничением в Уставе ООН, допускавшим объявление войны только в порядке самообороны. Ограниченные войны при этом спокойно велись, существуя под вывеской “региональный конфликт”, что позволяло обходить положения Устава ООН. Но отсутствие формального объявления войны порождало иллюзию, что в мире больше нет полноценных войн, а мы живем в “долгом мире”. Хотя в действительности по количеству участников, интенсивности военных действий эти региональные конфликты не уступали по масштабам и задействованным средствам ограниченным войнам XIX в.

На первом этапе в Ялтинско-Потсдамском порядке, как и в предшествующих, произошло снижение больших гегемонистских целей сверхдержав до локальных задач. Вторая мировая война, подобно Наполеоновским и Тридцатилетней, породила шлейф конфликтов на периферии. Их содержанием были разрушение Британской и Французской империй, а также конфликты между государственными образованиями. Эти конфликты разомкнулись в антиколониальную борьбу, в ходе которой руководители США и СССР совместными усилиями понизили роль Великобритании и Франции в новом мировом порядке.

Прямая наземная война между сверхдержавами была при этом затруднена технически: географической удаленностью СССР и США друг от друга, которая влекла за собой нервозность поддерживать крупные военные операции в другом полушарии Земли. У сторон были также разные военные приоритеты: у СССР было тотальное превосходство на суше, у США и Великобритании на море, что делало стороны мало уязвимыми друг для друга. Единственно возможной становилась война экспедиционными силами на периферии, что во многом воспроизводило российско-британскую “большую игру”.

Военная стратегия сверхдержав, прикрываясь “ядерным патом”, совершила резкий переход от концепции войны тотальной к концепции ограниченной войны. Уже во второй половине 1950-х гг. в США Генри Киссинджер (будущий помощник президента по национальной безопасности и госсекретарь), а также эксперты Герман Кан и Роберт Осгуд [47] разработали доктрину ограниченной ядерной войны: возможность ограниченного

применения ядерного оружия на одном или нескольких ТВД. Еще большее воздействие на западную стратегию оказала работа британского стратега Бэзила Лиддел-Гарта (1895–1970) “Стратегия непрямых действий” (1954) о достижении превосходства посредством серии локальных побед на отдельных ТВД, достигаемых через подставные режимы [48; 49; 50]. (По логике: мы говорим, что нанесли поражение Южной Корее, но подразумеваем США). Эти наработки суммировала принятая в 1961–1962 гг. американская стратегия “гибкого реагирования”, постулировавшая возможность ограниченного применения силы (включая ядерное оружие) в различных конфликтах [51]. Соответственно “победа” в рамках концепции гибкого реагирования стала вновь означать принуждение противника к невыгодному ему компромиссу или достижению стратегической ничьи с противником.

Похожие изменения происходили и в советской стратегии. Официально Советский Союз отрицал американскую доктрину гибкого реагирования. “Концепция ограниченной ядерной войны считалась в советской военной теории несостоятельной, так как удержать ядерную войну в каких-либо заранее определенных рамках практически невозможно”, – указывалось в “Военном энциклопедическом словаре” 1983 г. [52] Но в то же время советские стратеги этого периода (С.П. Иванов, В.Г. Куликов, А.А. Гречко, Д.Ф. Устинов, И.Г. Павловский) выделяли пять типов возможных конфликтов: 1) скоротечная полномасштабная ядерная война; 2) продолжительная ядерная война с использованием всех типов вооруженных сил; 3) большая война с применением ограниченного количества ядерного оружия; 4) большая война с применением обычного оружия; 5) локальная война с применением обычного оружия [53; 54]. Это означало допустимость принятия компромиссного результата войны как победы в ограниченной войне без применения ядерного оружия.

На практике сверхдержавы вновь вернулись к локальным войнам малыми силами. В Корейской войне (1950–1953) США задействовали по разным оценкам от 303 до 480 тыс. чел., СССР – около 28-30 тыс. Во Второй Индокитайской войне (1964–1975) США первоначально держали в Южном Вьетнаме около 23 тыс. военнослужащих, а к 1969 г. нарастили свои силы до 543 тыс. чел. на ротационной основе. При бомбардировках Ливии 1986 г. (операция “Каньон эльдорадо”) США задействовали примерно 24 бомбардировщика *F-111F* (три группы по шесть и шесть в резерве), пять самолетов радиоэлектронной борьбы *EF-111A*. Советский Союз в Афганской войне (1979–1989) использовал 80-104 тыс. военнослужащих на ротационной основе. Региональные войны также доказывали превосходство небольших профессиональных армий над громоздкими и неповоротливыми вооруженными силами⁹. Вновь, как и в начале Вестфальского или Венского порядков, возродилось искусство ведения ограниченной войны малой и средней интенсивности.

Второй этап Ялтинского порядка, начавшийся с 1991 г., стал временем возрождения ограниченных войн. Распад социалистического содружества и СССР в 1989–1991 г. стал в известном смысле аналогом европейских революций 1848 г. для Венского порядка. Начавшись под демократическими лозунгами, они вернули к жизни мощные националистические движения, породив серию вооруженных конфликтов. Возник феномен более интенсивных региональных конфликтов – Приднестровского (1991–1992), Нагорно-Карабахского (1991–1994), Абхазского (1992–1994), Сербо-Хорватского (1991–1995), которые вполне можно было квалифицировать как полноценные региональные войны¹⁰. В каком-то смысле они позволили выйти из “стратегического пата”, сложившегося в рамках системы взаимного ядерного сдерживания: войны, возникающей из распада великой державы.

⁹ В Шестидневной войне 1967 г. у Израиля было 264 тыс. (из них 214 тыс. резервистов), около 300 самолетов и около 1000 танков; у противостоящей ему “арабской коалиции” Египта и Сирии – 547 тыс. чел., 957 боевых самолетов и 2504 танков. В Китайско-вьетнамской войне 1979 г. 60-100 тыс. вьетнамцев победили 200-400 тыс. (по различным оценкам). В Фолклендской 1982 г. Британия задействовала 7 тыс. солдат наземных сил, Аргентина – 13 тыс.

¹⁰ В ходе Первой операции в Чеченской республике (1994–1996) на декабрь 1994 г. российские силы насчитывали 21 тыс. чел., в феврале 1995 г. – 70.5 тыс. В XIX в. такой конфликт был бы квалифицирован как “война” [55].

Середина периода существования Ялтинского порядка проходит под знаком интенсификации военных конфликтов – точно так же, как это было при Вестфальском и Венском порядках. Соединенные Штаты, провозгласив в 1990 г. курс на построение нового мирового порядка, на протяжении последних 30 лет пытались его реализовывать. Старая модель оборонительного сдерживания для построения такого порядка не годилась – нужно было приспособить ее под новое, наступательное сдерживание. Американские эксперты обозначили его термином “принуждение” (*compellence*). Параллельно с этим великие державы начали отработку технологии нового типа войн: “принуждения к миру” (*peace-enforcement operations*) – за счет права великих держав вводить войска и вести военные действия в странах, переживающих кризис государственности. Первая (1990–1991) и Вторая (2003–2011) войны в Персидском заливе, военные операции НАТО в Боснии (1995), Югославии (1999) и Ливии (2011) стали примерами нового типа войн-наказаний неугодных политических режимов.

Тенденция к американской монополии на применении силы встретила сопротивление со стороны России, КНР, ряда региональных держав и даже некоторых стран ЕС, которые выступали за сохранение основ Ялтинско-Потсдамского порядка. Результатом стала серия военно-политических кризисов, которые несли риск прямого военного конфликта США с Россией и КНР. Конфликты вокруг Грузии (2008), Украины (2014) и Сирии (2011–2018) поставили вопрос о том, могут ли великие державы напрямую столкнуться на территории подобных государств. Эти войны по-прежнему велись ограниченными силами и на ограниченных ТВД, демонстрируя успехи создания небольших высокомобильных армий в противовес крупным призывным армиям.

Как и в предшествующем порядке, на этапе ограниченных войн происходит проработка технологии нового типа ограниченной войны. Военная мысль занялась совершенствованием концепции “воздушной мощи”. Широкое применение США крылатых ракет и авиации во время Первой войны в Персидском заливе (1990–1991) привело к распространению представлений о “революции в военном деле”. Управление оценок Министерства обороны США определило ее в 1999 г. как “военную и техническую революцию, позволяющую применять технические нововведения в системе организации разведки, управления, контроля и связи” [56]. Основным средством для достижения намеченных задач должно было стать широкое использование спутников, крылатых ракет и самонаводящихся авиабомб, достигающих целей с помощью в том числе авиационных средств доставки. Не менее значимой стала параллельная разработка концепции “противовоздушной мощи”: способности отразить воздушное наступление и вернуть войну “на землю” [57]. Успехи российских ПВО поставили вопрос о возможности частичной блокировки противника в использовании воздушной сил.

Военные операции в Сирии (2011–2018) и на Украине (2022), возможно, являются поиском новой модели ведения войны, в которой великие державы ведут военные действия на локальных ТВД. Такие операции выступают своеобразной антитезой “Странной войне” 1939 – середины 1940 гг. Тогда великие державы Европы объявили друг другу войну, но не вели военные действия; теперь великие державы ведут военные действия, но формально не объявляют войну.

Будущее Ялтинского порядка пока остается неопределенным. Однако очевидно, что на новом витке он повторяет логику развития Вестфальского и Венского порядков. Делая прогноз на будущее, можно предположить, что нас будет ожидать некий масштабный, хотя и ограниченный по целям, военный конфликт, аналог Семилетней войны для Вестфальского и Франко-прусской – для Венского порядков. После этой войны – вершины и тупика ограниченных войн – может наступить затишье, в ходе которого начнется подготовка к будущей борьбе за гегемонию. Сегодня нам трудно представить, что в будущем появятся режимы-ревизионисты, которые пожелают смести привычный нам Ялтинско-Потсдамский порядок. Но точно так же конец соответствующего мирового порядка было трудно представить современникам и очевидцам Вестфальского и Венского порядков. В периоды их расцвета в общественной атмосфере царили, как и сейчас, идеи отмирания войн и представления о будущем как веке прогресса.

Вероятная “Четвертая тридцатилетняя война” не обязательно будет копией Второй мировой войны или выкладками на тему ядерного апокалипсиса 1980-х годов.. Она может сочетать в себе “стратегию измора” противника с интенсивными военными действиями на определенном ТВД. Опыт Второй мировой войны доказал, что великие державы могут вести тотальную войну без применения оружия массового поражения. Возможно, эта война будет напоминать войны “вертикальной эскалации” раннего Нового времени, а не “горизонтальной эскалации” мировых войн XX в.

* * *

Циклизм войн связан с логикой саморазвития мировых порядков. Каждый из них проходит несколько этапов развития, в которых война играет разную роль. В начале его существования отмечается переход от больших стратегических целей к локальным политическим задачам, от периода тотальных войн – к локальным столкновениям. К середине своего существования порядок вступает в этап интенсификации ограниченных войн, вырабатывая новый их тип. Далее наступает этап подготовки к новой тотальной войне и ее постепенная апробация на периферии. Наконец, мировой порядок завершается тотальной «тридцатилетней войной», которая ведет к его слому и созданию нового.

Идеология современного мирового порядка построена на идее о том, что Вторая мировая – это последняя большая война в истории человечества. Однако такая же идеология лежала в основе Вестфальского и Венского порядков. Наши идеологические баталии вокруг наследия Второй мировой войны мало чем отличаются от баталий вокруг наследия Тридцатилетней и Наполеоновских войн. Все мировые порядки прошли путь от одной тотальной тридцатилетней войны до другой, которая завершила их существование. Возможно, будущий конфликт отделит наш мир от будущего мира подобно тому, как Первая мировая сделала для нас Венский мир во многом иной и уже не всегда понятной цивилизацией.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Кортунув А.В. Реставрация, реформация, революция? Сценарии мироустройства после российско-украинского конфликта. Рабочая тетрадь № 66. РСМД, 29.04.2022. [Kortunov A.V. Restoration, Reformation, Revolution? Blueprints for the World Order after the Russia-Ukraine conflict. Working Paper no. 66. RIAC, 29.04.2022. (In Russ.)] Available at: <https://russiancouncil.ru/activity/workingpapers/restavratsiya-reformatsiya-revolyuetsiya-stsenarii-miroustroystva-posle-rossiysko-ukrainskogo-konflik/> (accessed 22.10.2022).
2. Calcara A., Gilli A., Gilli M., Marchetti R., Zaccagnini I. Why Drones Have Not Revolutionized War: The Enduring Hider-Finder Competition in Air Warfare. *International Security*, 2022, vol. 46, no. 4, pp. 130-171. DOI: 10.1162/isec_a_00431
3. Кокошин А.А. Обеспечение стратегической стабильности в прошлом и настоящем: Теоретические и прикладные вопросы. Москва, КРАСАНД, 2009. 208 с. [Kokoshin A.A. Ensuring Strategic Stability in the Past and Present: Theoretical and Applied Questions. Moscow, KRASAND. 2009, 208 p. (In Russ.)]
4. Фененко А.В. Как возвращаются войны? РСМД, 15.05.2020. [Fenenko A.V. How Do Wars Come Back? RIAC, 15.05.2021. (In Russ.)] Available at: <https://russiancouncil.ru/analytcs-and-comments/analytcs/kak-vozvrashchayutsya-voyny/> (accessed 22.10.2022).
5. Клаузевиц К. фон. О войне. Москва, Государственное военное издательство наркомата обороны Союза ССР, 1937. Т. 1. 441 с. [Clausewitz C. von. On War. Moscow, Gosudarstvennoe военное izdatel'stvo narkomata oborony Soyuzsa SSR, 1937. Vol. 1. 441 p. (In Russ.)]
6. Клаузевиц К. фон. О войне. Москва, Государственное военное издательство наркомата обороны Союза ССР, 1937. Т. 2. 560 с. [Clausewitz C. von. On War. Moscow, Gosudarstvennoe военное izdatel'stvo narkomata oborony Soyuzsa SSR, 1937. Vol. 2. 560 p. (In Russ.)]
7. Wright Q. *A Study of War*. Vol. I. Chicago, University of Chicago Press, 1942. 956 p.
8. Toynbee A. *A Study of History*. Vol. 9. Oxford, Oxford University Press, 1954. 759 p.
9. Goldstein J.S. *Long Cycles: Prosperity and War in the Modern Age*. London, New Haven, Yale University Press, 1988. 433 p.
10. Thompson W.R. Cycles, Capabilities and War: An Ecumenical View. *Contending Approaches to World System Analysis*. Thompson W.R. (ed.). Beverly Hills, Sage, 1983, pp. 141-163.
11. Богатуров А.Д., Косолапов Н.А., Хрусталева М.А. Очерки теории и методологии политического анализа международных отношений. Москва, ИМЭМО, 2002. 390 с. [Bogaturov A.D., Kosolapov N.A., Khrustaleva M.A. *Essays on the Theory and Methodology of Political Analysis of International Relations*. Moscow, NOFMO, 2002. 390 p. (In Russ.)]

12. Кондратьев Н.Д. *Проблемы экономической динамики*. Москва, Экономика, 1989. 523 с. [Kondrat'ev N.D. *Problems of Economic Dynamics*. Moscow, Ekonomika, 1989. 523 p. (In Russ.)]
13. Меньшиков С.М., Клименко Л.А. *Длинные волны в экономике*. Москва, Международные отношения, 1989. 272 с. [Men'shikov S.M., Klimenko L.A. *Long Waves in the Economy*. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya, 1989. 272 p. (In Russ.)]
14. Пантин В.И., Айвазов А.Э. Циклы Кондратьева и эволюционные циклы мировой системы: обновление и прогностический потенциал. *Кондратьевские волны: аспекты и перспективы*, 2012, № 1, сс. 136-155. [Pantin V.I., Aivazov A.E. Kondratiev's Cycles and Evolutionary Cycles of the World System: Justification and Prognostic Potential. *Kondrat'evskie volny: aspekty i perspektivy*, 2012, no. 1, pp. 136-155. (In Russ.)]
15. Цымбурский В. Л. Сверхдлинные военные циклы и мировая политика. *Полис. Политические исследования*, 1996, № 3, сс. 27-55. [Tsymburskii V.L. Ultra-Long War Cycles and World Politics. *Polis. Political Studies*, 1996, no. 3, pp. 27-55. (In Russ.)]
16. Райт К. Некоторые размышления о войне и мире. *Теория международных отношений: Хрестоматия*. Цыганкова П.А., ред. Москва, Гардарики, 2002, сс. 384-398. [Rait K. Some Reflections on War and Peace. *Theory of International Relations: A Reader*. Tsygankova P.A., eds. Moscow, Gardariki, 2002, pp. 384-398. (In Russ.)]
17. Wallerstein I. Three Hegemonies. *Two Hegemonies: Britain, 1846-1914 and the United States, 1941-2001*. O'Brien P.K., Klesse A., eds. Aldershot, Ashgate, 2002, pp. 357-361.
18. Devezas T., Modelski G. The Portuguese as System-Builders. Technological Innovation in Early Globalization. *Globalization as Evolutionary Process: Modeling Global Change*. Modelski G., Devezas T., Thompson W.R., eds. New York, Routledge, 2007, pp. 30-57.
19. Devezas T.C., Modelski G. Power Law Behaviour and World System Evolution: A Millennial Learning Process. *Technological Forecasting and Social Change*, 2003, vol. 70, no. 9, pp. 819-859.
20. Richardson L.F. *Statistics of Deadly Quarrels*. London, Stevens, 1960. 373 p.
21. Krus D.J., Nelsen E.A., Webb J.M. Recurrence of War in Classical East and West Civilizations. *Psychological Reports*, 1998, no. 83, pp. 139-143.
22. *The Cambridge History of Southeast Asia. Vol. I: From Early Times to c. 1800*. Tarling N., ed. Cambridge, Cambridge University Press, 1992. 655 p.
23. Bull H. *The Anarchical Society: A Study of Order in World Politics*. New York, Columbia University Press, 2012. 368 p.
24. Allan B.V. *Scientific Cosmology and International Orders*. Cambridge, Cambridge University Press, 2018. 338 p.
25. Bell P.M.H. *The Origins of the Second World War in Europe*. New York, Longman, 1987. 326 p.
26. Вебер М. *Избранные произведения*. Москва, Прогресс, 1990. 808 с. [Weber M. *Selected Works*. Moscow, Progress, 1990. 808 p. (In Russ.)]
27. Habermas J. *Between Facts and Norms*. Cambridge, Mass.: The MIT Press, 1996. 676 p.
28. Киссинджер Г. *Мировой порядок*. Москва, АСТ, 2015. 511 с. [Kissinger H. *World Order*. Moscow, AST, 2015. 511 p. (In Russ.)]
29. Сорокин П. *Социальная и культурная динамика: Исследование изменений в больших системах искусства, истины жизни, права и общественных отношений*. Санкт-Петербург, Изд. Росийского христианского гуманитарного ин-та, 2000. 1054 с. [Sorokin P. *Social and Cultural Dynamics: A Study of Change in Major Systems of Art, Truth, Ethics, Law and Social Relationships*. Saint-Petersburg, Izd. Rossiiskogo khristianskogo gumanitarnogo instituta, 2000. 1054 p. (In Russ.)]
30. Тэйлор А.Дж.П. *Борьба за господство в Европе. 1848-1918 гг.* Москва: Издательство иностранной литературы, 1958. 852 с. [Taylor A.J.P. *The Struggle for Mastery in Europe 1848-1918*. Moscow, Izdatel'stvo inostrannoi literatury, 1958. 852 p. (In Russ.)]
31. Waltz K.N. The Stability of the Bipolar World. *Daedalus*, 1964, vol. 13, pp. 849-869.
32. Miller L. *Global Order: Value and Power in International Politics*. London, Westview Press, 1994. 226 p.
33. Косолапов Н.А. Конфликт как инструмент стабильности в международных отношениях. *Очерки теории и методологии политического анализа международных отношений*. Богатуров А.Д., Косолапов Н.А., Хрусталева М.А., ред. Москва, НОФМО, 2002, сс. 172-189. [Kosolapov N.A. Conflict as an Instrument of Stability in International Relations. *Essays on the Theory and Methodology of Political Analysis of International Relations*. Bogaturov A.D., Kosolapov N.A., Khrustaleva M.A., eds. Moscow, NOFMO, 2002, pp. 172-189. (In Russ.)]
34. Roy K. *Warfare in Pre-British India - 1500 BCE to 1740 CE*. Oxon, Routledge, 2015. 280 p.
35. Огарков Н.В. Сплошной фронт. *Советская Военная Энциклопедия*. Москва, Воениздат, 1979. Т. 7. 688 с. [Ogarkov N.V. A Long Fortified Front. *The Soviet Military Encyclopedia*. Moscow, Voenizdat, 1979. Vol. 7. 688 p. (In Russ.)]
36. Сергеев В.М., Цымбурский В.Л., Кокошин А.А. Эволюция фразеологии «победы» в советской военной доктрине. *Век XX и мир*, 1991, № 12. [Sergeev V.M., Tsymburskii V.L., Kokoshin A.A. Evolution of the Phraseology of 'Victory' in the Soviet Military Doctrine. *Vek XX i mir*, 1991, no. 12. (In Russ.)] Available at: <https://www.litmir.me/br/?b=546210&p=1> (accessed 22.10.2022).
37. Ольденбург С.С. История царствования Николая II. Ростов-на-Дону, 1998. 576 с. [Oldenburg S.S. *The Reign of Emperor Nicholas II*. Rostov-on-Don, 1998. 576 p. (In Russ.)]
38. Мангейм К. *Диагноз нашего времени*. Москва, Юрист, 1994. 700 с. [Mannheim K. *A Diagnosis of Our Time*. Moscow, Yurist, 1994. 700 p. (In Russ.)]
39. Ивонин Ю.Е. Тридцатилетняя война или переплетение конфликтов? *Proslogion: Проблемы социальной истории и культуры Средних веков и раннего Нового времени*, 2018, т. 4, № 2, сс. 142-157. [Ivonin Yu.E. The Thirty Years' War or an Intertwining of Conflicts? *Proslogion: Problemy sotsial'noi istorii i kul'tury Srednikh vekov i rannego Novogo vremeni*, 2018, vol. 4, no. 2, pp. 142-157. (In Russ.)]

40. Разин Е.А. *История военного искусства, в 3-х томах*. Санкт-Петербург, ООО "Издательство Полигон", 1999. Тт. 2-3. 1389 с. [Razin E.A. *History of Military Art*, 3 vol. ООО 'Izdatel'stvo Poligon', 1999. Vol. 2-3. 1389 p. (In Russ.)]
41. Дельбрюк Г. *История военного искусства в рамках политической истории: в 4 томах*. СПб.: Наука, 2001. [Delbruck, H. *History of the Art of War: Within the Framework of Political History*, 4 vol. Saint-Petersburg, Nauka, 2001. (In Russ.)]
42. Фененко А.В. *История международных отношений: 1648 – 1945: Учеб. пособие. 2-е изд.* Москва, Аспект Пресс, 2020. 800 с. [Fenenko A.V. *History of International Relations: 1648–1945: Textbook. 2nd ed.* Moscow, Aspekt Press, 2020. 800 p. (In Russ.)]
43. Патрушев А.И. *Германская история: сквозь тернии двух тысячелетий*. Москва, Издательский дом Международного университета в Москве, 2007. 704 с. [Patrushev A.I. *German History: Through the Thorns of Two Millennia*. Moscow, Izdatel'skii dom Mezhdunarodnogo universiteta v Moskve, 2007. 704 p. (In Russ.)]
44. Сергеев Е. Ю. *Большая игра, 1856–1907: мифы и реалии российско-британских отношений в Центральной и Восточной Азии*. Москва, Товарищество научных изданий КМК, 2012. 453 с. [Sergeev E. Yu. *The Great Game, 1856–1907: Russo-British Relations in Central and East Asia*. Moscow, Tovarishchestvo nauchnykh izdaniy KMK, 2012. 453 p. (In Russ.)]
45. Ewans M. *Securing the Indian Frontier in Central Asia: Confrontation and Negotiation, 1865–1895*. London, Routledge, 2012. 200 p.
46. Bucholz A. *Moltke and the German Wars 1864–1871*. New York, Palgrave MacMillan, 2001. 240 p.
47. Kissinger H. *Nuclear Weapons in Foreign Policy*. New York, Harper far Council on Foreign Relations, 1957. 358 p.
48. Лиддел Гарт Б. Г. Стратегия непрямых действий. *Энциклопедия военного искусства*. Переслегин С., ред. Москва, АСТ, 2003. 656 с. [Liddell Garth B.G. Strategy for Indirect Action. *Encyclopedia of Military Art*. Pereslegin S., eds. Moscow, AST, 2003. 656 p. (In Russ.)]
49. Osgood R. *Limited War: The Challenge to American Strategy*. Chicago, University of Chicago Press, 1957. 315 p.
50. Kahn H. *On Escalation: Metaphors and Scenarios*. New York, Praeger, 1965. 308 p.
51. George A., Smoke R. *Deterrence in American Foreign Policy: Theory and Practice*. New York, Columbia University Press, 1974. 666 p.
52. *Военный энциклопедический словарь*. Москва, Воениздат, 1983. 863 с. [*Military Encyclopaedic Dictionary*. Moscow, Voenizdat, 1983. 863 p. (In Russ.)]
53. Гречко А.А. *Вооруженные Силы Советского государства*. Москва, Воениздат, 1974. 405 с. [Grechko A.A. *The Armed Forces of the Soviet State*. Moscow, Voenizdat, 1974. 405 p. (In Russ.)]
54. Павловский И.Г. *Сухопутные войска СССР. Зарождение. Развитие. Современность*. Москва, Воениздат, 1985. 318 с. [Pavlovskii I.G. *Land Forces of the USSR. Conception. Development. Modernity*. Moscow, Voenizdat, 1985. 318 p. (In Russ.)]
55. *Россия и СССР в войнах XX века: Потери Вооружённых Сил*. Кривошеев. Г.Ф., ред. Москва, ОЛМА-ПРЕСС, 2001. 607 с. [*Russia and the USSR in the Wars of the 20th Century. Losses of the Armed Forces*. Krivosheev. G.F., eds. Moscow, OLMA-PRESS, 2001. 607 p. (In Russ.)]
56. Hundley R.O. *Past Revolutions Future Transformations: What Can the History of Revolutions in Military Affairs Tell Us about Transforming the U.S. Military?* RAND Corporation, 1999. 124 p. Available at: https://www.rand.org/pubs/monograph_reports/MR1029.html (accessed 05.07.2022).
57. Веселов В.А., Фененко А.В. Противовоздушная мощь в мировой политике. *Международные процессы*, 2019, т. 17, № 2 (57), сс. 19-42. [Veselov V.A., Fenenko A.V. 'AIR Power' in International Politics. *International Trends*, 2019, vol. 17, no. 2 (57), pp. 19-42. (In Russ.)]

ТЕОРИИ ЕВРОПЕЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ В ПОИСКАХ ОБЪЯСНЕНИЯ ДЕЗИНТЕГРАЦИИ

© МОИСЕЕВА Д.Э., 2022

МОИСЕЕВА Дарья Эдуардовна, кандидат политических наук, научный сотрудник
отдела международно-политических проблем.

Национальный исследовательский институт мировой экономики
и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН РФ,
117997 Москва, ул. Профсоюзная, 23 (moiseeva.d17@gmail.com),
ORCID ID: 0000-0003-1575-4019

Моисеева Д.Э. Теория европейской интеграции в поисках объяснения дезинтеграции.
Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН, 2022, № 2, сс. 37-44. DOI: 10.20542/afij-2022-3-37-44

DOI: 10.20542/afij-2022-3-37-44

УДК: 327→321.011.7(4)

Поступила в редакцию 12.08.2022.

После доработки 30.09.2022.

Принята к публикации 20.10.2022.

В статье критическому осмыслению подвергаются четыре классические теории европейской интеграции (реализм, неофункционализм, федерализм и либеральный межправительственный подход) на предмет того, каким образом они объясняют дезинтеграцию, ее причины и возможный итог. До недавнего времени европейские исследования крайне мало занимались изучением дезинтеграции. Несмотря на это, каждая из теорий способна внести свой вклад в ее объяснение, что может стать отправной точкой для дальнейшего изучения данного явления. Установлено, что теории европейской интеграции, обладая собственным видением причин для создания наднациональных режимов, по-разному трактуют и причины возможного распада или трансформации таких режимов. Реализм для объяснения причин интеграции и дезинтеграции оперирует концепциями безопасности, баланса сил, внешних угроз. Федерализм, напротив, концентрируется на внутривнутриполитической динамике стран-участниц с акцентом на общность интересов и ценностей, идеологию, экономическое неравенство, культурную и языковую однородность. Возможную дезинтеграцию ЕС федерализм объясняет как результат неправильного функционирования политической системы Союза. Ограничивающей чертой обеих теорий является государствоцентричность, которая преодолевается неофункционалистами. Последние представляли дезинтеграцию как многоуровневый и разнонаправленный процесс, который совершенно необязательно означает возвращение к национальному суверенитету в его полном объеме. Наконец, либеральный межправительственный подход видит дезинтеграцию как перераспределение властных полномочий, считая невозможным развернуть процесс вспять, к исходной точке отсчета. Каждая из классических теорий интеграции, столкнувшись с вызовом дезинтеграции, по-разному трактует причины и направленность этого процесса, но ни одна из них в отдельности не способна дать исчерпывающее объяснение данному явлению. Несомненно, необходима дальнейшая теоретизация дезинтеграции, где обращение к классическим теориям может послужить лишь отправной точкой.

Ключевые слова: теории европейской интеграции, дезинтеграция, Брекзит, Европейский союз, реализм, структурный реализм, неофункционализм, федерализм, либеральный межправительственный подход, децентрализация.

THEORIES OF EUROPEAN INTEGRATION IN SEARCHING FOR EXPLANATION OF DISINTEGRATION

Received 12.08.22. Revised 30.09.2022. Accepted 20.10.2022.

Daria E. MOISEEVA (moiseeva.d17@gmail.com), ORCID ID: 0000-0003-1575-4019,

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO), 23, Profsoyuznaya Str., Moscow 117997, Russian Federation.

In this article, four classical theories of European integration (realism, neofunctionalism, federalism and liberal intergovernmentalism) are revised in order to figure out their understanding of disintegration, its causes and possible outcomes. Up until recently, disintegration has been of little concern to European studies. Nonetheless, each of the theories is capable of contributing to explaining the disintegration process, all together they give a proper theoretical starting point for further conceptualization of the phenomenon. The article makes it evident that different theories have their own visions of reasons for creating supranational regimes, just like they view possible causes of these regimes' downfall and transformation. Structural realism is finding the reasons for both integration and disintegration in the concepts of security, balance of power and outer threats. Federalism, on the contrary, focuses on internal political dynamics between member states and emphasizes common interests and values, ideology, economic inequality, cultural and linguistic homogeneity. Federalism explains possible EU disintegration through EU malfunctioning as a political system. Both aforementioned theories are limited by being state-centered, which cannot be said about neofunctionalism. Neofunctionalists imagine disintegration as a multi-level and multi-directional process that does not necessarily mean coming back to full national sovereignty. Finally, liberal intergovernmentalist approach views disintegration as a redistribution of power that cannot make a return to status quo ante. Each theory can provide us with its own insight on disintegration but can't provide an overwhelming explanation. Nevertheless, further theorizing with classical theories as a starting point is yet to be done.

Keywords: theories of European integration, disintegration, Brexit, European Union, realism, structural realism, neofunctionalism, federalism, liberal intergovernmentalism, decentralization.

About the authors: Daria E. MOISEEVA, Cand. Sci. (Polit. Sci.), Researcher, Department of International Political Problems, Group of Institutional Problems of International Relations.

Классические теории европейской интеграции вот уже несколько десятков лет “мирно покоятся” на страницах учебников для студентов, не вызывая бурных дискуссий среди ученых о будущем единой Европы. Реализм, неофункционализм, федерализм и либеральный межправительственный подход так часто подвергались критике за свою неспособность объяснить кризисы интеграции новейшего времени, что всякие попытки актуализировать данные теории казались бессмысленными. Закономерно им на смену пришли новые подходы и теоретические рамки, среди которых наиболее продуктивными себя показали неоинституционализм, организационные теории, многоуровневое управление и постфункционализм.

Сегодня представление о развитии европейской интеграции как о движении от одного кризиса к следующему стало мейнстримом [1]. Однако так было далеко не всегда. В связи с этим растет необходимость теоретического осмысления данных кризисных явлений, будь то кризис еврозоны, миграционный кризис, Брекзит и даже реакция ЕС на актуальные события на Украине.

На данный момент еще не сформировалось общепринятого понимания, какие явления следует относить к дезинтеграции или децентрализации, и действительно ли они угрожают существованию Европейского союза и, если да, то в какой мере и в каких проявлениях. Перед автором не стоит задачи дать однозначное определение дезинтеграции – такая тема

заслуживает отдельного исследования. Отметим лишь, что на данный момент единственным бесспорным явлением дезинтеграции является выход Великобритании из ЕС. Все иные явления, включая атомизацию, асимметрию, децентрализацию и т.д., по-разному трактуются теориями интеграции и частично будут освещены ниже. В данной статье мы обратимся к истокам, к классическим теориям европейской интеграции на предмет объяснения явлений дезинтеграции. Настоящая работа дает ответы на два исследовательских вопроса: как разные теории интеграции представляют (и объясняют) процесс, обратный интеграции, и какой вклад они могут внести в наше понимание дезинтеграции. Для этого будут рассмотрены реализм, неофункционализм, федерализм и либеральный межправительственный подход.

Нужно признать, что до последнего времени европейские исследования в целом не уделяли должного внимания вопросам дезинтеграции, концентрируясь главным образом на факторах, объясняющих развитие и направление интеграции, или замедление темпов интеграции, или трансформацию ЕС в целом [2]. Беглый обзор интеграционных теорий показывает, что вопрос о том, как и почему ЕС прекратит свое существование и что останется после него, едва ли всерьез рассматривается, поэтому здесь все еще остается широкое поле для теоретических изысканий. Справедливости ради отметим, что отдельные вызовы интеграции, такие как евроскептицизм [3], проблемы расширения и внешней политики [4], миграционные [5] и финансовые кризисы [6], не говоря уже о Брекзите [7] и пандемии COVID-19 [8], описаны достаточно подробно как в зарубежной, так и в отечественной историографии. Исследования дифференцированной интеграции [9] объясняют существование нескольких интеграционных форматов внутри ЕС и разную степень вовлеченности стран-участниц в интеграционные процессы, но опять же не объясняют, может ли интеграция пойти вспять.

Осмысление процесса европейской дезинтеграции логично начать с обращения к классическим теориям. Сразу обозначим, что ни одна из них не дает полноценной концептуализации явлению, обратному интеграции. Вместе с тем, каждая из них способна вложить по кирпичику в фундамент общего понимания.

Сторонники **реализма** в международных отношениях всегда высказывали крайне скептическое отношение к международному сотрудничеству, которое, по их мнению, не может длиться долго. Рано или поздно анархия придет на смену совместным действиям, и каждый будет сам за себя (*self-help system*). В целом для реалистов успех европейской интеграции стал большим сюрпризом и причиной для обоснованной критики. Главным мотивом для сотрудничества **структурные реалисты** всегда считали безопасность, поэтому процессы интеграции и дезинтеграции рассматривались сквозь эту призму. Дж. Миршаймер полагал, что европейский проект во многом обязан своим успехом холодной войне между двумя великими державами. Европейское сообщество выступало в роли контр-балансира, не позволяя (и опасаясь) чрезмерного вмешательства США в дела Европы и одновременно сдерживая распространение "советской угрозы". Такие достижения интеграции, как единый рынок и общая валюта? рассматривались реалистами как попытки сбалансировать на международном уровне экономическое влияние Японии и США в 1980-е годы.

Согласно логике **структурного реализма**, окончание противостояния США–СССР (и контроля над ядерным вооружением) должно было повлечь за собой перспективу распространения ядерного оружия среди стран Европы, снижение уровня доверия, постепенно перерастающее в анархию и, как следствие, конец интеграции [10]. Однако этого не произошло, и после окончания холодной войны Европейский союз не только продолжил свое существование, но и неоднократно расширил границы. С точки зрения другого структурного реалиста, С. Розато, распад СССР отменял основную причину, заставлявшую страны Европы частично отказываться от своего суверенитета [11]. Но, по-видимому, дело не только в СССР как внешней угрозе и главной причине интеграции, поскольку отмена этой причины не повлекла за собой дезинтеграцию ЕС.

После окончания холодной войны **неореалисты** видели объяснение продолжающейся интеграции (особенно в сфере общей безопасности) в том, что внимание США было отвлечено от Европы другими внешними угрозами, в частности, борьбой с

терроризмом и экономическим укреплением Китая. США больше не могли быть гарантом для западных европейских стран, поэтому интеграция в сфере безопасности продолжилась с еще большим энтузиазмом. Среди основных достижений ЕС периода после холодной войны – совместное принятие экономических санкций против третьих стран, образование новых институтов общей внешней политики и политики безопасности, совместное производство оружия и многостороннее использование военной силы [12]. Неореалисты оценивали такое продвижение в интеграции как противостояние однополярному доминированию США на международной арене и как желание укрепить свою автономию от США в качестве глобального игрока. Интеграция в военной сфере не должна была быть форсированной, дабы не раздражать США, от которых ЕС продолжал зависеть, поскольку именно Соединенные Штаты поддерживали сложившийся экономический порядок в мире, равно как и систему международной безопасности [13; 14]. Однако заключение неореалистов о стремлении ЕС сбалансировать влияние США наталкивается на ряд противоречий, главное из которых – снижение расходов Евросоюза на оборонные нужды с 1.6% ВВП в 1995 г. до 1.3% ВВП в 2020 г.¹ Другое противоречие заключается в отсутствии неопровержимых доказательств относительно мотивов отдельных стран ЕС. При более детальном рассмотрении выясняется, что их внешнеполитические стратегии (в том числе в выстраивании отношений с США) всегда были достаточно неоднородны: от ограничения суверенитета в обмен на безопасность (*bandwagoning*) до молчаливого неучастия [15]. То есть тезис реалистов о том, что в схожих обстоятельствах государства ведут себя одинаково, оказался несправедлив для стран ЕС.

“Зацикленность” реалистов на балансе сил, международной иерархии, безопасности, суверенитете и доминировании сужает смысл процессов (дез)интеграции до довольно упрощенной схемы: стремления стран объединяться против того, кто сильнее, и бороться за возвращение суверенных полномочий, когда угрозы больше нет. На практике этого не происходит. Реализм многократно подвергался критике за ограниченность своего видения причин интеграции и дезинтеграции. Однако интерес к подобным концепциям не только имеет место, но пользуется популярностью в определенные исторические периоды. Начало специальной военной операции на Украине в 2022 г. вдохнуло жизнь в риторику реалистов, которая все же может быть лишь частично справедлива в отношении такого либерального по своей сути проекта, как ЕС.

Иное видение и иные акценты предлагает **федерализм**. С позиции этой теории в структуру ЕС по умолчанию был встроен набор ограничений, сдерживающих центробежное поведение его участников и одновременно поощряющих выполнение взятых на себя обязательств. Примером таких ограничений является необходимость соответствия (*compliance*) союзным правилам и регулированию для получения доступа к общему европейскому рынку. Таких встроенных ограничений в структуре ЕС довольно много, поскольку стремление к единообразию – один из главных принципов общеевропейского пространства.

Сильной стороной федерализма является то, что, в отличие от других классических теорий, он предлагает более комплексный подход к исследованию факторов, способствующих как образованию, так и распаду федеративных систем, в том числе многонациональных [16; 17]. Объясняется это наличием достаточно обширных исследований федерализма, коими богата европейская политическая традиция. Здесь последователи теории федерализма по-разному расставляют акценты над причинами возможной дезинтеграции ЕС. Так, одну из главных угроз целостности ЕС федерализм видит в отсутствии по-настоящему европейских трансграничных политических партий, которые обладали бы потенциалом для разрешения межнациональных противоречий [18]. Пока граждане ЕС продолжают идентифицировать себя с отдельными странами-членами, появление по-настоящему “федеративной культуры” (которая служила бы гарантом единства) маловероятно. Вместе с тем ЕС просуществовал несколько десятков лет в условиях доминирования национальных партийных систем, и это не привело к его дезинтеграции. Среди других угроз или факторов, влияющих на степень

¹ Government Expenditure on Defence. Eurostat. Statistics Explained. Available at: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=Government_expenditure_on_defence#Evolution_of_.27defence.27_expenditure_over_1995-2020 (accessed 08.08.2022).

(дез)интегрированности, федералисты выделяют общность интересов и ценностей, идеологию, экономическое неравенство, культурную и языковую однородность, приверженность элит учредительным соглашениям, гарантии автономии федеральных единиц и т.д. Поэтому, если подходить к исследованию процессов (дез)интеграции в ЕС с позиций федерализма, то первоочередной задачей представляется исследование факторов, влияющих на эти процессы.

Еще одним преимуществом федерализма являются исследования централизации и децентрализации, проливающие свет на разницу данных явлений с интеграцией и дезинтеграцией. Любая политическая система, в том числе федерация (ЕС безусловно обладает признаками федерации), одновременно проявляет черты и централизации, и децентрализации, например, в виде неоднородного распределения бюджетов и полномочий между разными уровнями власти. Но это не является дезинтеграцией, поскольку игроки не нарушают договорную основу своих отношений. Единственным прецедентом дезинтеграции остается выход Великобритании из ЕС, в остальных случаях можно говорить об асимметричном федерализме (в терминах ЕС – дифференцированная интеграция), централизации или децентрализации, сессии субъектов и несоблюдении (*non-compliance*) отдельных принципов и требований федерального центра [18]. Федерализм подводит черту между истинной дезинтеграцией, когда базовые правила игры (в случае ЕС – *acquis communautaire* – система права, которая распространяется на все страны Союза) больше не действуют, и другими явлениями, свойственными всем федерациям, когда игроки следуют правилам неоднородно. При этом выход из федерации одного или нескольких участников совсем не обязательно ведет к развалу всей федерации.

В целом, федерализм показывает себя достаточно подготовленным к объяснению явлений дезинтеграции. Объясняется это имеющимся теоретическим заделом в изучении факторов образования, поддержания и распада федераций, чему хватает эмпирических примеров в истории от Священной Римской империи до Советского Союза. Несоответствие кроется в том, что данные федерации представляли собой единое государство, а не наднациональный союз государств, как в случае с ЕС. Поэтому главным ограничением в случае с федерализмом остается его государствоцентричность.

Если рассматривать процесс дезинтеграции с позиций **неофункционализма**, то вновь обнаруживается крен в сторону государствоцентризма. То есть интеграция означает частичный отказ от суверенитета, а дезинтеграция – его возвращение. Такое представление процесса интеграции является линейным и однонаправленным, а дезинтеграция, соответственно, такой же линейный процесс, но только в обратном направлении. Для его обозначения неофункционалистами был введен концепт “обратного потока” (*spill-back*) – противоположность “перетеканию” (*spill-over*), означающему поступательное распространение интеграции от одной сферы политики к другой. “Обратный поток” означает ситуацию, при которой страна-участница в силу разных причин более не готова поддерживать общее европейское регулирование (например, из-за роста внутри страны политического противостояния углублению интеграции в ее технократических аспектах) [19]. Иными словами, “обратный поток” – это выход из ранее установленных форматов, правил и обязательств. При этом властные полномочия и политическая акторность по умолчанию переходят с общеевропейского уровня на уровень национального государства, то есть линейно.

Поздние неофункционалисты стали рассматривать Европейское сообщество как систему, которая переживает разные трансформации в своем развитии. Поэтому дезинтеграция уже не представлялась как явление, обратное интеграции, а “обратный поток” стал означать сворачивание специфических обязательств и отсутствие принудительного следования общим правилам сообщества [20]. Дезинтеграция совершенно не обязательно означает возвращение *status quo ante*, то есть возвращение суверенитета национальным государствам. Гораздо более вероятно перенаправление и перераспределение властных полномочий в другое русло, образование иных форм политических формирований. Неофункционалисты 1970-х годов и их последователи были первыми, кто сместил фокус внимания с национального суверенитета и представил процесс дезинтеграции именно как перераспределение властных полномочий. При этом

слабой стороной данной теории является недостаточное внимание к роли национальных правительств в процессах (дез)интеграции.

Другая классическая теория европейской интеграции – **межправительственный подход** – возникла во многом в качестве ответа на критику неофункционализма, который не мог объяснить спад темпов интеграции в 1960-х годах. С. Хоффманн, яркий теоретик данного подхода, подчеркивал особую роль национальных государств в продвижении интеграции, в особенности Франции и Германии. Международное сотрудничество предстает не вынужденной мерой из-за необходимости сбалансировать растущее влияние других игроков, как это постулирует реализм, а добровольной стратегией, средством для достижения общих целей (интересов), которые по одиночке странам достичь было бы затруднительно, если вообще возможно.

Продолжателем идей Хоффманна стал А. Моравчик, развивавший либеральный межправительственный подход к пониманию европейской интеграции. Двигателем сотрудничества между странами выступают решения, совершаемые на межправительственном уровне. Именно правительствам отводится ключевая роль в интеграции. Согласно А. Моравчику, растущая экономическая взаимозависимость и вытекающая отсюда необходимость согласованности решений сыграли фундаментальную роль в продвижении интеграции по крайней мере с конца 1950-х по начало 1990-х годов. И наоборот, снижение экономической взаимозависимости между странами ЕС является первопричиной для дезинтеграции. Таким образом, дезинтеграция понимается как снижение уровня взаимодействия между странами, спад координации политики и также является следствием межправительственного переговорного процесса. Однако, принимая во внимание ту степень институционализации, которой достиг ЕС, цена за выход становится выше, чем поддержание статус-кво, что является сдерживающим фактором для национальных правительств, и прецедент Брексита стал хорошим уроком для потенциальных кандидатов покинуть Союз.

Заслугой сторонников межправительственного подхода в продвижении понимания причин дезинтеграции является то, что они обратили внимание на разнообразие и переменчивость национальных интересов и выявили важность для сотрудничества широкого круга вопросов, отличных от безопасности, опровергнув тем самым доводы реалистов о функциональной схожести всех стран и внешней угрозе как единственного повода для сотрудничества [21]. Другими словами, (дез)интеграция зависит от гораздо большего количества факторов, нежели только “перетекание” или баланс сил, как это полагали неофункционалисты и реалисты соответственно. Более того, интергouverнменталисты отказались от ожидания, что в случае дезинтеграции все возвращается на круги своя, и государства вновь получают суверенитет. А. Моравчик полагал, что дезинтеграция, полная или частичная, не вернет все назад к исходной точке – с наибольшей вероятностью на смену ЕС придет другой режим межправительственного сотрудничества. Несмотря на такое достаточно прорывное умозаключение, межправительственный подход, как и другие теории, тяготеет к государствоцентризму, что является его ограничением. В логике межправительственного подхода, национальные государства и правительства остаются главными акторами и агентами (дез)интеграции, хотя в более поздних эмпирических исследованиях было продемонстрировано, что интеграция размывает не только территориальные границы, но фактически лишает государства монополии на легитимное насилие и контроля над денежно-кредитной политикой [22; 23].

* * *

Трансформации, которые переживает ЕС в настоящее время, бросают вызов теориям европейской интеграции, поскольку те оказались не слишком подготовленными, чтобы объяснить происходящее. И все же обращение к классическим теориям европейской интеграции с целью осмысления трансформации ЕС важно, поскольку делает наше представление о сути этих процессов более полным. Длительное время проблематика распада интеграционного формирования была вне поля исследования ученых. По отдельности ни одна из классических теорий европейской интеграции не способна

предоставить всеобъемлющего объяснения процесса, обратного интеграции. Однако все вместе рассмотренные теории способны образовать некий фундамент общего понимания того, каковы могут быть причины, ход и формат дезинтеграции.

Первый и самый важный вывод: дезинтеграция не есть интеграция со знаком минус, дезинтеграция не линейна и не способна вернуть участников интеграции к той точке, с которой они начинали. Пожалуй, общим ограничением классических теорий является их государствоцентризм – представление о том, что национальные государства являются доминирующим политическим форматом. На заре европейской интеграции национальные государства действительно считались единственными акторами международных отношений, но развитие самой интеграции со временем переломило эту парадигму. Поэтому тезис о том, что дезинтеграция является возвращением к формату территориального государственного устройства, иными словами, интеграция вспять, весьма сомнителен. Даже если принять тот факт, что национальные правительства останутся ключевыми игроками на европейском пространстве, остается неясным, почему государства должны обязательно вернуться к тому формату организации власти, от которого они отказались несколько десятилетий назад.

О том, что дезинтеграция не может быть возвращением к *status quo ante*, первыми сказали неофункционалисты. Данная идея получила развитие в межправительственном подходе: А. Моравчик заявил, что дезинтеграция будет означать не возвращение, а перераспределение властных полномочий, которые государства когда-то передали на наднациональный уровень. При этом возможно создание иного транснационального режима. Брексит подтвердил этот вывод: выход Великобритании не вернул все на круги своя, а запустил новые процессы регулирования и институционализации [24; 25]. На что прямо указано в Соглашении о выходе Великобритании из ЕС и сопутствующей ему Политической декларации: “Период членства Соединенного Королевства в ЕС привел к высокой степени интеграции экономик обеих сторон, а также к переплетению прошлого и будущего людей и приоритетов ЕС и Соединенного Королевства. В будущих отношениях неизбежно потребуются учитывать этот уникальный контекст”².

Второй вывод: дезинтеграция, как и интеграция, является многовекторным и разнонаправленным процессом, который определяется множеством внешних и внутренних факторов. Реализм в объяснении (дез)интеграции концентрируется на таких внешних факторах, как угроза безопасности и баланс сил. Хотя данные причины нельзя назвать единственными или определяющими для (дез)интеграции, они, безусловно, должны быть учтены. Федерализм, напротив, делает акцент на внутривнутриполитических причинах, рассматривая ЕС как целостную политическую систему. Неофункционализм обращает наше внимание на невозможность в случае с интеграцией “отыграть назад” и представляет дезинтеграцию как перенаправление и перераспределение властных полномочий. Межправительственный подход делает акцент на важности политической воли со стороны национальных правительств. Таким образом, каждая из теорий интеграции способна предложить свои инсайты для последующих теоретических изысканий. Однако ни одна из них не дает однозначного ответа на самый важный вопрос: почему политические акторы отказываются от формата территориального государства в пользу наднационального формирования и, наоборот, почему некоторые из них решают вернуться к такому формату.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Eppler A., Anders L.H., Tuntschew T. *Europe's Political, Social, and Economic (Dis-) Integration: Revisiting the Elephant in Times of Crisis*. IHS Political Science Series. Working Paper no. 143. 2016. 28 p. Available at: https://aei.pitt.edu/86060/1/wp_143.pdf (accessed 08.08.2022).
2. Taylor P. *The End of European Integration: Anti-Europeanism Examined*. London, Routledge, 2008. 200 p.
3. De Vries C.E. *Euroscepticism and the Future of European Integration*. Oxford, Oxford University Press, 2018. 272 p.
4. *Стратегическая автономия ЕС и перспективы сотрудничества с Россией*. Москва, Весь Мир,

² Political Declaration Setting out the Framework for the Future Relationship Between the European Union and the United Kingdom (2019/C 384 I/02). *Official Journal of the European Union*. 12.11.2019. Available at: [https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:12019W/DCL\(01\)&from=EN](https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:12019W/DCL(01)&from=EN) (accessed 08.08.2022).

2020. 368 с. [*EU Strategic Autonomy and Prospects for Cooperation with Russia*. Moscow, Ves` Mir, 2020. 368 p. (In Russ.)]
5. Потемкина О.Ю. После кризиса: “Новый старт” миграционной политики ЕС. *Современная Европа*, 2019, № 6. сс. 18-29. [Potemkina O.Yu. After the Crisis: ‘A New Start’ of the EU Migration Policy. *Contemporary Europe*, 2019, no. 6, pp. 18-29. (In Russ.)] DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope620191829>
 6. Бажан А.И. *Перспективы евроинтеграции: валютно-финансовые аспекты*. Москва, Институт Европы РАН, 2018. 74 с. [Bazhan A.I. *Prospects for European integration: Monetary and Financial Aspects*. Moscow, Institute of Europe RAS, 2018. 74 p. (In Russ.)] Available at: <http://instituteofeurope.ru/images/uploads/doklad/359.pdf> (accessed 08.08.2022).
 7. Буторина О.В. Сужение Европейского союза и потенциал интеграции. *Современная Европа*, 2020, № 2, сс. 20-32. [Butorina O.V. The Shrinking of the European Union and Its Integration Capability. *Contemporary Europe*, 2020, no. 2. pp. 20-32. (In Russ.)] DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope220202032>
 8. Энтин М.Л. Безальтернативный характер развития ЕС. *Современная Европа*, 2020, № 4, сс. 25-36. [Entin M.L. Unalternative Character of EU Development. *Contemporary Europe*, no. 4, pp. 25-36. (In Russ.)] DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope420202536>
 9. Бабынина Л.О. Интеграционные форматы в Европе и пределы европеизации. *Европа XXI века: новые риски и вызовы*. Громько А.А., Федоров В.П., ред. Москва, Нестор-История, 2017, сс. 145-162. [Babynina L.O. Integration Formats in Europe and the Limits of Europeanization. *Europe of the XXI Century: New Risks and Challenges*. Gromyko A.A., Fedorov V.P., eds. Moscow, Nestor-Istoriya, 2017, pp. 145-162. (In Russ.)]
 10. Mearsheimer J.J. Back to the Future: Instability in Europe after the Cold War. *International Security*, 1990, vol. 15, no. 1, pp. 5-56.
 11. Rosato S. Europe’s Troubles: Power Politics and the State of the European Project. *International Security*, 2011, vol. 35, no. 4, pp. 45-86.
 12. Giegerich B., Wallace W. Not Such a Soft Power: The External Deployment of European Forces. *Survival*, 2004, vol. 46, no. 2, pp. 163-182. DOI: <https://doi.org/10.1080/00396330412331343713>
 13. Новикова О.О. Европейский Союз в системе международной безопасности: новые инструменты кризисного урегулирования. *Полис. Политические исследования*, 2008, № 4, сс. 174-184. [Novikova O. The European Union in the System of International Security: New Tools for Crisis Management. *Polis. Political Studies*, 2008, no. 4, pp. 174-184. (In Russ.)] Available at: <https://www.politstudies.ru/files/File/2008/4/14.pdf> (accessed 08.08.2022).
 14. Ringsmose J. Balancing or Bandwagoning? Europe’s Many Relations with the United States. *Contemporary Security Studies*, 2013, vol. 34, no. 2, pp. 409-412. DOI: <https://doi.org/10.1080/13523260.2013.808075>
 15. Pohl B. Neither Bandwagoning nor Balancing: Explaining Europe’s Security Policy. *Contemporary Security Policy*, 2013, vol. 34, no. 2, pp. 353-373. DOI: <https://doi.org/10.1080/13523260.2013.805932>
 16. Glencross A. *What Makes the EU Viable? European Integration in the Light of the Antebellum US Experience*. Basingstoke, Palgrave Macmillan, 2009. 232 p.
 17. Haldén P. *Stability without Statehood: Lessons from Europe’s History Before the Sovereign State*. Basingstoke, Palgrave Macmillan, 2009. 223 p.
 18. Kelemen R.D. Built to Last? The Durability of EU Federalism. *Making History: European Integration and Institutional Change at Fifty*. Meunier S., McNamara K.R., eds. Oxford, Oxford University Press, 2007, pp. 51-66.
 19. Haas E.B. The Uniting of Europe and the Uniting of Latin America. *Journal of Common Market Studies*, 1967, vol. 5, no. 4, pp. 315-343.
 20. Lindberg L.N., Scheingold S.A. *Europe’s Would-Be Polity: Patterns of Change in the European Community*. Englewood Cliffs, NJ, Prentice-Hall, 1970. 314 p.
 21. Moravcsik A. Did Balance of Power Politics Cause European Integration? Realist Theory Meets Qualitative Methods. *Security Studies*, 2013, vol. 22, no. 4, pp. 773-790.
 22. Стрежнева М.В. *Экономический и валютный союз в Европе: проблемы эффективности и легитимности*. Москва, ИМЭМО РАН, 2018. 150 с. [Strezhneva M.V. *Economic and Monetary Union in Europe: the Problems of Effectiveness and Legitimacy*. Moscow, IMEMO, 2018. 150 p. (In Russ.)] Available at: https://www.imemo.ru/files/File/publ/2018/2018_20.pdf (accessed 08.08.2022).
 23. Herschinger E., Jachtenfuchs M., Kraft-Kasak C. Scratching the Heart of the Artichoke? How International Institutions and the European Union Constrain the State Monopoly of Force. *European Political Science Review*, 2011, vol. 3, no. 3, pp. 445-468. DOI: <https://doi.org/10.1017/S175577391100004X>
 24. Кавешников Н.Ю. Великобритания и Европейский союз: долгая история развода. Статья 2. Сложный партнер. *Современная Европа*, 2018, № 6, сс. 18-29. [Kaveshnikov N.Yu. United Kingdom and European Union: A Long History of Divorce. Part 2. An Awkward Partner. *Contemporary Europe*, 2018, no. 6, pp. 18-29. (In Russ.)] DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope620181829>
 25. Стрежнева М.В. Дифференцированная региональная (дез)интеграция после Брексита. *Вестник МГИМО-Университета*, 2022, № 3, сс. 39-60. [Strezhneva M.V. Differentiated Regional (Dis)Integration Post Brexit. *Vestnik MGIMO-Universiteta*, 2022, no. 3, pp. 39-60. (In Russ.)] DOI: 10.24833/2071-8160-2022-3-84-39-60

ЗАПАДНЫЙ ВЕКТОР ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ГРЕЦИИ (КОНЕЦ 2010-Х – НАЧАЛО 2020-Х ГОДОВ)

© КВАШНИН Ю.Д., 2022

КВАШНИН Юрий Дмитриевич, кандидат исторических наук, руководитель Центра европейских исследований.

Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН, РФ, 117997 Москва, ул. Профсоюзная, 23 (ykvashnin@gmail.com), ORCID: 0000-0003-2042-7215

Квашнин Ю.Д. Западный вектор внешней политики Греции (конец 2010-х – начало 2020-х годов). *Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН*, 2022, № 3, сс. 45-56. DOI: 10.20542/afij-2022-3-45-56

DOI: 10.20542/afij-2022-3-45-56

УДК: 327.5(495)

Поступила в редакцию 29.07.2022.

После доработки 20.08.2022.

Принята к публикации 20.10.2022.

Одна из главных особенностей греческой внешней политики – сочетание ориентированности на Запад со стремлением в ряде ключевых вопросов самостоятельно отстаивать национальные интересы, сохраняя высокий уровень субъектности в международной сфере. В последние годы, однако, западный вектор стал преобладать. В идеологии это проявилось в позиционировании страны как форпоста западной цивилизации на Востоке и защитника демократических ценностей, действующего в русле интересов коллективного Запада. В политике безопасности основные усилия были направлены на создание противовеса экзистенциальному сопернику Греции – Турции. Не имея достаточных ресурсов для “гонки вооружений” с восточным соседом, греческие власти переключили свое внимание на более тесное сотрудничество с крупными державами, а также с региональными субъектами, стремящимися обуздать турецкие амбиции. Идея противостояния “геополитическому ревизионизму” заняла видное место в политической риторике консервативного правительства, особенно с начала российской специальной военной операции на Украине. В экономической сфере Греция продолжила политику, направленную на то, чтобы стать ключевым транзитным узлом для транспортировки энергоресурсов в Европу.

Несмотря на то, что для укрепления связей с Западом у Греции есть веские причины, конечный успех этой стратегии не очевиден. В греческих СМИ все чаще высказывается мнение, что такой курс сужает пространство для дипломатического маневра. В то же время главная задача – изолировать Турцию – вряд ли будет выполнена. В будущем дисбалансы во внешней политике могут помешать развитию экономических связей Греции с незападными странами (в случае российско-греческих отношений это уже происходит), а это, в свою очередь, подорвет устойчивость страны к кризисным процессам в мировой экономике и политике.

Ключевые слова: Греция, внешняя политика Греции, Восточное Средиземноморье, суверенитет, национальные интересы, евроатлантизм, российско-греческие отношения, украинский кризис.

WESTERN VECTOR OF GREECE'S FOREIGN POLICY (LATE 2010S – EARLY 2020S)

Received 29.07.2022. Revised 20.08.2022. Accepted 20.10.2022.

Yury D. KVASHNIN (ykvashnin@gmail.com), ORCID: 0000-0003-2042-7215,

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO), 23, Profsoyuznaya Str., Moscow 117997, Russian Federation.

One of the main features of Greek diplomacy is the combination of pro-Western orientation and the desire to act independently in a number of key issues, firmly defending national interests. In recent years, however, the western vector began to prevail. In ideology, this manifested itself in the positioning of the country as an outpost of Western civilization in the East, a defender of democratic values, operating in accordance with the interests of collective West. In security policy, the main efforts were aimed at creating a counterbalance to Greece's existential rival – Turkey. Not having sufficient resources for an 'arms race' with the eastern neighbour, the Greek authorities have shifted their focus to closer cooperation with major powers, as well as with regional actors seeking to curb Turkish ambitions. The idea of confronting 'geopolitical revisionism' has taken a prominent place in the political rhetoric of the conservative government, especially since the start of the Russian special military operation in Ukraine. In economic sphere, Greece continues its policy aimed at becoming a key transit hub for transporting energy resources to Europe. Despite the fact that there are good reasons for strengthening ties with the West, the ultimate success of this strategy is not evident. In the Greek media, there is an increasing opinion that such a course will narrow the room for diplomatic maneuver. At the same time, the main task – to isolate Turkey – will not be implemented. In the future, imbalances in foreign policy may hinder the development of economic ties between Greece and non-Western countries (in the case of Russian-Greek relations, this is already happening), and this in turn will undermine the country's resilience to crisis processes in the world economy and politics.

Keywords: Greece, Greek foreign policy, Eastern Mediterranean, sovereignty, national interests, Euro-Atlanticism, Russian-Greek relations, Ukrainian crisis.

About the author: Yury D. KVASHNIN, Cand. Sci. (Hist.), Head of Center for European Studies.

На протяжении всей своей истории Греция сталкивалась с серьезными внешними вызовами, наличие которых обусловило большую важность выстраивания связей с другими народами и государствами как направления государственной политики. Всем греческим правительствам, вне зависимости от того, какая партия находится у власти, приходится решать две ключевые для страны внешнеполитические проблемы.

Первая – обеспечение безопасности. Отношения Греции с соседними странами традиционно отличались высокой напряженностью, обусловленной хитросплетением этнических, религиозных и лингвистических факторов, наличием трудно разрешимых территориальных споров, а также климатом взаимного недоверия, из-за которого процесс урегулирования конфликтных ситуаций нередко занимал долгие десятилетия. Многие из них к настоящему времени стали достоянием истории. Так, сотрудничество между Грецией и Болгарией, несмотря на тяжелое историческое наследие, сейчас характеризуются как "исключительное"¹; после подписания в 2018 г. Преспанского соглашения были нормализованы отношения с Северной Македонией [1]; несмотря на наличие межэтнических противоречий, в позитивном ключе развиваются связи (в первую очередь, экономические) с Албанией [2]. Вместе с тем многовековой конфликт с соседней Турцией до сих пор не преодолен, а в последние годы даже усиливается. Все попытки распутать клубок противоречий между Афинами и Анкарой, касающихся разграничения морского и воздушного пространства, статуса греческих островов, положения мусульманского меньшинства в Греции, кипрской проблемы и ряда других

¹ Bulgaria – Greece's Bilateral Relations. *Hellenic Republic – Ministry of Foreign Affairs*. Available at: <https://www.mfa.gr/en/blog/greece-bilateral-relations/bulgaria> (accessed 22.07.2022).

болезненных для двух стран вопросов, не увенчались успехом. Более того, в условиях быстрой интернационализации греко-турецких разногласий ситуация в Восточном Средиземноморье становится все более взрывоопасной [3, pp. 77-82].

Вторая – создание максимально благоприятных условий для догоняющего развития, то есть преодоления экономического отставания от передовых стран Западной Европы. Находясь вдали от “европейского ядра”, Греция вынуждена, с одной стороны, ориентироваться на Запад как источник технологий, капитала и передовых институциональных практик, с другой – развивать отношения с восточными государствами как важными рынками сбыта греческой продукции (среди ведущих партнеров страны по товарному экспорту четвертое место занимает Турция, уступая лишь Италии, Германии и Кипру) и поставщиками сырья. Особое значение проблема максимального использования внешнеэкономических ресурсов для ускорения экономического роста приобрела в годы “великой рецессии” конца 2000-х – первой половины 2010-х годов и последовавший за ней период посткризисного восстановления.

Проводимая Грецией внешняя политика определяется не только перечисленными выше вызовами, но также рядом специфических факторов, связанных с ее историко-географическими особенностями. Среди них исследователи, помимо расположения страны на перекрестке между Востоком и Западом, называют относительную слабость и нестабильность греческого государства, его уязвимость к влияниям извне, потребность в защите со стороны более крупных акторов, которая при этом сочетается с укорененном в греческом обществе национализмом, ностальгией по “славному прошлому”, стремлением сохранить собственную идентичность [4]. “Несоответствие национальной исторической гордости, психологического неприятия ущемления национального суверенитета, с одной стороны, и очевидной зависимости от стратегических союзников и экономических патронов, с другой”, – это главное противоречие греческой внешней политики [5].

История Греции XIX – первых десятилетий XX в. неразрывно связана с ее взаимоотношениями с западными державами-покровительницами, которые выступали в роли гарантов суверенитета и своеобразного ориентира для греческого государства, экономики и общества. В предвоенный период такой страной была Британия, после окончания Гражданской войны 1946–1949 гг. – США, начиная с 1974 г. (падение диктатуры “черных полковников”² и выбор демократического пути развития) – страны Европейского экономического сообщества (с 1993 г. – Евросоюза), прежде всего – Франция. В итоге обеспечение безопасности, развитие внешнеэкономических связей, науки, технологий, финансовой системы и пр. – вплоть до образования и культуры – сегодня во многом предопределены участием Греции в евроатлантических структурах. Как заявил в стенах греческого парламента в 1977 г. премьер-министр и ярый сторонник европейской интеграции К. Караманлис, “Греция в плане обеспечения безопасности, экономически, географически и культурно принадлежит Западу”³.

Вместе с тем отношения между Грецией и западными странами развивались непросто: периоды подъема сменялись периодами отчуждения, когда проводимый греческой дипломатией курс существенно отличался от политики ее западных партнеров. Связано это было с тем, что национальные интересы Греции не всегда совпадали с интересами коллективного Запада, а делегирование возрастающего числа полномочий на уровень НАТО и ЕС не всегда позволяло эффективно реагировать на стоявшие перед страной острые вызовы. Так, членство в Североатлантическом альянсе мало что давало Греции в плане защиты от турецкой угрозы (поскольку Турция также является участницей НАТО) и вынуждало ее искать альтернативные подходы к укреплению безопасности. Не менее противоречивыми были результаты экономической интеграции в рамках ЕС, которая сопровождалась упрощением отраслевой структуры греческой экономики и – после введения евро – лишила Грецию традиционных способов поддержки народного хозяйства (например, механизма девальвации национальной валюты для поддержки

² Военная диктатура правого толка в Греции в 1967–1974 гг.

³ Τσοῦρης Ε. Η Ελλάδα στο μεταίχμιο Δύσης και Ανατολής. Last Point, 13.04.2021. [Tsouris E. Greece at the Crossroads Between East and West. Last Point, 13.04.2021. (In Greek)] Available at: <http://lastpoint.gr/i-ellada-sto-metaichmio-dysis-kai-anatolis> (accessed 22.07.2022).

экспорта). Все это побуждало греческие власти к диверсификации внешнеэкономических связей за счет третьих стран – установлению, правда, недолговременному [6], отношений стратегического партнерства с Россией в середине 2000-х годов, встраиванию в китайскую инициативу “Один пояс – один путь” [7], активизации контактов с Турцией, странами Персидского залива и пр.

Наличие особых интересов во взаимоотношениях с соседними странами, не всегда учитываемых западными партнерами, вынуждало Грецию проводить достаточно самостоятельную политику на Балканах. Македонский вопрос и непризнание независимости Косова – самые известные, но не единственные примеры того, как греческая дипломатия на протяжении многих лет жестко отстаивала свои позиции, отказываясь следовать в фарватере западных держав. Логика была предельно проста: “Если никто, в особенности наши самые могущественные союзники, не понимает нашей обеспокоенности, значит, мы можем доверять только самим себе” [8]. Последним на сегодняшний день случаем подобной “строптивости” Афин стало наложенное греческой делегацией в 2017 г. вето на резолюцию ЕС по правам человека в КНР. Свое решение дипломаты объяснили неконструктивностью критики в адрес Китая, хотя на самом деле оно было связано с заинтересованностью Греции в сохранении греко-китайского стратегического партнерства (в 2010-е годы КНР стала одним из главных инвесторов в сильно пострадавшую от кризиса греческую экономику).

Наконец, свою роль играло присущее грекам чувство отчужденности от Запада, недовольство тем, что европейские (особенно немецкие) и американские политики относятся к Греции – колыбели западной цивилизации – свысока, ярче всего проявившееся в годы долгового кризиса, который сопровождался трениями в греко-германских отношениях [9]. Кроме того, в греческом обществе до сих пор широко распространены антиамериканские настроения, связанные с исторической памятью греков о Гражданской войне 1946–1949 гг., во время которой США открыто оказывали помощь одной из сторон, поддержкой Соединенными Штатами хунты “черных полковников” и их недружественной, с точки зрения греков, политикой во время турецкого вторжения на Кипр [10].

Какеще в 1999 г. отмечал известный греческий исследователь Т. Колумбис, несмотря на сложившийся прозападный консенсус, при обсуждении внешнеполитических вопросов в Греции по-прежнему слышны голоса “патриотического крыла” – политиков, журналистов и представителей научного сообщества, выступающих – с патриотических позиций – за использование одностороннего подхода (без опоры на евроатлантические институты) в решении актуальных для страны вопросов [11, pp. 407-422]. При этом греческие правящие партии – в большинстве своем прозападные – в той или иной мере вынуждены прислушиваться к их мнению, что в значительной мере и определяло специфику взаимоотношений между Грецией и Западом и внешнюю политику страны в целом.

В последнее десятилетие, однако, и особенно в начале 2020-х годов западный вектор стал явно доминирующим; по все большему числу направлений греческая дипломатия действует в рамках общего для стран евроатлантического сообщества курса, что, в свою очередь, ставит перед политологами ряд вопросов, главный из которых – о том, в какой мере “вестернизация” внешней политики способна решить стоящие перед Грецией проблемы в области безопасности и насколько она соответствует ее национальным интересам.

В рамках данной статьи будут выявлены основные причины наблюдаемых на современном этапе изменений и проанализированы их последствия для взаимосвязей Греции как с соседними странами, так и с внерегиональными акторами, включая Россию. Особое внимание будет уделено дискуссиям в греческом обществе по внешнеполитическим вопросам и оценке рисков, сопряженных с фактическим отказом консервативного правительства от традиционной для страны многовекторной дипломатии.

ПРИЧИНЫ И ПРЕДПОСЫЛКИ ЗАПАДНОГО РАЗВОРОТА

Для Греции периода после падения диктатуры “черных полковников” характерна достаточно высокая преемственность во внешней политике вне зависимости от того, какая партия находится у власти. Конечно, смена власти в стране оказывает определенное воздействие на внешнеполитический курс, а международные сюжеты, как правило, находятся в центре внимания во время избирательных компаний, однако после формирования нового кабинета ответственные за принятие решений в данной сфере лица действуют исходя из имеющихся у них возможностей. Отказ левой партии ПАСОК в начале 1980-х годов (после прихода к власти) от антиамериканской и антинаатовской риторики в пользу евроатлантической солидарности и аналогичный “внешнеполитический кульбит” партии СИРИЗА в 2015 г. (когда А. Ципрасом было сформировано национально ориентированное правительство) показали, что даже самые радикальные с точки зрения предлагаемой ими международной повестки греческие политики, оказываясь у руля, быстро “забывают” о своих наиболее радикальных обещаниях.

Особенностью программы правоконсервативной партии “Новая демократия”, которая во главе с К. Мицотакисом пришла к власти по итогам парламентских выборов 2019 г., однако, стало относительно небольшое внимание к вопросам внешней политики: акцент в избирательной кампании был сделан на экономических проблемах – восстановлении доверия инвесторов к греческой экономике, снижении налоговой нагрузки, окончательном преодолении последствий долгового кризиса. При этом внешняя политика была призвана обеспечить наиболее благоприятные условия для экономического подъема. Что касается ключевых направлений развития международных связей, то в одном из своих первых интервью американскому изданию *The Washington Post* премьер-министр Греции подтвердил, что он ориентирован на дальнейшее развитие трансатлантических отношений и укрепление Североатлантического альянса, при этом не сказав ни слова о других важных для страны внешнеполитических направлениях [12]. Более детальный анализ греческой дипломатии в 2019–2022 г. показывает, что западный вектор при Мицотакисе, действительно, стал определяющим. К этому было несколько причин и предпосылок.

Во-первых, готовность Греции решать возрастающее число вопросов на основе принципа мультилатерализма и делегировать все больше полномочий на уровень НАТО и ЕС обусловлена объективной слабостью греческого государства, которое в годы кризисных потрясений лишилось значительной части финансово-экономических ресурсов для самостоятельного продвижения своих интересов в других странах. Ярче всего это заметно на примере балканской политики. Как отмечает Е. Энтина, “на сегодняшний день речь идет об утрате трех фундаментальных элементов концепции греческого присутствия на Балканах: экономической дипломатии, функций своеобразной модели европейской интеграции для стран региона, а также роли проводника и представителя ЕС на Балканах”. В результате этого “Афины оказываются перед дилеммой, когда география, история и экономика требуют их активного и системного присутствия в регионе, а инструментов для его реализации у них практически нет” [13].

Упомянутая выше слабость Греции создает также благоприятные возможности для западных государств, стремящихся усилить свое влияние на внешнюю политику этой страны. Так, во второй половине 2010-х годов в Афинах заметно возросла дипломатическая активность Соединенных Штатов (примечательно, что с 2016 по 2022 г. послом США был Дж. Пайетт, который ранее занимал такую же должность на Украине), заинтересованных в расширении своей военной инфраструктуры в регионе, а также в ослаблении позиций других игроков, в первую очередь – России и Китая.

Во-вторых, к концу 2010-х годов была решена значительная часть тех проблем, которые выступали в роли “раздражителей” в отношениях между Грецией и ее западными партнерами. Урегулирование греко-македонского спора о названии, препятствовавшего интеграции Северной Македонии в евроатлантическое сообщество, и постепенный отход на второй план косовского вопроса, по которому Афины солидаризируются с Белградом, позволили сблизить позиции Греции и ключевых европейских игроков по балканской проблематике.

Кроме того, были в основном преодолены проблемы, возникшие в отношениях между Афинами и Брюсселем в связи с долговым кризисом. Греция перестала восприниматься как единственный виновник финансовых проблем Евросоюза, доминирующей стала точка зрения, что экономические неурядицы в ЕС были вызваны фундаментальными просчетами, допущенными в ходе европейской интеграции.

В-третьих, усиление греко-турецкой конфронтации в 2010-е годы показало, что Греция не в состоянии в одиночку противостоять потенциальным угрозам со стороны своего восточного соседа и потому должна придавать большее значение дипломатическому сдерживанию. Отсюда стремление, во-первых, активизировать военно-политическое сотрудничество с партнерами по НАТО, во-вторых, доказать свою нужность как члена Североатлантического альянса. Греческая дипломатия все активнее продвигает следующий дискурс: Греция – это форпост западной цивилизации, страна-защитник демократических ценностей, надежный и предсказуемый партнер, который действует на основе принципа солидарности и не противопоставляет свои национальные интересы интересам коллективного Запада. Ей в этом противопоставляет Турция – ревизионистская страна, которая подрывает Запад изнутри. В этом контексте следует, кстати, рассматривать и наметившуюся еще до обострения украинских событий в 2022 г. жесткую линию Греции в отношении России. Выступая против так называемого российского ревизионизма, греческие власти подчеркивают, что они на самом деле противопоставляют ревизионизму как таковому, имея в виду также действия Турции в Восточном Средиземноморье.

В-четвертых, укреплению связей с западными странами способствовали экономические факторы. В 2010-е годы для Греции важнейшей задачей был поиск новых рынков сбыта и источников привлечения инвестиций за пределами Евросоюза, который не горел желанием вкладывать средства в стагнирующую греческую экономику. С этим было связано увеличение экспорта в страны Ближнего Востока, усиление сотрудничества с Китаем, заигрывание – в первые годы правления Ципраса – с Россией (Греция пыталась, правда, безуспешно, привлечь российские государственные займы; кроме того, был реализован ряд проектов с российским участием [14]). После пандемии, однако, ситуация изменилась: страна получила значительные средства в рамках программ посткризисного восстановления – больше того, что могли бы предложить третьи страны, включая Россию и Китай. А кризис вокруг Украины повысил значение Греции как страны, через которую могут осуществляться газовые поставки в ЕС по альтернативным маршрутам.

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ПРАВИТЕЛЬСТВА КОНСЕРВАТОРОВ

Значительная часть правления Мицотакиса пришлась на период пандемии и связанных с ней эпидемиологических ограничений, которые нанесли серьезный удар по греческой экономике (спад ВВП в 2020 г. составил 9%). Необходимость преодоления последствий нового кризиса повысила роль “европейской политики”, то есть выстраивания взаимоотношений со странами ЕС и наднациональными органами власти, как ключевого направления внешнеполитической активности Греции. Главной задачей правительства Мицотакиса стало обеспечение льготного финансирования из фондов Евросоюза в свете принятия семилетнего бюджетного плана ЕС на 2021–2027 гг. и других финансовых механизмов. В общей сложности из наднациональных источников финансирования страна получит порядка 70 млрд евро, из которых 30.5 млрд составят гранты (17.8 млрд) и кредиты (12.7 млрд) антикризисного фонда, что станет одним из самых высоких показателей среди стран ЕС в пересчете на душу населения. Выплаты из фонда увязываются с проведением согласованных с Еврокомиссией реформ и будут направлены главным образом на реализацию мер, способствующих достижению климатических целей ЕС и цифровому переходу (соответственно 38 и 23% от общего объема ассигнований)⁴. Появление данного механизма, безусловно, внесет серьезный вклад в решение стоящих перед Грецией среднесрочных финансовых проблем, но в перспективе может привести к дальнейшему усилению контроля Брюсселя над экономической политикой и сузить компетенции национальных органов власти.

⁴ NextGenerationEU: European Commission Endorses Greece's €30.5 Billion Recovery and Resilience Plan. European Commission. 17.06.2021. Available at: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/ip_21_3022 (accessed 22.07.2022).

Другой особенностью европейской политики Греции конца 2010-х – начала 2020-х годов стал возросший интерес страны к усилению военно-политической составляющей деятельности Евросоюза. По словам исполнительного директора Европейского оборонного агентства И. Шедивы, поддержка Грецией различных оборонных инициатив ЕС “может послужить образцом для других стран”⁵. Среди конкретных направлений, где Греция проявляет наибольшую активность, можно выделить совместное с другими странами ЕС патрулирование морских границ, меры по укреплению энергетической безопасности, а также ее участие в работе Постоянного структурированного сотрудничества по вопросам безопасности и обороны – PESCO (Греция курирует проекты, связанные с модернизацией систем морского наблюдения, обменом информацией о киберугрозах, деятельностью Объединенной школы разведки ЕС и пр.). Греческое присутствие наиболее заметно в тех сферах, которые для официальных Афин важны с точки зрения реагирования на стоящие перед страной внешние вызовы, особенно – связанные с защитой морских границ, которую, как показал миграционный кризис 2015–2016 гг., национальные погранслужбы не могут обеспечить собственными силами.

Сотрудничество Греции со странами Запада (а также ее деятельность в рамках евроатлантических структур) невозможно рассматривать в отрыве от турецкой угрозы. Греческая внешняя политика была и до сих пор остается “туркоцентричной”: выстраивание двухсторонних отношений всегда происходит с оглядкой на то, как развиваются связи той или иной страны с Турцией⁶. Новый виток эскалации греко-турецких противоречий в 2020 г. заставил Грецию активизировать связи со всеми игроками, заинтересованными в сдерживании амбиций Турции в Восточном Средиземноморье, – как с региональными акторами (Республикой Кипр, Израилем, Египтом, Объединенными Арабскими Эмиратами и Саудовской Аравией), так и с крупными западными державами – Французской Республикой и США.

В сентябре 2021 г. было подписано, а в октябре того же года ратифицировано парламентом оборонное соглашение с Францией. Оно предусматривает закупку Грецией французских фрегатов по льготным ценам и, что особенно важно, принятие обеими сторонами обязательств по оказанию друг другу военной помощи в случае нападения третьей страны (даже если эта страна состоит в одном с ними блоке)⁷. Объективно такого рода договоренности ведут к экстернализации противоречий в регионе и несут в себе угрозу региональной безопасности, затрудняя и без того непростой переговорный процесс между Афинами и Анкарой на двустороннем уровне. Французские эксперты, в частности, отмечают, что, подписав данное соглашение, президент Франции Э. Макрон взял на себя обязательства по защите суверенитета всей греческой территории, включая территориальное море, границы которого Греция, ссылаясь на международные правовые нормы, планирует расширить с 6 до 12 миль. Такая мера, в свою очередь, рассматривается Турцией как *casus belli*, что гипотетически создает угрозу франко-турецкого конфликта [15]. В Греции, однако, договоренности расцениваются позитивно. Согласно опросам, три четверти респондентов убеждены в том, что соглашение с Францией укрепит безопасность страны, а решение ряда оппозиционных партий голосовать против его ратификации абсолютное большинство греков считает ошибочным⁸.

⁵ Greece One of Most Active EU Member-States in Defense Activities, Says EDA Chief. 12.07.2021. Available at: <https://www.ekathimerini.com/news/1164388/greece-one-of-most-active-eu-member-states-in-defense-activities-says-eda-chief> (accessed 22.07.2022).

⁶ Этот фактор актуален не только для западного, но и для восточного вектора греческой дипломатии. В частности, одной из причин (хотя и не главной) деградации российско-греческих отношений в 2010-е годы стало развертывание в Турции российских комплексов противовоздушной обороны С-400: продажа соответствующего вооружения была расценена официальными Афинами как недружественный шаг со стороны России, хотя Турция и Греция являются членами одного военно-политического блока.

⁷ Wichmann A. The Entire France-Greece Defense and Security Agreement. *Greek Reporter*, 28.09.2021. Available at: <https://greekreporter.com/2021/09/28/the-entire-france-greece-defense-and-security-agreement> (accessed 22.07.2022).

⁸ Δημοσκοπήση Marc: 8 στους 10 κρίνουν θετικά τη συμφωνία με Γαλλία. *Athens Voice*, 11.10.2021. [Marc Poll: 8 out of 10 Are Positive about the Agreement with France. *Athens Voice*, 11.10.2021. (In Greek)] Available at: <https://www.athensvoice.gr/politics/731804-dimoskopisi-marc-8-stoys-10-krinoy-n-thetika-ti-symfonia-me-gallia> (accessed 22.07.2022).

В позитивном ключе развиваются также американо-греческие отношения. В октябре 2019 г. стороны внесли изменения в Соглашение о взаимном оборонном сотрудничестве, действующее с 1990 г., в соответствии с которыми США получили право расширить свою военно-морскую базу на Крите (в заливе Суда), а также использовать военно-воздушные базы в Ларисе и Стефановикио и порт Александруполиса в материковой части Греции. Спустя два года в соглашение был внесен второй протокол о поправках, и к уже имеющемуся перечню объектов военной инфраструктуры Соединенных Штатов добавилось еще четыре – в Волосе, Литохоро, Александруполисе и на Крите. Для Греции, однако, наибольшее значение представляли положения, вынесенные в преамбулу к протоколу, в которых стороны “подтверждали свою приверженность углублению и расширению стратегического партнерства в сфере обороны и сотрудничества, а также принципам свободы, демократии, верховенства закона, защиты прав человека, справедливости и социального прогресса” и “вновь заявляли о своей твердой решимости взаимно обеспечивать и охранять безопасность, суверенитет, независимость и территориальную целостность своих стран против действий, несущих угрозу миру, в том числе вооруженных нападений”⁹. Несмотря на то, что конкретных механизмов предоставления военной помощи прописано не было, Мицотакис презентовал эти положения своим избирателям как существенный шаг на пути укрепления национальной безопасности.

Менее динамично развиваются отношения между Грецией и Германией, что также связано с турецким фактором. В отличие от Франции, ФРГ стремится к урегулированию разногласий по линии Афины–Анкара с учетом турецких интересов, без применения в отношении Турции санкционных рычагов. В Греции такая позиция ФРГ закономерным образом воспринимается как протурецкая. В сентябре 2020 г. официальные Афины даже предприняли дипломатический демарш в адрес Берлина, заявив, что у них с Германией “полностью разное понимание того, как надо взаимодействовать с соседней страной. Турция полностью отказалась от западных ценностей, поэтому период умиротворения подошел к концу” [16]. Против немецкого посредничества в греко-турецком споре высказались многие видные греческие политики, включая бывшего министра иностранных дел Греции Н. Кодзиаса. Его аргумент состоит в том, что Германия не может выступать в роли “честного маклера”, поскольку нуждается в сохранении тесных экономических связей с Турцией, связана с ней миграционным соглашением, имеет на своей территории крупную турецкую диаспору и пр.¹⁰

Рассматривая внешнюю политику Греции в период администрации Мицотакиса, нельзя обойти вниманием такую ее составляющую, как стремление закрепить в роли ключевого транзитного узла для поставки энергоресурсов в страны ЕС через Балканы. Так, в рамках “энергетического треугольника” (вместе с Республикой Кипр и Израилем, обладающими значительными месторождениями газа) Афины продвигают, хотя пока без особого успеха, проект Восточно-средиземноморского трубопровода (*EastMed*). Ведется разведка шельфа у берегов Крита. Однако основное внимание греческих властей сфокусировано на развитии инфраструктуры по приему сжиженного природного газа (СПГ) с целью его последующей доставки в другие балканские страны.

Официальные Афины активно встраиваются в общеевропейский курс, направленный на диверсификацию поставок газа и сокращение энергетической зависимости от России. Так, в начале мая 2022 г. был объявлен проект строительства регазификационного терминала в Александруполисе, который планируется ввести в эксплуатацию в декабре 2023 г. В торжественной церемонии по этому поводу приняли участие лидеры Греции, Болгарии, Сербии и Северной Македонии, а также глава европейской дипломатии Ж. Боррель. “Голубое топливо” будет закупаться в США и

⁹ Protocol Between the United States of America and Greece Amending Agreement of July 8, 1990, as Extended and Amended. U.S. Department of State. 22.06.2022. Available at: <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2022/06/22-524-Greece-Defense-MDCA-Second-Protocol-of-Amendment-TIMS-62950.pdf> (accessed 22.07.2022).

¹⁰ Michalopoulos S. Former Greek FM: Without Western Renewal, We're Heading for Chinese Hegemony. *Euractiv*, 11.01.2021. Available at: <https://www.euractiv.com/section/global-europe/news/former-greek-fm-without-western-renewal-were-heading-for-chinese-hegemony/> (accessed 22.07.2022).

странах Залива. Предполагается, что пропускная мощность составит 5.5 млрд куб. м газа в год. Кроме того, греческая компания *Motor Oil* анонсировала строительство еще одного терминала – в Коринфе – мощностью 2.5 млрд куб. м.¹¹ Важно отметить, что вышеназванные проекты, направленные на доставку газа в европейские страны, ведут к ослаблению российско-греческого энергетического сотрудничества: доля РФ в газовом импорте Греции неуклонно снижается.

Результатом усилившегося в последние годы западного крена в греческой внешней политике стало катастрофическое ухудшение отношений между Грецией и Российской Федерацией. Двусторонние связи, так и не оправившиеся после дипломатического скандала 2018 г., связанного с подозрениями официальных Афин в адрес Москвы по поводу ее предполагаемого вмешательства в греко-македонский спор, на фоне украинского конфликта вступили в худший период за последние столетия. Сразу после начала Россией специальной военной операции Мицотакис заявил о своей однозначной поддержке Украины, присоединении к режиму антироссийских санкций и оказании Киеву военной помощи. Лейтмотивом многочисленных выступлений председателя греческого правительства (в том числе, перед Конгрессом США в мае 2022 г.) стали тезисы о принадлежности Греции к западной цивилизации и необходимости совместно противостоять странам, действия которых, с точки зрения коллективного Запада, несут угрозу сложившемуся миропорядку¹².

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

По прошествии первых трех лет пребывания у власти Мицотакиса и в преддверии намеченных на лето 2023 г. очередных парламентских выборов в Греции подводят итоги работы правительства на внешнеполитическом треке. Констатируемое практически всеми аналитиками усиление западного вектора греческой дипломатии позволило Греции добиться определенных успехов, которые, на первый взгляд, доказывают правильность выбранного курса.

Важным результатом работы консервативного правительства стало преодоление негативных последствий периода “великой рецессии” для имиджа Греции. За короткий промежуток времени страна, ранее воспринимавшаяся как “слабое звено” в составе ЕС, на Западе стала ассоциироваться с последовательными экономическими преобразованиями и эффективными институциональными реформами, образцово-показательными мерами борьбы с пандемией, ответственной внешней политикой. Своеобразную черту под эпохой долгового кризиса подвело учреждение в 2020 г. восстановительного фонда “ЕС следующего поколения”, имплицитной целью которого стала реконструкция европейского Юга и, в том числе, Греции – одного из главных бенефициаров фонда. О возвращении доверия к греческой экономике свидетельствует также возросший интерес к работе в стране американских корпораций (включая *Microsoft*, разместившую в Греции несколько центров хранения данных). Кроме того, правоцентристское правительство может занести себе в копилку реализацию проходящих через греческую территорию газотранспортных проектов, прежде всего, связанных с поставками СПГ (правда, главной причиной их ускорения стали не экономические реформы в стране, а стремление ЕС сократить зависимость от российского “голубого топлива”).

Другой серьезный результат – укрепление двустороннего сотрудничества с двумя ключевыми западными партнерами – Францией и США. С точки зрения греческих властей, взаимодействие с этими странами, особенно в военно-технической сфере, позволит Греции упрочить свои позиции в Восточном Средиземноморье. При этом Франко-греческое оборонное соглашение, в отличие от НАТО, действительно, дает

¹¹ Aposporis H. Launch of Works on Alexandroupolis LNG Terminal in Greece. *Balkan Green Energy News*, 03.05.2022. Available at: <https://balkangreenenergynews.com/launch-of-works-on-alexandroupolis-lng-terminal-in-greece-heralds-reduced-dependence-on-russian-gas-for-the-balkans> (accessed 22.07.2022).

¹² Prime Minister Kyriakos Mitsotakis' Address to the Joint Session of the U.S. Congress. *Ελληνική Δημοκρατία*, 17.05.2022. Available at: <https://primeminister.gr/en/2022/05/17/29339> (accessed 22.07.2022).

Греции гарантии на случай военной конфронтации с соседней Турцией. Достигнутые с Францией договоренности и, в меньшей степени, активизация партнерства с США позволили греческому МИДу в 2022 г. перейти в дипломатическое наступление и усилить антитурецкую риторику, обвинив Анкару в “историческом ревизионизме”.

Вместе с тем вопрос о том, насколько оправданы подходы Мицотакиса к внешней политике в долгосрочной перспективе, остается открытым. Если в 2019–2020 гг. в политической и экспертной среде преобладали позитивные оценки, то в последние два года все чаще стали высказываться скептические суждения. Как и ожидалось, основная критика прозвучала со стороны апологетов патриотической (или “унилатералистской”) линии. При этом наибольшие споры вызвали два вопроса – выстраивания Грецией системы безопасности в Восточном Средиземноморье и ее участия в проводимой странами Запада антироссийской политике.

Анализируя политику Мицотакиса в отношении Турции, эксперты акцентировали внимание на пределах сдерживания “турецкого ревизионизма” дипломатическими средствами. Так, по мнению стратегического аналитика К. Ламбропулоса, внешнеполитический курс Греции основывается на неверных допущениях, что 1) Турцию можно “социализировать”, открыв перед ней европейские перспективы, 2) агрессивные намерения турецкого руководства будут и далее сдерживаться общим членством двух стран в НАТО, 3) Турцию можно изолировать путем создания международных альянсов с участием средиземноморских стран и внерегиональных акторов. Однако такой взгляд в корне ошибочен: Ламбропулос утверждает, что все эти усилия мало чего стоят, если они не подкреплены военной мощью, и предлагает “укрепить стратегическое присутствие Греции как в НАТО, так и в ЕС, модернизировав собственные вооруженные силы” [17].

Кроме того, эксперты обеспокоены тем, что правительство страны зачастую склонно переоценивать готовность западных стран помочь Греции в ее противостоянии с Турцией. Обострения греко-турецких противоречий в 2020 и 2022 гг. показали, что большинство стран ЕС (Франция здесь является скорее исключением) проводят крайне осторожную политику, а Германия, неформальный лидер Евросоюза, стремится к равной удаленности от противоборствующих сторон. То же относится и к США, которые, получив от Греции право разместить дополнительные военные базы на ее территории, по сути, ничего не дали ей взамен [18]. Так, проект *Eastmed* до сих пор не получил американской поддержки, попытки греческой дипломатии заблокировать поставку из США в Турцию истребителей *F-16* также провалились. По словам председателя крупнейшей левой партии СИРИЗА Ципраса, сотрудничество между Грецией и США должно развиваться на равноправной и взаимовыгодной основе, а развертывание американской военной инфраструктуры – обуславливаться “существенными обязательствами” со стороны Соединенных Штатов по защите от “провокационных нарушений Турцией международного права”¹³.

Еще больше критики – со стороны как оппозиционных политиков, так и экспертов – вызывает однозначная поддержка правительства Украины. Отметим, что большинство греческих парламентских партий (исключениями являются небольшая правая националистическая партия “Греческое решение” и Компартия Греции) в данном конфликте сочувствует украинской стороне, однако далеко не все считают выбранную Мицотакисом жесткую линию, которая де-факто уже привела к глубочайшему кризису в российско-греческих отношениях, дальновидной и соответствующей греческим интересам.

В ходе состоявшихся 1 марта 2022 г. парламентских слушаний, посвященных украинскому кризису, Ципрас, поддержав санкции в отношении России, подчеркнул при этом, что Греция должна оказывать Украине гуманитарную помощь, а не военную, и содействовать достижению мирных договоренностей между сторонами конфликта. Кроме того, лидер оппозиции заявил, что Греция – “это и Запад, и Восток, и Север, и Юг”.

¹³ Αλέξης Τσίπρας: Δεν πρόκειται να δεχθούμε υποχωρήσεις εις βάρος των ελληνικών συμφερόντων για τη διεύρυνση του NATO. *Το Βήμα*, 14.06.2022. [Alexis Tsipras: We Are Not Going to Accept Concessions at the Expense of Greek Interests for NATO Enlargement. *Το Βήμα*, 14.06.2022. (In Greek)]. Available at: <https://www.tovima.gr/2022/06/14/politics/alexis-tsipras-den-prokeitai-na-dexthoume-yporiseis-eis-varos-ton-ellinikon-symferonton-gia-ti-dieyrynsi-tou-nato> (accessed 22.07.2022).

и принадлежит она не Западу, а “греческому народу”. Соответственно действовать надо в соответствии с национальными интересами, которые состоят в том, чтобы нести в Восточную Европу мир, а не новые разрушения¹⁴. Фактически Ципрас апеллировал к достаточно распространенной в греческой дипломатии концепции, согласно которой Греция должна играть роль своего рода моста между Западом и Востоком, то есть по возможности выступать посредником в налаживании контактов между ними. Его словам позже вторил другой известный политик левого толка Й. Катругалос, ранее занимавший должность министра иностранных дел. Он констатировал, что в результате внешней политики Мицотакиса из страны, продвигавшей стабильность и безопасность в международных отношениях, Греция превратилась в форпост коллективного Запада. Особенно это проявилось после обострения украинского кризиса, когда действия официальных Афин способствовали эскалации конфликта, а не его мирному урегулированию¹⁵. Важно отметить, что данная точка зрения согласуется с мнением значительной части греческого общества. Согласно опросам, 47% греков считают, что украинский кризис – результат ошибок, допущенных всеми сторонами (Россией, Украиной, ЕС и США), 29% считают, что ответственность лежит в основном на России, а 17% – в основном на США. Население Греции единодушно в том, что Украине необходимо отправлять гуманитарную помощь, но при этом 63% респондентов высказываются против поставок в эту страну вооружений, считая, что такие действия несут угрозу национальной безопасности¹⁶.

Еще один довод состоит в том, что, жертвуя некогда привилегированными отношениями с Россией ради Запада, Греция рискует оказаться на неправильной стороне истории. Данный аргумент лучше всего был артикулирован в статье известного военного аналитика К. Гриваса, размещенной 24 июля 2022 г. в популярном интернет-издании *Greek City Times*, сразу после того, как российский МИД внес Грецию в список “недружественных стран”. Автор публикации критикует греческое правительство за то, что оно “демонизировало любую концепцию независимой, многофакторной и национально полезной внешней политики”, и напоминает, что в условиях расширяющегося геополитического разлома другие европейские страны занимают более осторожную позицию и предпочитают “ограничивать свою конфронтацию с Москвой, зная, что продолжение войны вызовет тектонические социально-экономические потрясения”. С его точки зрения, обученные на Западе греческие элиты игнорируют тот факт, что формирующаяся международная система требует более взвешенных подходов, которые не укладываются в “простые и понятные биполярные схемы” [19].

* * *

Следует ли ожидать того, что в среднесрочной перспективе Греция пересмотрит свою внешнюю политику в пользу более сбалансированного подхода? Обострившаяся в 2022 г. дискуссия вокруг ключевых международных проблем свидетельствует о том, что некоторые коррективы возможны, особенно по тем направлениям, где следование в русле евроатлантической солидарности не принесло нужных результатов. Вместе с тем такие факторы доминирования западного вектора, как нехватка экономических ресурсов для проведения самостоятельной внешней политики, высокая зависимость Греции от внешней помощи и западных инвестиций, ускоряющееся отставание в военной сфере от Турции и, наконец, проамериканская ориентация основной части греческого политического истеблишмента, объективно сужают пространство для такого рода изменений. Кроме того, следует учитывать, что нынешний всплеск интереса в внешнеполитической проблематике отчасти связан с предстоящими в Греции уже летом 2023 г. парламентскими выборами: оппозиционные партии пытаются доказать своим

¹⁴ Αλέξης Τσίπρας / “Είμαστε και Δύση και Ανατολή και Βορράς και Νότος”. Η Αυγή, 01.03.2022. [Alexis Tsipras / ‘We are both West and East and North and South’. Η Αυγή, 01.03.2022. (In Greek)] Available at: https://www.avgi.gr/politiki/409224_eimaste-kai-dysi-kai-anatoli-kai-borras-kai-notos (accessed 22.07.2022).

¹⁵ Katrougalos Accuses PM of Overturning Greek Foreign Policy. 15.04.2022. Available at: <https://www.ekathimerini.com/news/1182331/katrougalos-accuses-mitsotakis-of-overturning-greek-foreign-policy> (accessed 22.07.2022).

¹⁶ Δημοσκόπηση: Τι λένε οι πολίτες για την αποστολή ελληνικών όπλων στην Ουκρανία. Τα Νέα, 04.03.2022. [Poll: What do Citizens Say about the Shipment of Greek Weapons to Ukraine. Τα Νέα, 04.03.2022. (In Greek)]. Available at: <https://www.tanea.gr/2022/03/04/greece/dimoskopisi-ti-lene-oi-polites-gia-tin-apostoli-ellinikon-oplon-stin-oukrania> (accessed 22.07.2022).

потенциальным избирателям приверженность отстаиванию национальных интересов и одновременно – несостоятельность реализуемого консервативным правительством международного курса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Власова К. Греция и Северная Македония: прорыв в двусторонних отношениях. *Мировая экономика и международные отношения*, 2020, т. 64, № 8, сс. 91-100. [Vlasova K. Greece and North Macedonia: Breakthrough in Bilateral Relations. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 2020, vol. 64, no. 8, pp. 91-100. (In Russ.)] DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-8-91-100
2. Dervishi G. Greek-Albanian Relations, the Past, the Present and the Future. *Mediterranean Journal of Social Sciences*, 2019, vol. 10, no. 3, pp. 24-35. DOI: 10.2478/mjss-2019-0038
3. Звягельская И.Д., отв. ред. *Борьба за Восточное Средиземноморье: интересы и амбиции*. Москва, Аспект Пресс, 2022. 288 с. [Zvyagelskaya I.D., ed. *The Struggle for the Eastern Mediterranean: Interests and Ambitions*. Moscow, Aspect Press, 2022. 288 p. (In Russ.)]
4. Tziampiris A. In the Shadow of a Long and Glorious Past: Understanding Greek Foreign Policy. *Mediterranean Quarterly*, 2015, vol. 26, no. 2, pp. 63-79. DOI: 10.1215/10474552-2914517
5. Соколова П. Основные направления внешней политики Греции. *Мировая экономика и международные отношения*, 2010, № 8, сс. 84-94. [Sokolova P. Main Directions of Greece's Foreign Policy. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 2010, no. 8, pp. 84-94. (In Russ.)] DOI: 10.20542/0131-2227-2010-8-84-94
6. Александрова А.К. Российско-греческие экономические отношения во втором десятилетии XXI века. (Есть ли точки роста в череде кризисов?). *Мировая экономика и международные отношения*, 2020, т. 64, № 8, сс. 101-111. [Aleksandrova A.K. Russian-Greek Economic Relations in the Second Decade of the 21st Century. (Are There Points of Growth in a Series of Crises?). *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 2020, vol. 64, no. 8, pp. 101-111. (In Russ.)] DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-8-101-111
7. Gontika T. *The One Belt One Road (OBOR) Initiative and the Port of Piraeus. Understanding Greece's Role in China's Strategy to Construct a Unified Large Market*. New York, Routledge, 2021. 136 p. DOI: 10.4324/9781003196310
8. Triantaphyllou D. Greek Foreign Policy in Defence of the National Interest: Teetering between Exceptionalism and Integration. *Uluslararası İlişkiler*, 2018, vol. 15, no. 58, pp. 107-117.
9. Петрунина О.Е., Александрова А.К. Современный экономический кризис в Греции и греко-германские отношения. *Новая и новейшая история*, 2013, № 2, сс. 38-52. [Petrunina O.E., Aleksandrova A.K. Modern Economic Crisis in Greece and the Greek-German Relations. *Novaya i noveishaya istoriya*, 2013, no. 2, pp. 38-52. (In Russ.)]
10. Politis C. The Origin of America's Greek Problem Post-9/11. *Prologue: A First-Year Writing Journal*, 2013, vol. 5, pp. 7-12.
11. Coufoudakis V., Promiades H., Gerolymatos A., eds. *Greece and the New Balkans: Challenges and Opportunities*. New York, Pella Pub Co, 1999. 500 p.
12. Weymouth L. Greece's New Prime Minister Wants to Turn the Country Around. *The Washington Post*, 25.09.2019. Available at: https://www.washingtonpost.com/outlook/greeces-new-prime-minister-wants-to-turn-the-country-around/2019/09/25/0fac41e6-df42-11e9-be96-6adb81821e90_story.html (accessed 22.07.2022).
13. Энтина Е. Греческая политика в отношении Западных Балкан в контексте европейской интеграции. *Обозреватель*, 2020, № 2, сс. 40-41. [Ehtina E. Greek Policy Towards the Western Balkans in the Context of European Integration. *Observer*, 2020, vol. 2, pp. 40-41. (In Russ.)]
14. Квашнин Ю.Д. Российско-греческие отношения: есть ли свет в конце тоннеля? *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*, 2021, т. 14, № 3, сс. 165-167. [Kvashnin Yu.D. Russian-Greek Relations: Is There a Light at the End of the Tunnel? *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 14, no. 3, pp. 165-167. (In Russ.)] DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-3-9
15. Tertrais B. *Reassurance and Deterrence in the Mediterranean: the Franco-Greek Defense Deal*. Institut Montaigne. 17.11.2022. Available at <https://www.institutmontaigne.org/en/blog/reassurance-and-deterrence-mediterranean-franco-greek-defense-deal> (accessed 22.07.2022).
16. Stamouli N. Greece Irked by Germany in Standoff with Turkey. *Politico*, 21.08.2020. Available at: <https://www.politico.eu/article/greece-irked-by-germany-in-standoff-with-turkey> (accessed 22.07.2022).
17. Λαμπρόποθλος Κ. Ελληνική στρατηγική κουλτούρα: Ξεφεύγοντας από το "σύνδρομο του Περιστεριού". *Capital*, 08.10.2020. [Greek Strategic Culture: Escaping the 'Pigeon Syndrome'. *Capital*, 08.10.2020. (In Greek)] Available at: <https://www.capital.gr/arhtra/3486275/elliniki-stratigiki-kouloura-xefeugontas-apo-to-syndromo-tou-peristeriou> (accessed 22.07.2022).
18. Stamouli N. Greece Draws in the US — and Edges out Russia. *Politico*, 09.02.2022. Available at: <https://www.politico.eu/article/greece-us-russia-military-energy-relation> (accessed 22.07.2022).
19. Grivas K. Greek-Russian Relations: Reckless Sacrifice on the Wrong Altar. *Greek City Times*, 26.07.2022. Available at: <https://greekcitytimes.com/2022/07/26/greek-russian-relations-reckless> (accessed 22.07.2022).

ИНТЕРЕСЫ РУМЫНИИ В ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ И ВЗАИМООТНОШЕНИЯ С ТУРЦИЕЙ

© БИТКОВА Т.Г., 2022

БИТКОВА Татьяна Георгиевна, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела Европы и Америки.

Институт научной информации по общественным наукам РАН, РФ, 117418 Москва, Нахимовский просп., 51/21 (tgbitkova@mail.ru), ORCID ID 0000-0002-8471-1576

Биткова Т. Г. Интересы Румынии в Юго-Восточной Европе и взаимоотношения с Турцией. *Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН*, 2022, № 3, сс. 57-68. DOI: 10.20542/afij-2022-3-57-68

DOI: 10.20542/afij-2022-3-57-68

УДК: 327.39(498)

Поступила в редакцию 27.07.2022.

После доработки 14.08.2022.

Принята к публикации 20.10.2022.

В статье рассматриваются направления внешней политики Румынии в Юго-Восточной Европе в контексте ее членства в НАТО и Евросоюзе. Отмечается, что главным направлением внешнеполитической деятельности Бухареста в регионе является сближение с Республикой Молдова с перспективой объединения двух государств. Представлена роль Румынии в переговорной платформе Процесс сотрудничества в Юго-Восточной Европе (ПСЮВЕ), в программе “Троеморье”, в “Бухарестской инициативе-9”, в Трехсторонней комиссии Румыния–Польша–Турция. Показаны место Причерноморья в амбициях румынского руководства и значение стратегического партнерства между Румынией и Турецкой Республикой.

Отмечается, что Балканы не являются приоритетным направлением румынской внешней политики, но государства Западных Балкан входят в круг постоянного внимания Бухареста, ибо здесь, как и в Причерноморье, присутствуют мировые игроки, включая Россию, отношения с которой находятся у Румынии в критическом состоянии многие годы.

В контексте отношений Румынии со странами Западных Балкан выделяется румыно-сербское взаимодействие. Несмотря на давление Брюсселя, Румыния заявляет о поддержке Сербии, не желающей мириться с самопровозглашенной независимостью Косова. Разные подходы к политике Российской Федерации являются причиной нестыковок в румыно-сербских отношениях.

Румыния не обладает достаточными ресурсами для самостоятельной деятельности в Балканском регионе и в целом встраивается в политику Евросоюза и США. Турция проводит на Балканах политику усиления собственного влияния, одним из очевидных проявлений которой является культурная стратегия воссоздания “тюркского мира”. Румынское руководство воздерживается от комментариев на этот счет. Имея неодинаковый вес в мировой политике, Румыния и Турция на декларативном уровне демонстрируют полное доверие и взаимопонимание, но их отношения, как следует из анализа внешнеполитических платформ и конкретных политических действий партнеров, развиваются в контексте разных, а порой и противоположных подходов к ряду важнейших международных событий.

Ключевые слова: Румыния, внешняя политика, Юго-Восточная Европа, Турция, Причерноморье, Украина, Балканы, НАТО, Европейский союз.

ROMANIA'S INTERESTS IN SOUTH-EASTERN EUROPE AND COOPERATION WITH TURKEY

Received 27.07.2022. Revised 14.08.2022. Accepted 20.10.2022.

Tatiana G. BITKOVA (tgbitkova@mail.ru), ORCID ID 0000-0002-8471-1576,

Institute of Scientific Information for Social Sciences, Russian Academy of Sciences, 51/21, Nakhimovsky Prosp., Moscow 117418, Russian Federation.

The article deals with Romania's foreign policy vectors in South-Eastern Europe regarding its membership in NATO and in the European Union. It is noted that the main foreign policy vector of Bucharest in the region is an alignment with the Republic of Moldova and a prospect of these two states uniting. The role of Romania is presented in a platform for negotiations which is the South-Eastern European Cooperation Process (SEEC), in the Three Seas Initiative, the Bucharest Nine Initiative and in the Romania – Poland – Turkey trilateral dialogue. The place of the Black Sea region in ambitions of the Romanian leadership and its significance in a strategic partnership between Romania and the Republic of Turkey are revealed.

The author notes that the Balkans are not a priority vector of Romanian foreign policy, but the Western Balkan states are always present in Bucharest's objects of attention, since here, as well as in the Black Sea region, global players are present, including Russia, a country Romania's relations with has been in a critical condition for many years.

In regards to the Romania's relations with the Western Balkan countries, cooperation between Romania and Serbia stands out. Despite the pressure from Brussels, Romania supports Serbia in not wanting to tolerate the self-declared independence of Kosovo. Different approaches to policies of the Russian Federation are the reason behind the inconsistencies in the Romanian-Serbian relations.

Romania does not possess enough recourses to lead an independent activity in the Balkans region and it mainly integrates in the policy of the European Union and the USA. Turkey pursues a policy of increasing its influence in the Balkans, with the cultural strategy of reconstruction of the Turkic world being one of the evident manifestations of the policy. The Romanian leadership abstains from any comment on this topic. Having not the same weight in world politics, Romania and Turkey на декларативном уровне demonstrate complete trust in one another and mutual understanding on a declarative level, but, according to the analysis of foreign policy platforms and partners' particular political acts, their relations develop in the context of varying and sometimes even opposite approaches to a list of crucial international events.

Keywords: Romania, foreign policy, South-Eastern Europe, Turkey, Black Sea region, Ukraine, Balkans, NATO, European Union.

About the author: Tatiana G. BITKOVA, Cand. Sci. (Philology), Leading Researcher, Europe and America Department.

В начале 1990-х годов румынские политики относились довольно сдержанно к межгосударственным проектам в Восточной Европе, всецело сконцентрировавшись на евроатлантизме¹. Со временем, однако, Румыния активизировала свое участие в них. Правда, ей так и не удалось вступить в Вышеградский клуб, что воспринималось некоторыми аналитиками внутри страны как неза заслуженное унижение.

Многие шаги по урегулированию отношений с соседями были сделаны румынскими властями под давлением евроатлантических структур. Это в первую очередь относится к Украине и Венгрии.

Наличие на Украине национальных меньшинств, относящих себя к румынам и молдаванам, позволяет Румынии декларировать интерес к поддержанию румынского языка и культуры на территории соседнего государства. Бухарест не только активно

¹ До начала югославского кризиса Румыния принимала все же участие во внутрибалканских форумах, где ставилась задача налаживания многостороннего сотрудничества. Позже этими вопросами пришлось заниматься международным организациям.

продвигает свои социальные и культурные программы на территории соседа, но и занимается предоставлением румынских национальных паспортов украинским гражданам, причисляющим себя к румынам и молдаванам.

Украина рассматривает такую политику как попытку ирредентизма, нарушения в перспективе своей государственной целостности, как механизм подспудного вмешательства во внутренние дела, первоначальная цель которого – оторвать румын и молдаван Украины от украинской духовной среды. Хотя паспортная экспансия Румынии не находит поддержки в Брюсселе, а двойное гражданство Украиной запрещено, процесс продолжался.

Главным же устремлением, имеющим для Румынии значение геополитическое, остается объединение с Республикой Молдова. Румыния направляет значительные средства для слияния экономического, социального, политического и культурного пространства двух стран, хотя сегодняшнее руководство, в первую очередь румынский президент Клаус Иоханнис, достаточно осторожен в декларациях на эту тему.

Будучи членом НАТО и Европейского союза, Румыния сегодня участвует в ряде региональных проектов и ассоциаций Юго-Восточной Европы. Наибольшее значение для нее имеет переговорная платформа Процесс сотрудничества в Юго-Восточной Европе (ПСЮВЕ), созданная в 1996 г. по инициативе стран региона. Эта самая всеобъемлющая площадка для регионального взаимодействия позволяет Румынии непосредственно контактировать с 12 странами ЮВЕ, включая Турцию.

На сайте Министерства иностранных дел Румынии отмечается, что “Румыния последовательно продвигала ПСЮВЕ как главный политический форум для сотрудничества в этом регионе” [1]. Страна председательствовала в ПСЮВЕ три срока: с марта 1999 г. по март 2000 г., с апреля 2004 г. по май 2005 г. и с июля 2013 г. по июнь 2014 г. В течение первого срока была подписана Хартия добрососедства, стабильности и сотрудничества в Южной Европе (Бухарест, 12 февраля 2000 г.). Участники, подписавшие хартию, заявили, что это первый многосторонний политический документ, провозгласивший намерение “превратить Балканы в зону мира и стабильности”. Румыния в период первого председательства провела также брифинг ПСЮВЕ по вопросу о беженцах из Косова (сентябрь 1999 г.). “Миссия завершилась серией выводов, принятых министрами иностранных дел, в основе которых лежал призыв к международному сообществу помочь беженцам и создать необходимые условия для их возвращения в свои дома,” – говорится в документе МИД “Румыния и процесс сотрудничества в Юго-Восточной Европе” [1].

Во второй срок Румыния сосредоточилась на очень важном для нее политическом измерении: она содействовала предоставлению Республике Молдова статуса наблюдателя в ПСЮВЕ. Кроме этого, в этот период председательства Румынии Республика Хорватия получила статус государства-участника с полными правами и обязанностями, что также, как полагают в Бухаресте, является заслугой в том числе румынских представителей.

Ключевой задачей третьего срока председательства, отмечает сайт Министерства иностранных дел Румынии, была “синхронизация действий, осуществляемых в рамках этого формата регионального сотрудничества, с усилиями государств региона по европейской и евроатлантической интеграции, учитывая, что большинство из них вступили в решающую стадию в своих отношениях с институтами ЕС и НАТО” [1]. Внешнеполитическое ведомство подчеркивает, что “пространство ПСЮВЕ будет по-прежнему иметь особое значение для внешнеполитических целей Румынии, в частности потому, что государства-участники находятся в непосредственной близости от Румынии” [1].

Оперативным и институциональным подразделением ПСЮВЕ является Совет регионального сотрудничества (СРС), который был учрежден в 2008 г. в качестве преемника Пакта стабильности для Юго-Восточной Европы (1999–2008),

инициированного Евросоюзом. В Румынии отмечают существенный вклад Турции в бюджет СРС. Она входит в число ведущих доноров организации.

Претендуя на роль главного игрока в ПСЮВЕ, Турция выражает особую заинтересованность в развитии этой организации. Ее представители заявляют о необходимости устранения экономических и политических барьеров внутри региона. Так, турецкие официальные лица декларируют готовность активизировать диалог между Сербией и Косово. Являясь уже длительное время лишь кандидатом для вступления в ЕС, Турция призывает к объединению усилий для вступления в Евросоюз всех стран, выражающих желание стать членами этой организации. Румыния демонстрирует постоянную готовность поддержать Турцию в ее стремлении стать членом Европейского союза.

ПРИЧЕРНОМОРЬЕ И БАЛКАНСКИЙ РЕГИОН ВО ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ АМБИЦИЯХ РУМЫНИИ

Важнейшим направлением внешнеполитической деятельности Румынии, имеющим не только региональную составляющую, является усиление позиций страны в Черноморском регионе. Участие в Организации черноморского экономического сотрудничества (ОЧЭС) считается в Румынии основополагающим фактором продвижения национальных интересов в Причерноморье. Правда, ОЧЭС переживает не лучшие времена после присоединения Крыма к России в 2014 г. и особенно после начала специальной военной операции (СВО) РФ на Украине в феврале 2022 г.

На важность стратегического военно-политического взаимодействия с Турцией не раз указывали румынские политики в контексте своих черноморских амбиций. На декларативном уровне Турция рассматривается ими как своего рода опора для повышения собственного геополитического влияния в Причерноморье. Обе страны проявляют общую заинтересованность в транспортировке углеводородов из Закавказья, Каспийского региона и Средней Азии.

Турция является вторым по важности, после ЕС, торговым партнером Румынии и основным импортером румынских товаров за пределами Евросоюза. Двусторонний товарооборот достиг уже 7 млрд долл. США.

Еще в 2011 г. была подписана Совместная декларация о стратегическом партнерстве между Румынией и Турецкой Республикой. Однако румынско-турецкое стратегическое партнерство, с момента подписания которого прошло уже более 10 лет, по сути не вышло за рамки экономических проектов. Энергетическая составляющая, всегда упоминаемая на уровне заявлений, пока также осталась недостаточно разработанной, и даже план 400-километрового подводного электрического кабеля, по которому Румыния должна была экспортировать электроэнергию в Турцию, был оставлен до завершения технической документации. На стратегическом уровне два государства не продвинулись пока дальше совместных военных учений в рамках НАТО.

Все же некоторые подвижки в этом отношении отмечаются. В 2021 г. Румыния и Польша облегчили процедуры закупки военной техники у стран НАТО, не входящих в Европейский союз. Бухарест, как сообщал министр иностранных дел Турции Мевлют Чавушоглу, проявляет интерес к турецким транспортникам и бронетехнике. По некоторым оценкам, Румыния могла бы закупить несколько тысяч машин этого типа.

Сложный конгломерат проблем Причерноморья захватывает и Балканский регион, где Турция в последние годы проявляет все больше активности. Для Румынии Балканы не являются регионом, который, в отличие от Украины и Молдавии, ассоциируется с ее национально патриотическими амбициями. Тем не менее, находясь в непосредственной близости с Западными Балканами, Румыния проявляет интерес к поддержанию с ними близких связей.

Не имея ресурсов для активной самостоятельной деятельности в Балканском регионе, Румыния встраивается в целом в политику Евросоюза и США. Турция, напротив, официально поддерживая евроатлантическую интеграцию стран региона, заботится в первую очередь об усилении собственного влияния, одним из очевидных проявлений которого объявлена культурная стратегия воссоздания “тюркского мира” на территориях, где проживает тюркоязычное или мусульманское население в пределах и за пределами бывшей Османской империи. В отношении этой двойственности официальный Бухарест проявляет сдержанность. Он пытается найти собственную нишу в этом пространстве, то сотрудничая с Анкарой, то проявляя молчаливую нейтральность.

Поддерживая сотрудничество со странами Западных Балкан, румынские политики не склонны, однако, причислять свое государство к Балканскому региону. Ни географически, ни геополитически Румыния – не Балканы, заявляют они, хотя некоторые румынские политологи, историки и культурологи доказывают обратное.

Причины такого мироощущения кроются в истории. В XIX в. значительная часть нарождавшихся общенациональных элит ментально обратилась к Западной Европе как источнику политической, экономической и культурной трансформации княжеств, а затем и объединенного королевства. Культурный традиционализм и экономическая отсталость ассоциировалась ими с османско-балканским наследием, которое, в их представлении, тормозило глубокую и всеобъемлющую модернизацию этих земель.

Позже, уже в XX в., когда западная наука сформулировала представление о “балканизации”, этому понятию стали придавать значение пагубное и отрицательное. Имелась в виду проблематика стран Балканского полуострова в последние годы существования Османской империи, а затем после ее распада: политическая слабость и коррупция, жестокие баталии между небольшими слабыми, но независимыми государствами, возникшими на руинах Османской империи. В Королевстве Румыния, ставшем после Первой мировой войны “Великой Румынией”, политики не были расположены к тому, чтобы их расширившееся государство ассоциировалось с Балканами, хотя объединив не только собственный этнос, но и включив немало национальных меньшинств, Румыния сама столкнулась с трудно разрешимыми противоречиями.

Несмотря на стремление сегодняшних политиков откеститься от “балканской специфики” как некоей неприятной исторической реальности, их интерес и ощущение причастности к событиям на Балканах очевиден.

Экономическое сотрудничество с Западными Балканами имеет для Румынии и политическое значение. В экспертном сообществе выражается мнение, что такое экономическое сотрудничество полезно для улучшения позиции Румынии перед лицом так называемого основного ядра ЕС. Это наводит на мысль, что в Румынии не исключают возможности в будущем составить, если возникнет необходимость, некую восточноевропейскую оппозицию с балканским уклоном ведущим игрокам Евросоюза.

Хотя некоторые представители стран Европейского союза высказывают сомнения в целесообразности вступления западно-балканских стран в организацию, Румыния всецело поддерживает их устремления. Такая поддержка – важная часть ее официально заявленной региональной политики на Балканах.

Румыния, подчеркивая свою приверженность к ценностям и политике Евросоюза, вместе с тем находится в числе тех немногих европейских стран, которые не признают самопровозглашенную независимость Косова, несмотря на давление Брюсселя. Эта позиция позволяет Румынии декларировать особо близкие отношения с Сербией. При этом, если Румыния в качестве члена НАТО и ЕС в целом следует всем предписаниям и документам евроатлантического сообщества, то Сербия заявляет, что не ставит целью стать членом НАТО. При этом она имеет статус “очень важного партнера” альянса и стремится вступить в Евросоюз. Одновременно Сербия, как известно, продолжает развивать тесное сотрудничество с Россией, а также выступает против западных санкций в отношении РФ, в том числе после февраля 2022 г. Все это ставит заслоны во внешнеполитическом

взаимодействии Румынии с Сербией, вес которой в западно-балканском регионе значительно выше, нежели ее соседей.

Сложность и неоднозначность румыно-сербских отношений красноречиво проявились в инциденте, случившемся 26 июля 2019 г. на Дунае. Румынские власти сообщили тогда о блокаде транзита российской военной техники, направлявшейся в Сербию. Решение, как разъярила румынская сторона, было принято в соответствии с санкциями, которые, согласно решению 2014/512 Совета ЕС, были введены против России в ответ на аннексию Крыма. Сербские СМИ в связи с этим транслировали обвинение в нарушении Дунайской навигационной конвенции. Хотя Минобороны России заявило, что Москва не направляла никаких судов для перевозки военной техники по Дунаю в Сербию, сербский президент Александр Вучич несколько позже отметил: “Да, бронетехника была остановлена в Румынии, но эти машины упали нам с небес... Как мы их получили, я не буду раскрывать, это наше дело” [2].

В Румынии равнодушны к действиям на Балканах мировых игроков, где ведущее место занимают западные державы, Россия, а также Китай и Турция. “Румыния была и продолжает оставаться связанной с Балкано-Дунайско-Понтийским пространством, которым управляли или только контролировали на протяжении более двух тысячелетий великие державы, будь то Римская, Византийская, Османская, Австро-Венгерская или Российская империи. Это пространство, – писала дипломат в ранге посла П. Бэдеску, – играло и продолжает играть важную роль в европейской и мировой экономике и политике. Заинтересованность некоторых европейских держав (и не только) в том, чтобы сохранить свои привилегии в этом районе или стать факторами влияния, ощущалась и продолжает ощущаться” [3].

Румыния, следуя евроатлантическому курсу и имея очень непростые отношения с РФ, с особой опаской отмечает действия России по закреплению своих позиций на Балканах, а также “дружбу” Турции с Россией.

Стремясь в последние годы к лидерству на восточноевропейском пространстве, в 2014 г. Румыния стала организатором платформы “Бухарестская инициатива-9”, задача которой, согласно декларациям, состоит в том, чтобы облегчить девяти членам восточного фланга НАТО возможность оперативно обсуждать региональные проблемы и согласовывать позиции на более широком форуме НАТО. На саммите, состоявшемся 10 июня 2022 г. в Бухаресте, румынский президент Клаус Йоханнис заявил: “Сегодняшняя повестка дня будет посвящена текущим событиям в сфере безопасности Украины и их влиянию на соседние страны, включая других уязвимых партнеров, таких как Республика Молдова и Грузия, а также на безопасность всего Североатлантического союза” [4].

С 2015 г. Румыния – активный участник проекта “Троеморье”, в который вошли 12 стран, располагающихся в пространстве между Балтийским, Черным и Адриатическим морями. Его содержанием было объявлено экономическое сотрудничество. Но суть инициативы, как подчеркивали многие российские источники, в первую очередь состоит в том, чтобы ослабить зависимость Европы от российского газа. По этой причине инициатива расценивалась как проект геополитический, который призван стать заслоном между Россией и Европой.

Несмотря на выражение заинтересованности развивать этот проект, некоторые из участников проявляют сомнения в оценках его перспектив. У Румынии, напротив, нет никаких сомнений в важности и плодотворности “Троеморья”. Здесь она полностью солидаризируется с Польшей.

Проект “Троеморье” кроме всего прочего предполагает активизацию военного сотрудничества Румынии с Польшей и Турцией. Страны регулярно проводят трехсторонние совещания министров иностранных дел с 2012 г., еще до образования “Троеморья”. Согласно декларациям, этот трехсторонний механизм имеет важное значение для стабильности региона. Одной из главных целей такого сотрудничества, отмечал польский эксперт А. Балснер еще при создании этого политического треугольника, является

взаимодействие с Грузией, Молдавией и Украиной. Причина еще в 2015 г. виделась в том, что “из-за агрессивной политики России эти страны нуждаются в поддержке своих главных партнеров больше, чем когда-либо прежде” [5].

Однако в этом трехстороннем взаимодействии с самого начала наблюдались и расхождения. Польша и Румыния – безусловные сторонники жесткого курса в отношении “российской агрессии” на Украине, тогда как Турция не поддержала санкции ЕС, наложенные на Россию в 2014 г., и время не изменило этой линии, особенно проявившейся после начала СВО в феврале 2022 г.

ОСОБЕННОСТИ РУМЫНО-ТУРЕЦКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Непростые отношения Турции с НАТО и Евросоюзом, а также особую политику в отношении России официальный Бухарест не комментирует. Из-за своей проамериканской ориентации Румыния сама не единожды создавала сложности во взаимоотношениях с ведущими государствами ЕС, отношения же Румынии с Россией давно находятся в критическом состоянии.

Хотя Бухарест на официальном уровне декларирует полное единодушие с турецкими партнерами, в сфере двусторонних отношений можно усмотреть и некоторые нюансы. В 2020 г. во время конфликта между Грецией и Турцией из-за газовых месторождений и морских границ, президент К. Иоханнис подтвердил солидарность страны с действиями Франции, вставшей на сторону Греции и Кипра.

Иное наблюдалось, когда турецкие власти изменили статус здания собора Айя-София, превратив его в действующую мечеть. Румыния, будучи страной преимущественно православной, отстранилась от критических комментариев по этому поводу в отличие от Евросоюза, США и России. Не только румынские официальные лица воздержались от каких-либо оценок, но и высокие прелаты Румынской православной церкви официально не выразили своего мнения. Позиция Румынской православной церкви была изложена лишь в личном письме патриарха Даниила от 8 июля 2020 г., направленном в адрес архиепископа Константинополя, Вселенского патриарха Варфоломея. В нем говорилось о поддержке Вселенского патриархата, выступавшего за сохранение статуса Софийского собора как музея. “Патриарх Румынский выражает солидарность со всеми, кто защищает этот символ Вселенской Православной Церкви”, – сообщалось в заявлении патриархии, транслировавшем упомянутое письмо [6].

Некоторые аналитики внутри страны искали причины неопределенной позиции румынского руководства в ситуации, когда “Турция пытается переписать региональную историю и даже имеет глобальные устремления, хотя она, – как иронизировал профессор политологии, бывший посол Румынии К. Аврамеску, – походит на пуделя, лающего на луну” [7]. С точки зрения экс-посла, изменение состояния Софийского собора – “это тоже проблема Румынии”, потому что “есть устоявшаяся история вещей”, которую надо уважать, а президент Турции Реджеп Тайип Эрдоган “взрывает устои Турецкой республики и хочет изменить светскую традицию Ататюрка и наследие региональной стабильности, которую тот создал” [7].

К. Аврамеску видел причину такой позиции Румынии в скрытых связях с Турцией различных официальных лиц. Он настаивал на парламентском расследовании для выяснения вопроса, “агрессивно ли лоббирует турецкое государство в Румынии”. Он предлагал: “Давайте посмотрим, кто выигрывает, кому выгодны связи с Турцией, кто является великим апологетом отношений с Турцией, насколько сильны бизнес-линии с Турцией” [7].

Кроме этого, экс-посол предполагал “рефлексии румынской дипломатии, которой руководит группа людей без моральных норм, восхищающихся восточными автократиями”. В связи с этим Аврамеску вспоминал: “Во времена дипломатической службы я сам был свидетелем неадекватной сцены: в зале, полном послов, дипломатов и представителей соответствующих служб, наши дипломаты были в чрезмерном восхищении от выступления

бывшего министра иностранных дел Турции Давидоглу, который был яростным османом и говорил такие несообразности, что хотелось спрятаться; в это время наши представители пожирали его глазами” [7].

В СМИ встречалось также предположение, что молчание Румынии в отношении трансформации бывшего собора Айа-София каким-то образом обязано наличию на румынской территории исторической турецко-татарской общины. Община невелика, но влиятельна. Согласно переписи 2011 г., в стране проживало 28 226 турок и татар, что составляло меньшинство в размере около 0.15% населения. Из них 81.1% были зарегистрированы в регионе Добруджа на юго-востоке страны, недалеко от Черного моря, в округах Констанца (21 014) и Тулча (1891), еще 8.5% проживали в столице страны Бухаресте (2388). Несмотря на свою малочисленность, община привлекает внимание Турции в рамках проводимой ею политики воссоздания “тюркского мира”. Официально румынские власти не выражают опасений на этот счет.

К. Аврамеску, выступая в СМИ, постоянно критиковал турецкие власти за авторитарный режим и призывал к этому официальный Бухарест. Он напоминал, что для Турции неприемлемо не признавать геноцид армян в 1915 г. Обращаясь к послу Турции в Бухаресте, он говорил: «Что же касается Вашего выражения “события 1915 года”, то я могу только сказать – позор вам! В 1915 г. погибло около 1.5 миллиона человек. Армян истребляли по указке и наущению тогдашнего турецкого руководства. Что было бы, если бы посол Германии сегодня сослался на “события 1944 г.” вместо того, чтобы однозначно признать Холокост. Это было бы столь же абсурдно, сколь и возмутительно. Однако, в отличие от Германии, Турция продолжает уклоняться от своей исторической ответственности» [8].

В статье 2022 г. экс-посол проводил аналогии между Россией и Турцией как во внутренней политике, так и во внешней. После попытки государственного переворота в 2016 г. “Эрдоган обрушился с критикой на независимых журналистов и негодных политиков. Многие попали в тюрьму за такую пустяковую провинность, как критика сына вышеупомянутого Эрдогана” [9]. Если бы Греция не была членом НАТО, полагает Аврамеску, то Турция напала бы на нее, как она сделала это в отношении Кипра в 1974 г. Но если Россия под санкциями, то «Турция по-прежнему свободна от проблем. Генеральный секретарь НАТО сказал, вероятно, под анестезией крайних заявлений Эрдогана, что “Турция — ценный союзник”. Я не думаю, что это так. Думаю, факты приводят к диаметрально противоположному заключению. Турцию надо срочно исключать из НАТО, потому что она вот-вот заблокирует работу альянса» [9].

К. Аврамеску – не единственный в Румынии критик политики Эрдогана. Колумнист румынской версии *Radio France Internationale* О. Нахой также высказывал критическую позицию в отношении внешней и внутренней Турции. Обратившись к заявлениям турецких официальных лиц о том, что те намерены препятствовать вступлению Финляндии и Швеции в НАТО под предлогом поддержки этими странами терроризма, журналист отмечал: “Но обвинения в поддержке террористов вряд ли могут быть обоснованы. Две образцовые скандинавские демократии действительно предоставляют убежище преследуемым оппонентам и активистам в их родных странах. Однако для режима Анкары любой, кто выступает против него, автоматически становится террористом. Тысячи активистов оппозиции, журналистов и политиков сегодня пребывают в турецких тюрьмах по обвинению в терроризме” [10]. Таким образом, хотя официально Бухарест придерживается благожелательной линии в отношении Турции, независимые эксперты выражают критическое отношение к сегодняшней политике Турецкой Республики.

Когда события на Украине приняли драматический характер, Румыния по-прежнему придерживалась общей линии Запада на ужесточение санкций против РФ. Турция, как известно, после некоторого колебания все же закрыла Босфор для военных кораблей РФ.

Турецкий лидер продолжительное время поддерживал тесные отношения с Россией, в том числе в сфере военных закупок. Это навлекло на Турцию ряд санкций со стороны

Вашингтона². Как выразился О. Нахой, имея в виду действия России на Украине: “Эрдоган очнулся, когда... Москва взорвала один из железных принципов Турции, а именно российско-турецкий баланс на Черном море” [10].

“Парадоксально, что Турция хочет защищаться российскими ракетами, но вооружает Украину беспилотниками *Bayraktar*, – рассуждала румынская исследовательница и обозреватель С. Фати. – Для Анкары почетным решением было бы предложить Украине ракеты С-400 и получить взамен американские F-35” [11].

В Турции накануне украинских катаклизмов раздавались голоса, что “США и Европа ни в коем случае не должны обосноваться на Черном море... Потому что мы не фронт Востока и Запада. Мы то, что диктует нам наша география! У Запада слабые позиции, но его разум по-прежнему стремится столкнуть и ослабить две крупные державы. Затеваается игра, с тем чтобы столкнуть лбами Турцию с Россией” [12].

Генсек турецкой партии *Vatan* (“Родина”) Догу Перинчек в начале февраля 2022 г. прямо предостерег от усиления позиций НАТО на Черном море: “Расширение НАТО на восток, на первый взгляд, является угрозой России, но в Турции существует понимание того, что здесь есть угрозы и для Анкары. Греция и Украина находятся у носа Турции, США пичкают обе страны вооружением, самолетами для осуществления провокаций. Мы понимаем, что Украина, как и Греция, служит интересам Вашингтона. Приглашение США на Черное море будет иметь очень сложные последствия. Необходимо не допустить наличие посторонних сил на Черном море” [13].

В марте 2022 г. Эрдоган заявил, что Турция не намерена принимать участие в санкционном давлении на Россию. Таким образом, Румыния и Турция оказались по разные стороны в международных политических баталиях, демонстрируя противоположные позиции как в отношении российско-украинского противостояния, так и в оценках внешней политики России и ее военных действий, которые в Турции рассматриваются во многом как вынужденные. Однако все это не препятствует двустороннему сотрудничеству.

2 июня 2022 г., в преддверии саммита НАТО в Мадриде, намечавшегося на 28-30 июня, румынский лидер К. Йоханнис принял во дворце Котрочень министра обороны Турецкой Республики Хулуси Акара, находившегося с официальным визитом в Румынии. В повестку дня были включены темы, связанные со стратегическим партнерством между Румынией и Турцией и перспективами его развития в новых геополитических условиях.

Сайт администрации румынского президента сообщал: “Касаясь кризиса безопасности в регионе, президент Румынии подчеркнул, что военное вторжение России на Украину представляет собой самую серьезную угрозу европейской безопасности со времен Второй мировой войны, и решительно осудил преступления, совершенные российскими войсками против гражданского населения, в том числе массовое уничтожение населенных пунктов и гражданской инфраструктуры” [14]. Последовала ли реакция на это заключение со стороны турецкого министра, сайт умалчивает. Отмечается лишь, что министр обороны Турецкой Республики “высоко оценил отношения двустороннего сотрудничества с Румынией и подчеркнул заинтересованность Турции в дальнейшем их развитии и диверсификации на всех уровнях деятельности”, а также “поблагодарил нашу страну за особый вклад в обеспечение стабильности и безопасности Восточного фланга и подчеркнул необходимость сотрудничества на региональном уровне как союзных, так и прибрежных государств на Черном море” [14].

Продолжение обмена мнениями в треугольнике Румыния–Польша–Турция никоим образом не меняло позиций Турции ни в рамках НАТО, ни в отношении действий РФ на Украине. “Похоже, Турция больше сигнализирует России, чем Североатлантическому альянсу. Анкара хвастается, что имеет вторую по численности армию в НАТО, но не размещала на

² После покупки российской ракетной системы С-400 Турция была исключена в 2019 г. из программы США, по которой Анкара должна была получить 120 истребителей F-35. Турция не отказывается от этих ракет, несмотря на военные действия на Украине, которые затрагивают и Черное море.

восточном фланге оборонительные войска, не вводила ограничения на полеты России, не связывала себя западными санкциями”, – отмечала С. Фати [11].

Вместе с этим президент Эрдоган все же заявил, что Трехсторонняя комиссия Румыния–Польша–Турция приобрела “стратегическую актуальность” в нынешнем контексте поддержки Украины тремя государствами. “Таким образом, следуя своей двуличной логике, Анкара обещает поддержку коридора для транспортировки зерна из Украины через Черное море в Средиземное” [11].

Результаты Мадридского саммита 2022 г. рельефно обнажили противоречивость внешнеполитической линии Турции. Поскольку в новой стратегической концепции альянса, принятой на саммите, Россия фигурирует как “самая значительная и прямая угроза для безопасности союзников, а также для мира и стабильности в евроатлантическом регионе”, Турция, как полагал один из турецких экспертов, не сможет далее проводить политику “уравновешивания” между Западом и Россией, хотя президент Эрдоган по возвращении с саммита и заявил, что Анкара будет и в дальнейшем придерживаться этого принципа: “Эти слова не имеют никакой силы. Это невозможно. После Мадрида Турции как члену НАТО придется либо отозвать свою подпись под декларацией саммита, либо выйти из НАТО” [15].

В Румынии, высоко оценивая итоги Мадридского саммита НАТО, использовали самые превосходные эпитеты. “Этот саммит является одной из самых значимых союзнических встреч с точки зрения результатов для Румынии. Все задачи, которые мы ставили перед собой, были решены в том смысле, который мы требовали”, — сказал К. Йоханнис [16].

Преодоление сопротивления Турции в отношении вступления Швеции и Финляндии в Североатлантический альянс румынские политики относили и за счет собственных дипломатических усилий. Йоханнис, который имел личные встречи с Эрдоганом на полях саммита, заявил, что Румыния участвовала в различных форматах, направленных на то, чтобы убедить Турцию принять Финляндию и Швецию в НАТО [17].

Можно ли сегодня предполагать непосредственное столкновение интересов Румынии и Турции? Гипотетически это возможно при дальнейшем продвижении румынской политики на объединение с Молдавией. Одним из серьезных препятствий на этом пути является автономная область Гагаузия, основное население которой – тюркоязычная русофильская этническая группа, исповедующая православие и демонстрирующая неприятие идеи объединения с Румынией. Россия, пользуясь всеми средствами “мягкой силы”, старается поддержать русофильские настроения гагаузов, имея в виду, что согласно Конституции Республики Молдова в случае изменения ее статуса как независимого государства народ Гагаузии имеет право на внешнее самоопределение.

В перспективе ситуация может все же осложниться тем, что начиная с 1990-х годов в Гагаузии происходит усиление влияния Турции: эта автономия стала одним из многочисленных регионов, где проводится политика формирования нового “тюркского мира”, и у Турции есть здесь серьезные наработки. В Румынии, как правило, стараются воздерживаться от анализа ситуации в Гагаузии и особенно политики Турции в этом микрорегионе.

РЕАЛЬНОСТЬ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Каково же место и роль Румынии в Юго-Восточной Европе в свете представленных сюжетов? Румыния, настроенная антироссийски, придерживается политики осторожной и сдержанной в регионе ЮВЕ, включающем и Балканы. Это наглядно проявляется также и в румыно-турецком взаимодействии на уровне официальных контактов и деклараций. Однако в румынском общественном сознании, а возможно, и в подсознании сохраняются представления о Турции как наследнице захватнической политики Османской империи, тормозившей свободное развитие Балканского региона, включая Дунайские княжества. Ведь отторжение “балканской специфики” также обязано исторической памяти об османах – завоевателях чужих территорий.

К проблематике Черного моря, столь важной для обеих стран, у Турции и Румынии по сути разные подходы. Имея сходные цели, каждая из них ведет собственную игру. Турция ведет эту игру, как видится, к примеру, С. Фати, “со всей наглостью бывшей империи, которая надеется когда-нибудь взять реванш” [11]. Достаточно определенно это проявилось в неоднозначной политике Турции в ходе украинских событий 2022 г. Позиция и поведение Турции в целом были противоположны румынским, что, как уже отмечалось, не мешало обеим странам демонстрировать взаимное доверие на официальном уровне.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. *România și Procesul de Cooperare din Europa de Sud-Est (SEECP)*. Ministerul Afacerilor Externe. Aprilie 2017. [Romania and the South-East European Cooperation Process (SEECP). Ministry of Foreign Affairs. April 2017. (In Rom.)] Available at: <https://www.mae.ro/node/1414> (accessed 01.02.2022).
2. Биткова Т.Г. Румыния и Балканы: Политические и историко-культурные аспекты. *Актуальные проблемы Европы*, 2021, № 2 (110), сс. 233-252. [Bitkova T.G. Romania and the Balkans: Political, Historical and Cultural Aspects. *Current Problems of Europe*, 2021, no. 2 (110), pp. 233-252. (In Russ)] DOI: 10.31249/ape/2021.02.11
3. Bădescu P. *Cooperarea balcanică în politica externă a României*. [Bădescu P. *Balkan Cooperation in Romania's Foreign Policy*. (In Rom.)] Available at: <https://www.geopolitic.ro/2018/11/cooperarea-balcanica-politica-externa-romaniei/> (accessed 06.06.2022).
4. Summitul Bucharest 9 a adus pe masa discuțiilor situația de securitate pe flancul estic NATO. *Radio Romania*, 10.06.2022. [The Bucharest 9 Summit Brought the Security Situation on NATO's Eastern Flank to the Discussion Table. *Radio Romania*, 10.06.2022. (In Rom.)] Available at: <https://www.rador.ro/2022/06/10/summitul-bucharest-9-a-adus-pe-masa-discutiilor-situatia-de-securitate-pe-flancul-estic-nato/> (accessed 20.06.2022).
5. Балсер А. Польско-румыно-турецкий треугольник и Черноморский регион – новая движущая сила региональной интеграции? *CIES. Neighbourhood Policy Paper*, July 2015. [Balsar A. The Polish-Romanian-Turkish Triangle and the Black Sea Region – a New Driving Force for Regional Integration? *CIES. Neighbourhood Policy Paper*, July 2015. (In Russ)] Available at: [https://www.files.ethz.ch/isn/192079/NeighbourhoodPolicyPaper\(14\)RussianVersion.pdf](https://www.files.ethz.ch/isn/192079/NeighbourhoodPolicyPaper(14)RussianVersion.pdf) (accessed 04.02.2022).
6. Patriarhia Română, în disputa privind basilica Sfânta Sofia din Istanbul: Să fie menținut statutul de muzeu. *DIGI 24*, 08.07.2020. [The Romanian Patriarchate, in the Dispute Regarding the Saint Sophia Basilica in Istanbul: Let the Museum Status be Maintained. *DIGI 24*, 08.07.2020. (In Rom.)] Available at: <https://www.digi24.ro/stiri/actualitate/patriarhia-romana-in-disputa-privind-basilica-sfanta-sofia-din-istanbul-sa-fie-mentinut-statutul-de-muzeu-1335047> (accessed 04.07.2022).
7. Fati S. De ce tace România: Chestiunea transformării Sfintei Sofia în moschee nu e doar problema Turciei. *Europa Libera*, 15.07.2020. [Why is Romania Silent: The Issue of Transforming Hagia Sophia into a Mosque is Not Only Turkey's Problem. *Europa Libera*, 15.07.2020. (In Rom.)] Available at: <https://romania.europalibera.org/a/de-ce-tace-rom%C3%A2nia-chestiunea-transform%C4%83rii-sfintei-sofia-%C3%AEn-moschee-nu-e-doar-problema-turciei/30726403.html> (accessed 12.03.2022).
8. Avrămescu C. Cătălin Avrămescu îi răspunde ambasadorului Turciei: “Este o sarcina de serviciu să apărați regimul lui Erdogan”. *BURSA*, 23.03.2017. [Avrămescu C. Cătălin Avrămescu Answers the Turkish Ambassador: “It is a Duty to Defend Erdogan's Regime”. *BURSA*, 23.03.2017. (In Rom.)] Available at: <https://www.bursa.ro/catalin-avramescu-ii-raspunde-ambasadorului-turciei-este-o-sarcina-de-serviciu-sa-aparati-regimul-lui-erdogan-29369131> (accessed 02.03.2022).
9. Avrămescu C. Turcia sau Rusia – vedeți vreo diferență? *BURSA*, 24.05.2022. [Avrămescu C. Turkey or Russia - Do You See Any Difference? *BURSA*, 24.05.2022. (In Rom.)] Available at: <https://www.bursa.ro/turcia-sau-rusia-vedeti-vreo-diferenta-06545640> (accessed 29.05.2022).
10. Năhoi O. Ungaria și Turcia: ce le unește pe cele două “pietre de moară” ale taberei occidentale. *RFI Romania*, 20.05.2022. [Năhoi O. Hungary and Turkey: What Unites the Two “Stumbling Blocks” of the Western Camp. *RFI Romania*, 20.05.2022. (In Rom.)] Available at: <https://www.rfi.ro/politica-145637-ungaria-turcia-unește-doua-pietre-moara-tabara-occidentala> (accessed 29.05.2022).
11. Fati S. De ce (nu) joacă Turcia cu România la Marea Neagră. *Spotmedia.ro*, 01.06.2022. [Fati S. Why Does Turkey (Not) Play Romania at the Black Sea. *Spotmedia.ro*, 01.06.2022. (In Rom.)] Available at: <https://spotmedia.ro/stiri/eveniment/de-ce-nu-joaca-turcia-cu-romania-la-marea-neagra> (accessed 05.06.2022).
12. Карагюль И. Yeni Şafak (Турция): украинская или турецко-российская война? Что за игра затевается в Черном море? *ИноСМИ*, 27.01.2022. [Karagul I. Yeni Şafak (Turkey): Ukrainian or Turkish-Russian war? What Kind of Game Is Brewing in the Black Sea? *InoSMI*, 27.01.2022. (In Russ)] Available at: <https://inosmi.ru/20220127/voyna-252728719.html> (accessed 04.02.2022).
13. Турецкий политик призвал не допустить приход США на Черное море. *Риа Новост*, 07.02.2022. [Turkish Politician Urged to Prevent the US from Entering the Black Sea. *RIA Novosti*, 07.02.2022. (In Russ)] Available at: <https://ria.ru/20220207/turtsiya-1771395544.html> (accessed 04.04.2022).
14. *Primirea de către Președintele României, Klaus Iohannis, a Ministrului Apărării al Republicii Turcia, Hulusi Akar*. Președintele României. 02.06.2022. [The Reception by the President of Romania, Klaus Iohannis, of the Minister of Defense of the Republic of Turkey, Hulusi Akar. The President of Romania. 02.06.2022. (In Rom.)] Available at: <https://www.presidency.ro/ro/media/comunicate-de-presa/primirea-de-catre-presedintele-romaniei-klaus-iohannis-a-ministrului-apararii-al-republicii-turcia-hulusi-akar> (accessed 02.07.2022).
15. Çandar C. Madrid sonrası yeni NATO, Batı'nın ayırık otu Türkiye. *T24*, 04.07.2022. [Çandar C. The New NATO after Madrid, the Weed of the West, Turkey. *T24*, 04.07.2022. (In Turk.)] Available at: <https://www.t24.com.tr/yazarlar/cengiz-candar/madrid-sonrasi-yeni-nato-bati-nin-ayirik-otu-turkiye,35855> (accessed 06.07.2022).

16. Ionescu V. Klaus Iohannis: Am decis să consolidăm pe termen lung postura aliată pe Flancul Estic. Summitul NATO de la Madrid, una din cele mai semnificative reuniuni aliate ca rezultate pentru România (VIDEO). b1, 29.06.2022. [Ionescu V. Klaus Iohannis: We Decided to Strengthen the Allied Position on the Eastern Flank in the Long Term. The NATO Summit in Madrid, One of the Most Significant Allied Meetings as a Result for Romania (VIDEO). b1, 29.06.2022. (In Rom.)] Available at: <https://www.b1tv.ro/politica/klaus-iohannis-summitul-nato-de-la-madrid-una-din-cele-mai-semnificative-reuniuni-aliata-ca-rezultate-pentru-romania-toate-obiectiile-au-fost-atinse-si-rezolvate-in-sensul-solicitat-de-noi-video-1173605.html> (accessed 09.07.2022).
17. Stancu D. Summit NATO. Klaus Iohannis: România, implicată în eforturile de a convinge Turcia să accepte noi membri. *Euronews.Romania*, 29.06.2022. [Stancu D. Summit NATO. Klaus Iohannis: Romania, Involved in Efforts to Convince Turkey to Accept New Members. *Euronews.Romania*, 29.06.2022. (In Rom.)] Available at: <https://www.euronews.ro/articole/summit-nato-klaus-iohannis-romania-implicata-in-eforturile-de-a-convinge-turcia-s> (accessed 30.06.2022).

ПОДХОДЫ БАЛКАНСКИХ СТРАН К СОТРУДНИЧЕСТВУ С РОССИЕЙ

© КАНДЕЛЬ П.Е., 2022

КАНДЕЛЬ Павел Ефимович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела социально-политических исследований.

Институт Европы РАН, РФ, 125009 Москва, ул. Моховая, 11-3 (xpekan@yandex.ru),
ORCID: 0000-0002-4333-4276

Кандель П.Е. Подходы балканских стран к сотрудничеству с Россией. *Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН*, 2022, № 3, сс. 69-75. DOI: 10.20542/afij-2022-3-69-75

DOI: 10.20542/afij-2022-3-69-75

УДК: 327(497)

Поступила в редакцию 25.06.2022.

После доработки 11.07.2022.

Принята к публикации 20.10.2022.

В статье рассматриваются три параметра заявленной темы: политика правительств государств Юго-Восточной Европы в свете событий на Украине, массовые настроения, расстановка политических сил в этих странах, предопределяющая возможности пророссийских кругов. Основой для анализа послужили как национальные и международные опросы общественного мнения, так и результаты последних выборов. Показано, что традиционно сильные русофильские настроения во многих странах региона и в этом случае дали о себе знать, и сказались на восприятии конфликта. Для отечественного общественного мнения, сосредоточенного на событиях на Украине и вокруг них, естественно рассматривать все происходящее в координатах противостояния России и совокупного Запада. Но в регионе, где Европейский союз для всех без исключения государств является полюсом центростремительных тенденций, а членство в НАТО – необходимым пропуском туда, иная система координат. Поэтому прямое проецирование российского мировидения на местные реалии методологически ущербно и приводит к ошибочным оценкам и выводам. Пророссийские симпатии, там, где они существуют, дали себя знать. Но потенциал сил, на них ориентирующихся, недостаточен для принципиального изменения политики. Правда, и правящие круги не могут его полностью игнорировать. Общий вывод: состояние и перспективы сотрудничества со странами региона до завершения военных действий на Украине будут оставаться неблагоприятными для РФ, хотя ЕС и США вряд ли смогут в короткие сроки добиться полного отказа от российских энергоносителей.

Ключевые слова: события на Украине, страны Юго-Восточной Европы, Европейский союз, США, русофильские настроения.

BALKAN COUNTRIES' APPROACH TO COOPERATION WITH RUSSIA

Received 25.06.2022. Revised 11.07.2022. Accepted 20.10.2022.

Pavel E. KANDEL (xpekan@yandex.ru), ORCID: 0000-0002-4333-4276, Institute of Europe, Russian Academy of Sciences, 11-3, Mokhovaya Str., Moscow 125009, Russian Federation.

The article examines three parameters of the stated subject: policies of the state governments of South-Eastern Europe in the light of the new developments in Ukraine, widespread attitudes and the configuration of political forces in these countries which may provide a chance to pro-Russian

circles. The analysis is based on both national and international opinion polls and the results of the latest elections. As is shown, the traditionally strong Russophile sentiments in many countries of the region have reverberated again and affected the perception of the conflict. It's only natural for Russia's public opinion, focused on events in and around Ukraine, to look at everything through the lens of Russia opposing the collective West. However, in a region, where the European Union for every single state is a pole of centripetal tendencies and where a NATO membership is a much needed permit to that pole, people view things in a different way. Thus, projecting Russian worldview on local reality is methodologically flawed and it would lead to incorrect assessments and conclusions. Pro-Russian sympathies made themselves known in areas where there are such. However, the potential of the pro-Russian forces is insufficient for a fundamental change in policies although the ruling circles cannot completely ignore it. The article concludes that the status and prospects of Russian cooperation with the countries of the region will remain unfavorable until the end of military operation in Ukraine, although the EU and the USA are unlikely to succeed in achieving complete abandonment of Russian energy resources in a short time.

Keywords: : events in Ukraine, countries of South-Eastern Europe, EU, USA, Russophile sentiments.

About the author:

Pavel E. KANDEL, Cand. Sci. (Hist.), Leading Researcher, Department of Social and Political Studies.

В заявленной теме целесообразно выделить три существенно различающихся аспекта:

- 1) массовые настроения;
- 2) политика правительств данных государств;
- 3) расстановка политических сил в этих странах, предопределяющая потенциал пророссийских кругов.

Во всех членах ЕС и НАТО из Юго-Восточной Европы (Словения, Хорватия, Румыния, Болгария, Греция, Кипр) события на Украине стали фактором, заметно повлиявшим на ситуацию и изменившим привычную картину в каждом из этих сегментов. То же самое можно сказать и о большинстве государств Западных Балкан (Сербия, Черногория, Северная Македония, Босния и Герцеговина). Пожалуй, лишь в Албании и Косово изначально максимально проамериканский внешнеполитический курс и безоговорочная устремленность в ЕС (с логично вытекающими антироссийскими последствиями) не претерпели никаких перемен. Реакция правительств всех стран региона (за исключением Сербии и Республики Сербской в Боснии и Герцеговине) на происходящее на Украине была единодушной и солидарной с Брюсселем и Вашингтоном, в том числе и в вопросе санкций против Российской Федерации. Нюансы можно усмотреть лишь в том, насколько рьяно они включились в общеевропейскую кампанию против России, да и в готовности перейти к оплате за газ в рублях.

Между тем те или иные отклонения от общей линии не случайно обнаружили там, где у немалой части общества традиционно были сильны пророссийские наклонности (Сербия, Республика Сербская в Боснии и Герцеговине, Болгария, Греция, Кипр). Наиболее явно это показал свежий (апрельский) опрос Евробарометра "Ответ ЕС на войну на Украине"¹, освещавший реакцию граждан стран Евросоюза на эти события и меры Брюсселя. Для нашей темы интерес представляет восприятие этих сюжетов в юго-восточной части Союза (Словения, Хорватия, Болгария, Румыния, Греция, Кипр). Важно в первую очередь то, насколько оно отличается от среднего по ЕС в целом.

Во всех упомянутых странах (за исключением Словении) происходящее на Украине вызвало большую личную обеспокоенность, чем в других членах ЕС. Общевропейское ощущение симпатий к украинцам и стремление помочь беженцам население балканских стран вполне разделяло. Но, скажем, с утверждением, что Украина – часть европейской

¹ EU's response to the war in Ukraine. Flash Eurobarometer 506. Report. April 2022. Available at: <https://www.ekathimerini.com/wp-content/uploads/2022/05/eurobarometer.pdf> (accessed 27.05.2022)

семьи, в Болгарии и на Кипре согласились лишь 48% опрошенных. Доля несогласных с тем, что “ее следует принять в Евросоюз, когда она будет готова”, составила: в Греции – 37%, в Болгарии – 35%, на Кипре и в Словении – 34%. Впрочем, в этом вопросе по уровню скептицизма с ними сравнивались граждане Люксембурга, Венгрии и Австрии. В странах ЮВЕ оказалось больше всего тех, кто не принял версию, что “ответственность за сложившуюся ситуацию несут в первую очередь российские власти”: 39% – в Словении, 45% – в Греции, 46% – в Болгарии и 51% – на Кипре. Поэтому логично, что экономические санкции против РФ поддержали в Болгарии лишь 44% и 48% – на Кипре. Соответственно и военные поставки Украине приветствовали только 30-31% болгар и киприотов и 40% греков.

Примечательны ответы на вопрос, насколько граждане удовлетворены тем, как отреагировали на войну на Украине национальные власти, ЕС, НАТО, США. Довольных в Болгарии оказалось 20, 32, 30 и 25% соответственно; в Греции – 31, 29, 24 и 23%, на Кипре – 38, 33, 18 и 19%; в Словении – 39, 46, 40 и 27%. Кстати, схожие цифры характерны и для Словакии. По этому параметру данные страны заметно выделяются среди других членов Евросоюза.

Правительства государств региона в своей реакции на события на Украине руководствовались не столько настроениями граждан, сколько стремлением продемонстрировать максимальную лояльность Брюсселю и Вашингтону. Это и неудивительно, учитывая их экономическое и политическое влияние в регионе, которое многократно превосходит возможности РФ. При этом определяющим мотивом зачастую был даже не антироссийский настрой сам по себе. Главным было желание таким способом усилить свои позиции в решении актуальных внутривнутриполитических или внутривнутрибалканских задач, добиться дальнейшего приближения к ЕС, по созданной там для них лестнице статусов. России в подобных расчетах одни местные лидеры отводили роль удобного “пугала”, другие, напротив, крайне необходимого элемента поддержки на внешней и внутренней сцене. Таким образом, “российский фактор”, объективно ставший неизбежной частью политической повестки дня, использовался вполне инструментально, как подходящее подсобное средство разрешения собственных проблем. Одними, чтобы демонстрацией антироссийского рвения привлечь на свою сторону тех, для кого мнение ЕС и США – истина в последней инстанции. Другими – с целью завоевать расположение пророссийской части электората. Но в обоих вариантах успех не был гарантирован и попытки использовать “российский фактор” с плюсом или минусом зачастую приводили к неожиданным эффектам.

Немаловажен и еще один момент, ощутимо влияющий на поведение региональных лидеров. За большинством из них, долго находящимся у власти (вроде албанского премьера Э. Рамы, черногорского президента М. Джукановича, экс-премьера Болгарии Б. Борисова или президента Сербии А. Вучича), закрепилась скверная репутация автократов и коррупционеров. От них и в Вашингтоне, и особенно в Брюсселе, были бы не прочь избавиться, заменив их новыми протеже с незамазаным послужным списком из числа “новых правых” или “зеленых”. У тех же, кого стараются убрать с политической сцены, появляется сильный стимул доказать, что они еще нужны своим бывшим покровителям и без них стабильность прозападной внешнеполитической ориентации не может быть обеспечена. Стоит ли удивляться, что именно в Софии, в Скопье, а отчасти в Любляне, Афинах и даже в Белграде, действия властей были довольно противоречивыми.

Отечественное общественное мнение сосредоточено на событиях на Украине и вокруг них. Естественно поэтому стремление рассматривать все происходящее в мире в координатах противостояния России и совокупного Запада. Но в регионе, где ЕС для всех без исключения государств является полюсом центропритягательных тенденций, а членство в НАТО – необходимым пропуском туда, иная система координат. Поэтому прямое проецирование российского мировидения на местные реалии методологически ущербно и приводит к ошибочным оценкам и выводам.

Так, словенский премьер (теперь уже бывший) Я. Янша накануне парламентских выборов, рассчитывая привлечь новых сторонников, занял активно враждебную России позицию. Он отправил оружие на Украину и съездил вместе с польским и чешским премьерами в Киев. Итоги голосования вроде бы свидетельствовали, что его Словенская демократическая партия финишировала с неплохим показателем: 23.52 % голосов и 27 (+1) депутатских кресел. Немного прибавили в весе и еще более правые ближайшие единомышленники, католическая “Новая Словения – Христианские демократы”, – 6.86 % и 8 (+1) депутатов. Но это ему не помогло, поскольку словенского избирателя волновали преимущественно домашние проблемы. Это подтвердил и стандартный опрос Евробарометра, проведенный в январе-феврале 2022 г.: 67% (против 34%) не удовлетворены состоянием демократии в стране; 57% (против 30%) полагали, что она движется в неправильном направлении; 77% (против 21%) не доверяли правительству и 81% (против 16%) – парламенту².

Волеизъявление граждан выразилось в протесте против действующей власти и лично Я. Янши, а беспорным фаворитом стало новое “Движение свобода”, основанное незадолго до выборов Р. Голобом: 34.54% голосов и 41 мандат из 90³. Такого результата еще никто в стране не достигал. Победителям чужда антироссийская одержимость их предшественника. Показательно, что во внешнеполитическом разделе программы нового кабинета Р. Голоба (“зеленых”, левоцентристов и левых) вообще нет ни слова о России и Украине, или конфликте между ними. Но большое внимание уделено укреплению отношений с Брюсселем, с которым прежний глава правительства конфликтовал на манер В. Орбана, и повышению роли Словении в ЕС⁴. Этой задаче и будут подчинены дальнейшие отношения с РФ, что не обещает им хорошего будущего.

В Болгарии, как и в Румынии, одобрили размещение боевых групп НАТО на своей территории. Правительство К. Петкова отказалось от оплаты российского газа в рублях, сообщив, что достигло договоренности с США о закупках сжиженного газа, и ускорило строительство межсистемного трубопровода для присоединения к Трансадриатическому газопроводу на территории Греции, позволяющему получать газ из Азербайджана. Первые поставки по нему ожидаются в июле. Он рассчитан на 3 млрд кубометров газа в год с последующим наращиванием объема до 5.5 млрд кубометров. В будущем его планируют соединить и с плавучей регазификационной установкой сжиженного природного газа в греческом Александруполисе.

Кабинет К. Петкова даже намеревался поучаствовать в военной помощи Украине. Но против выступили президент Р. Радев и участница коалиционного правительства Болгарская социалистическая партия, среди электората которой сильны пророссийские чувства, заблокировав решение о поставках оружия. В итоге дело свелось к согласию отремонтировать украинскую военную технику в Болгарии. Практических последствий это иметь не может, учитывая логистические трудности и удручающее состояние болгарского оборонно-промышленного комплекса.

Между тем главной головной болью К. Петкова, заставляющей его активно искать благосклонности в западных столицах, стала унаследованная от низвергнутого кабинета Б. Борисова “македонская проблема” – вето Болгарии на начало предвступительных переговоров ЕС с Северной Македонией и Албанией⁵. Сам К. Петков, уступая настойчивым требованиям Брюсселя и Вашингтона, был готов к

² Standard Eurobarometer-96. Winter 2021-2022. European Union. Available at: <https://europa.eu/eurobarometer/surveys/detail/2553> (accessed 11.06.2022).

³ Volitve2022. Koga boste volili to nedeljo? Available at: <https://volitve2022.si/koga-bi-volili-ce-bi-bile-volitve-to-nedeljo-88-glasovanje-od-17.-do-22.-aprila> (accessed 11.06.2022).

⁴ 15. vlada republike Slovenije. Program za delo koalicije 2022-2026. Available at: https://www.gov.si/assets/vlada/Vlada_predstavitev_dokumenti/Koalicijski-dogovor-2022-2026-Programski-del-18.5.2022.pdf (accessed 11.06.2022).

⁵ Опрос: более 60% болгар поддерживают евроинтеграцию Северной Македонии. *Балканист*, 13.01.2022. [Poll: over 60% of Bulgarians Support North Macedonia's EU Integration. *Balkanist*, 13.01.2022. (In Riss.)] Available at: <https://balkanist.ru/opros-bolee-60-bolgar-podderzhivayut-evrointegratsiyu-severnoj-makedonii/> (accessed 15.02.2022); Новини – Народното събрание даде мандат на Министерския съвет за одобрение на френското предложение за Република Северна Македония. Available at: <https://www.parliament.bg/bg/news/ID/5521> (accessed 28.06.2022).

компромиссу, но столкнулся с сопротивлением президента и некоторых партнеров по коалиционному кабинету. В результате внутренних трений партия “Есть такой народ” покинула правительство, лишив его большинства. Затем последовал вотум недоверия, вынесенный Народным собранием. При этом инициатором выступила партия “ГЕРБ” экс-премьера Б. Борисова, во время правления которого София и наложила вето.

Уходя, К. Петков, желая заручиться на будущее поддержкой влиятельных западных покровителей, напоследок обвинил в случившемся не только своих местных противников и главу государства, но и российского посла. В отместку из страны было выслано сразу 70 дипломатов РФ, объявленных персонами *non grata*. Наглядный пример инструментального использования “российского фактора” в личных целях, поскольку названные политические недоброжелатели К. Петкова относятся к России ничуть не дружелюбнее. Страна вновь погрузилась в политический кризис, из которого с трудом выбралась в конце 2021 г., после трех подряд парламентских выборов и нескольких промежуточных служебных кабинетов.

Абсурдность ситуации подчеркнуло последующее развитие событий: 24 июня Народное собрание, двумя днями ранее низвергнувшее К. Петкова за излишнюю уступчивость в важном внешнеполитическом вопросе, одобрило резолюцию (при 170 голосах за, 37 против и 21 воздержавшемся), позволяющую правительству снять вето, правда, под довольно жесткими условиями. Если же парламенту не удастся с трех попыток утвердить новое правительство, досрочные выборы снова станут неизбежными. В этом случае потенциал условно “пророссийских” партий по последним опросам выглядит следующим образом: “Возрождение” – 10.1% голосов, БСП – 9.5%, новая партия “Болгарский восход” экс-премьера служебных кабинетов, отставного генерала С. Янева – 7.6%⁶. Сила заметная, но недостаточная для формирования правящего большинства.

Дело, казалось бы, сдвинулось с мертвой точки, но теперь сходные проблемы обнаружилось на другой стороне. И в Скопье подчеркнутая лояльность Брюсселю была связана с желанием снять болгарское вето. От этого зависела и устойчивость кабинета Д. Ковачевского, сменившего З. Заева после тяжелого поражения правящего Союза социал-демократов Македонии на местных выборах. Македонский премьер, находящийся под давлением собственной националистической оппозиции, заявил, что в нынешней форме предложенное решение не приемлемо.

В Афинах резко возросли расходы на вооружение, а визит премьера К. Мицотакиса в Вашингтон (19 мая 2022 г.) трактуется как новый этап в дружественных отношениях, позволяющий надеяться на то, что Греция сможет заместить Турцию как главную опору НАТО в Восточном Средиземноморье⁷. Но и в этих условиях в Греции, имеющей и альтернативные источники газа, не стали воротить нос от российских предложений и начали платить в рублях. О том же размышляют в Румынии и Хорватии⁸.

Свои особенности обнаружили и на Кипре. Так, министр финансов К. Петридес в разговоре с коллегой из США Дж. Йеллен не поддержал требование Вашингтона запретить судам под кипрским флагом перевозку российской нефти в третьи страны.

Считается, что большинство стран Западных Балкан – Албания, Косово, Северная Македония, Босния и Герцеговина, Черногория – присоединились ко всем антироссийским санкциям ЕС, но для некоторых это оказалось более сложным,

⁶ Опросы: в новый парламент Болгарии вошли бы 8 политических сил. *Балканист*, 16.05.2022. [Polls: There Would Be 8 Political Forces in the New Bulgaria's Parliament. *Balkanist*, 16.05.2022. (In Russ.)] Available at: <https://balkanist.ru/oprosy-v-novyj-parlament-bolgarii-voshli-by-8-politicheskikh-sil/> (accessed 27.05.2022)

⁷ Байден и Мицотакис обсудили ситуацию в Восточном Средиземноморье. *TASS*, 17.05.2022. [Biden and Mitsotakis Discussed the Situation in Eastern Mediterranean. *TASS*, 17.05.2022. (In Russ.)] Available at: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/14642191> (accessed 27.05.2022)

⁸ Покупатели более 70% газа из РФ в Европе переходят на новую схему оплаты. *TASS*, 19.05.2022. [More Than 70% of Russian Gas Consumers in Europe Switch to a New Payment Scheme. *TASS*, 19.05.2022. (In Russ.)] Available at: <https://tass.ru/ekonomika/14672367> (accessed 27.05.2022).

чем для других. Хотя Подгорица официально поддержала санкции, правительство, возглавляемое тогда З. Кривокапичем и раздираемое внутренними противоречиями, несколько недель не имело большинства для принятия этого решения. Новый, более прозападный кабинет Д. Абазовича, избранный 28 апреля, похоже, будет с большим рвением реализовывать санкционный режим. Однако, учитывая расстановку сил в парламенте, его устойчивость представляется проблематичной.

Если же говорить о Боснии и Герцеговине, то до сих пор остается спорным, присоединилась ли она к санкциям вообще. Некоторые ее представители из числа босняков голосовали в Совете ЕС за определенные санкции, но ни один из властных институтов – Президиум, Совет министров и парламент – не принимали на этот счет никакого официального решения. Они и не могли этого сделать, поскольку член Президиума, многолетний лидер Республики Сербской М. Додик его блокировал. В Брюсселе и Вашингтоне Додика считают своим главным противником в стране и подвергли персональным санкциям, а осенью предстоят всеобщие выборы. Поскольку российская поддержка для него безальтернативна, можно с уверенностью предполагать, что его позиция останется прежней. Как и всегда перед выборами, он поспешил встретиться с В. Путиным (17 июня в рамках Петербургского международного экономического форума). Итогом беседы стало сохранение прежней, крайне льготной цены на российский газ и обещание построить на территории Республики Сербской отвод газопровода “Балканский поток” и две электростанции.

Сложнее ситуация в Сербии. События на Украине внесли свои коррективы в прошедшие 3 апреля 2022 г. всеобщие выборы (президентские, парламентские и отчасти местные). А. Вучич победил триумфально, но его Сербская прогрессивная партия понесла ощутимые потери, а в парламент под пророссийскими лозунгами прошли и несколько правонационалистических блоков, которые прежде владели довольно жалкое существование на обочине политического поля. И лидер “социалистов” И. Дачич посмел в предвыборной кампании оспорить монополию А. Вучича на роль главного поборника дружбы с Россией, сделав несколько откровенно пророссийских заявлений. Президент А. Вучич постоянно заявляет, что Белград, отказываясь присоединиться к санкциям, будет держаться “до последнего”. Но на Генеральной ассамблее ООН Сербия дважды голосовала за антироссийские резолюции и присоединилась к двум мерам Брюсселя – продлению санкций в отношении бывшего президента Украины В. Януковича и членов его режима в марте и в отношении Беларуси в апреле.

В постоянном балансировании сербского президента не только вовне, но и внутри страны многое объясняет четкая взаимосвязь внешнеполитических сюжетов с внутривнутриполитическими. “Прогрессисты”, по сути, перехватили у прозападных “демократов” их внешнеполитическую программу, но продвигаются к тем же целям более зигзагообразным маршрутом, постоянно запутывая следы, с оглядкой на сербское общественное мнение и позиции собственного электората. Маневрированию на международной арене соответствует лавирование внутри страны между проевропейскими и националистическими пророссийскими настроениями в сербском обществе. Речь идет не только о политически оформленных флангах со своим ядерным электоратом. Как показывают и опросы, и результаты голосований, именно условно центристскому большинству одновременно свойственны склонности, выглядящие полярно противоположными. Общественное мнение “не обязано” быть логичным и рациональным. Поэтому власть, стараясь удовлетворить и тех, и других, вынуждена попеременно демонстрировать два своих разных лица, обращенных то на восток, то на запад [1; 2; 3].

Учитывая традиционное русофильство значительной части сербских избирателей, едва ли не обязательным условием победы на выборах является демонстрация в предвыборной кампании близости с Россией и желательна “селфи” с В. Путиным. Этой части общества адресованы и все те жесты, которые должны показать некую относительную самостоятельность официального Белграда и его хотя бы вербальное дистанцирование от слишком навязчивых, чрезмерных и несвоевременных

домогательств Вашингтона и Брюсселя. Как нельзя кстати, оказываются перед выборами очередные инциденты в отношениях с Косово, позволяющие главе государства предстать в роли ярого борца за национальные интересы. Решив свои электоральные задачи, можно вернуться к более прагматичному курсу, постепенно и по частям сдавая те внешнеполитические позиции, которые провозглашались незыблемыми.

В данном контексте кажущееся странным поведение А. Вучича не лишено своей логики. Со всех сторон ему настоятельно рекомендуют перестать сидеть на двух стульях и сделать, наконец, выбор. Но лишившись одного из стульев, он не только ослабит свои внешнеполитические позиции. Внутри страны это равносильно утрате поддержки значительной части собственных сторонников. Поэтому его цель – оттянуть навязываемый выбор, осмотреться, как лягут карты в противостоянии Запада и Востока, и придать власти такую конструкцию, которая сохранит и его центральную роль в сербской политике, и свободу рук в дальнейшем ориентировании на международной арене, которое в любом случае не будет однозначным и прямолинейным.

После успешных переговоров с Москвой о новом контракте на поставки газа и весьма выгодных ценах на него, позиция Сербии постепенно эволюционирует. Заметно изменение и стилистики заявлений сербского президента, и нарратива проправительственных СМИ. Былые пророссийские акценты сменяются сетованиями на невиданное давление на Белград со стороны Брюсселя и Вашингтона и размышлениями о том, насколько долго страна сможет ему противостоять и во что это ей обойдется. Все это симптомы возможных перемен, которые вероятнее всего обозначатся осенью, когда президенту придется представить состав нового кабинета.

Правда, свежий опрос показал, что впервые число сторонников вступления в ЕС (35%) оказалось меньше доли его противников (44%). При этом сочувствующих России в украинском конфликте среди сербов оказалось 49%, а Украине – лишь 6.1%. Его главным виновником 68.7% опрошенных посчитали НАТО, а против присоединения к санкциям против РФ высказалось 82.1%⁹. Но поскольку выборы уже позади, можно на время забыть об электоральном потенциале пророссийски настроенных избирателей.

Все это позволяет сделать следующий общий вывод: состояние и перспективы сотрудничества со странами региона до завершения военных действий на Украине будут оставаться неблагоприятными для РФ. Хотя ЕС и США вряд ли смогут в короткие сроки добиться полного отказа от российских энергоносителей, они сделают все возможное, чтобы максимально ослабить зависимость.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Вуячич В. *Национализм, миф и государство в России и Сербии. Предпосылки распада СССР и Югославии*. Санкт-Петербург: Издательство Европейского университета, 2019. 430 с. [Vuyachich V. *Nationalism, Myth and State in Russia and Serbia*. Saint Petersburg, Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta, 2019. 430 p. (In Russ.)]
2. Энтина Е.Г. *Незападные Балканы*. Москва: Галактика, 2022. 656 с. [Entina E.G. *Non-Western Balkans*. Moscow, Galaktika, 2022. 656 p. (In Russ.)]
3. Худoley К.К., Колосков Е.А. Политика России на Балканах: современное состояние и перспективы. *Мировая экономика и международные отношения*, 2021, том 65, № 1, с. 90-99. [Khudoley K.K., Koloskov E.A. Russian Policy in the Balkans: Current Situation and Perspectives. *World Economy and International Relations*, 2021, vol. 65, no. 1, pp. 90-99. (In Russ.)] DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-1-90-99

⁹ Истраживања јавног мњења. ЕУ, НАТО, КиМ, рат у Украјини и санкције Русији. *Нова српска политичка мисао*, 21.05.2022. Available at: <http://www.nspm.rs/istravanje-javnog-mnjenja/eu-nato-kim-rat-u-ukrajini-i-sankcije-rusiji.html> (accessed 27.05.2022).

“ПОПКОРН-ДИПЛОМАТИЯ”: РОЛЬ АМЕРИКАНСКИХ БЛОКБАСТЕРОВ В ВОПРОСАХ МИРОПОРЯДКА

Самый простой способ внедрить пропагандистскую идею в сознание большинства людей – это облечь ее в развлекательную форму, чтобы они не осознавали, что подвергаются воздействию пропаганды.
Э. Дэвис, директор Управления военной информации США.

© АРТАМОНОВА У.З., 2022

АРТАМОНОВА Ульяна Звиадиевна, младший научный сотрудник сектора внешней и внутренней политики США Центра североамериканских исследований.

Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН РФ, 117997 Москва, ул. Профсоюзная, 23 (artamonova.u@imemo.ru), ORCID: 0000-0003-1825-9291

Артамонова У.З. “Попкорн-дипломатия”: роль американских блокбастеров в вопросах миропорядка. *Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН*, 2022, № 3, сс. 76-90. DOI: 10.20542/afij-2022-2-76-90

DOI: 10.20542/afij-2022-3-76-90

УДК: 327.8(73)

Поступила в редакцию 20.07.2022.

После доработки 06.09.2022.

Принята к публикации 20.10.2022.

Статья представляет собой попытку взглянуть на тенденции глобальной политики и, в частности, российско-американское противостояние сквозь призму контроля международного информационного дискурса в контексте парадигмы миропорядка. Россия и Соединенные Штаты не просто продвигают разные модели мироустройства, но в целом рассматривают вопросы трансформации миропорядка с совершенно разных ракурсов: российский дискурс отстаивает идею многополярного мира (как логического этапа развития), в то время как американский упорно придерживается концепции “миропорядка, основанного на правилах”, одним из ключевых элементов которого является единоличное глобальное лидерство США. В фокусе анализа – публичная дипломатия США и ее кинематографическое измерение как инструмент влияния на международное общественное мнение, в том числе в контексте восприятия вопросов мироустройства и роли ведущих держав в нем. В статье последовательно рассмотрены причины, по которым американский кинематограф можно отнести к арсеналу публичной дипломатии: примеры формального и неформального сотрудничества американских правительственных структур с киноиндустрией. Затем, с учетом тенденций потребления кинопродукции как в мире, так и в России, исследование сфокусируется на ряде блокбастеров, чтобы на их примере изучить взаимосвязь развлекательного кино и нарративов, которые оно транслирует зрителям, с национальными и правительственными интересами США. Особое внимание будет уделено тому, какая картина мира предстает перед зрителями популярных кинофильмов с учетом тиражируемых геополитических клише, манипулирования историческими фактами и использования художественного символизма в сюжетах, который легко можно интерпретировать в контексте национальных интересов и внешнеполитической доктрины США. Методология исследования базируется на теориях “культурной гегемонии” и “популярной геополитики” с применением качественного контент-анализа к продукции американской киноиндустрии. При подведении итогов выделены риски и возможности для России с учетом тенденций последних лет.

Ключевые слова: миропорядок, США, Россия, публичная дипломатия, гегемония, дискурс, кинематограф.

Информация о конфликте интересов. Текст является русской версией статьи, опубликованной ранее на английском языке: Artamonova U.Z. 'Popcorn Diplomacy': American Blockbusters and World Order. *Russia in Global Affairs*, 2022, no. 20 (2), pp. 105-128. DOI: 10.31278/1810-6374-2022-20-2-105-128

'POPCORN DIPLOMACY': AMERICAN BLOCKBUSTERS AND WORLD ORDER

Received 20.07.2022. Revised 06.09.2022. Accepted 20.10.2022.

Uliana Z. ARTAMONOVA (artamonova.u@imemo.ru), ORCID: 0000-0003-1825-9291, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO), 23, Profsoyuznaya Str., Moscow 117997, Russian Federation

Tensions in U.S.-Russia relations have been on the rise over the last years. This article attempts to examine them through the prism of the clash between two different world order paradigms. While Russia has been promoting the concept of multipolarity as the next step from unipolarity, the U.S. abides by the concept of a 'rule-based order built after the WWII with the American singular leadership'. The author argues that among public diplomacy instruments one of the most powerful in terms of promoting the American-centric paradigm of the world order are blockbusters – "popcorn diplomacy". The paper offers an insight into how Hollywood movies are linked with Washington's narrative of the world order. First of all, author explains why cinema should be considered a part of the U.S. public diplomacy's arsenal, presenting several examples of both official and unofficial collaboration between American government and movie pictures' industry. Using the methods of the popular geopolitics theory and cultural hegemony theory and applying content-analysis to several American popular blockbusters (chosen on the basis of their global popularity and popularity in Russia in particular), the author identifies certain techniques that help advance the American perception of the world and manipulate the public opinion in U.S. national interests. Specifically, article pays attention to what kind of picture is being presented to audience through movies via multiplication of geopolitical clichés, manipulation of historical facts and exploiting the symbolism of fictional plots that can be easily interpreted in terms of the U.S. national interests and foreign policy doctrine. In conclusion, the article discusses what risks and opportunities this policy poses for Russia.

Keywords: world order, U.S., Russia, public diplomacy, hegemony, discourse, motion picture.

About the author: Uliana Z. ARTAMONOVA, Junior Researcher, Sector of US Foreign and Domestic Policy, Centre of North American Studies.

About a conflict of interest.

*The text is the Russian version of the article published earlier in English: Artamonova U.Z. 'Popcorn Diplomacy': American Blockbusters and World Order. *Russia in Global Affairs*, 2022, no. 20(2), pp. 105-128. DOI: 10.31278/1810-6374-2022-20-2-105-128 world order, U.S., Russia, public diplomacy, hegemony, discourse, motion picture.*

Противостояние России и США, обострившееся с началом украинского кризиса в 2014 г., является, помимо прочего, отражением противоречия двух парадигм мироустройства. Россия активно продвигает концепцию многополярного/полицентричного мира не только как наиболее желаемый вариант будущего международного уклада, но как логичный с учетом всех факторов глобальных политических изменений, наблюдаемых в последние десятилетия [1; 2]. Соединенные Штаты неоднократно декларировали свою приверженность "миропорядку, основанному на правилах" или "либеральному миропорядку" и готовность защищать

его от любых попыток пересмотра¹. США воспринимают Россию как один из вызовов такой модели мироустройства. С их точки зрения, ему уже более 70 лет и он во многом определяется американским глобальным лидерством [3]. Россия же видит в позиции США упрямое сопротивление процессам развития глобального характера, продиктованное эгоцентричным нежеланием отказываться от модели (однополярной), наилучшим образом подчеркивающей нарратив собственной исключительности.

Каждая из сторон уверена в своей правоте. США считают себя защитником *status quo*, а любые действия, противоречащие такому видению ситуации, воспринимают как проявления ревизионизма. Россия же отстаивает свою позицию не только потому, что полагает переход к многополярному миру предопределенным процессами развития, но и с точки зрения определенного “морального превосходства”. В рамках этой парадигмы она отстаивает систему международных отношений, при которой все державы равно подчинены правилам и имеют равные права, в частности, на обеспечение своей безопасности и национальных интересов.

Поскольку конфликт в значительной степени затрагивает такие аспекты, как мировоззрение, субъективное восприятие, предпочитаемый политический дискурс, не вызывает удивления тот факт, что одним из основных фронтов противостояния является международная информационная сфера, определяющая, какие нарративы доминируют на мировом уровне и, соответственно, в международном общественном мнении. С 2014 г. между Россией и США неоднократно имел место обмен обвинениями в пропаганде и дезинформации; принимались законодательные инициативы, направленные на ограничение возможностей влияния оппонента на общественное мнение (закон “О противодействии иностранной пропаганде и дезинформации” 2016 г. в США²; закон “О СМИ-иноагентах” № 327-ФЗ 2017 г. в России³); активизировались усилия как американских, так и российских каналов инновационного вещания (запуск канала “Настоящее время” под эгидой “Радио Свобода”/“Свободная Европа” и “Голоса Америки” в 2014–2016 гг.; расширение вещания *Russia Today*: запуск *RT UK* в 2014 г., *RT Français* в 2017 г. и *RT Deutsch* в 2021 г.).

Несомненно, среди инструментов влияния на глобальное информационное поле и международное общественное мнение особое место занимает публичная дипломатия как технология “мягкой силы”, позволяющая странам решать свои политические задачи.

Согласно одному из классических определений, публичная дипломатия – это прямая коммуникация с народами зарубежных стран с целью повлиять на их мышление и в конечном счете повлиять на их правительства, в рамках продвижения национальных интересов и укрепления международного имиджа своего государства [4].

Международное информационное поле относится к тем сферам, в которых у США сохраняются огромные возможности, несмотря на ряд негативных тенденций. С одной стороны, публичная дипломатия США переживает упадок приблизительно с момента окончания холодной войны. Системный кризис проявляется в значительной степени на институциональном уровне: с 1999 г. не было произведено ни одной масштабной реформы или реструктуризации ключевых институтов американской публичной дипломатии после того, как профильное ведомство, отвечавшее за соответствующую деятельность с 1953 по 1999 г., Информационное агентство США (*U.S. Information Agency, USIA* – ЮСИА), было расформировано, а его функции разделены между Государственным

¹ См., например: *Secretary Blinken's Press Availability*. U.S. Department of State. 04.03.2022. Available at: <https://www.state.gov/secretary-antony-j-blinken-at-a-press-availability-15/> (accessed 18.07.2022); *U.S. National Security Strategy*. The White House. 2015. Available at: https://obamawhitehouse.archives.gov/sites/default/files/docs/2015_national_security_strategy_2.pdf (accessed 18.07.2022).

² *National Defense Authorization Act for Fiscal Year 2017. Countering Foreign Propaganda and Disinformation Act*. U.S. Congress. 2016. Available at: <https://www.congress.gov/bill/114th-congress/senate-bill/2943/> (accessed 18.07.2022).

³ Федеральный закон № 327-ФЗ «О внесении изменений в статьи 10.4 и 15.3 Федерального закона “Об информации, информационных технологиях и о защите информации”» и статью 6 Закона Российской Федерации “О средствах массовой информации”. *Российская газета*, 25.11.2017. [Federal Law of 25 November 2017 No. 327-FZ “On Amendments to Articles 10.4 and 15.3 of the Federal Law ‘On Information, Information Technologies and Information Protection’ and to Article 6 of the Russian Federation Law ‘On the Media’”. *Rossiyskaya Gazeta*, 25.11.2017. (In Russ.)] Available at: <https://rg.ru/2017/11/25/fz327-site-dok.html> (accessed 18.07.2022).

департаментом США и Агентством США по глобальным медиа (*U.S. Agency for Global Media, USAGM* – АСГМ). Помимо этого, индикаторами кризиса служат последовательное недофинансирование соответствующего сектора, кадровые проблемы, в том числе отсутствие квалифицированного руководителя данного направления внешней политики (заместитель госсекретаря по публичной дипломатии и связям с общественностью), а также, что наиболее важно, низкий приоритет публичной дипломатии в стратегическом видении политического руководства США [5]. На практике упадок американской публичной дипломатии нашел отражение в участившихся в XXI в. вспышках антиамериканизма в международном общественном мнении: готовности мировой общественности быстро осудить Соединенные Штаты за определенные политические решения или события (вторжение в Ирак, президентство Д. Трампа, неспособность оперативно справиться с пандемией в 2020 г., вывод войск из Афганистана) [6 ; 7 ; 8 ; 9].

Однако Соединенные Штаты сохраняют доминирование в международной информационной сфере, когда дело касается вопросов глобальной политики, идеологии, ценностного дискурса. Это заметно по неготовности международного общественного мнения относиться одинаково критически к месседжам, транслируемым США и державами, выражающими альтернативную позицию по перечисленным вопросам (преимущественно речь идет о России и Китае, так как с точки зрения альтернативной парадигмы миропорядка именно они являются наиболее внушительными “проповедниками” соответствующего видения). Актуальный пример – информационная кампания по демонизации России в международном общественном мнении на фоне проведения спецоперации на Украине, которая, хотя и исходит от официальных лиц западных государств, встречает активную поддержку у широкой общественности в США и странах ЕС при отсутствии попыток рассмотреть возможность существования альтернативной точки зрения на события.

В фокусе этой статьи – роль одного из аспектов американской публичной дипломатии, который в наименьшей степени подвергся воздействию кризиса и стагнации, а в каких-то вопросах, наоборот, пережил существенный скачок в развитии возможностей благодаря таким факторам, как глобализация и цифровизация в XXI в. Более того, исторически это та форма публичной дипломатии, в которой у США не было и нет серьезных конкурентов. В данной статье анализируется американский кинематограф как инструмент публичной дипломатии в сохранении значительного влияния США на международное общественное мнение, а также риски и возможности, которые с этого ракурса открываются для России в контексте трансформации миропорядка и информационного противостояния двух держав.

В настоящем исследовании роль кинопродукции в реализации американской публичной дипломатии, а также в целом ее значение в контексте продвижения американских национальных интересов и поддержания глобального лидерства США анализируются сквозь призму двух теоретических концепций. В первом случае речь идет о теории гегемонии А. Грамши и его понимании культурной гегемонии как процесса, в рамках которого правящий класс оказывает целенаправленное воздействие на совокупность представлений, верований, ценностей и норм, выраженных в культуре общества с целью утвердить определенное мировоззрение в качестве общепринятой культурной нормы и общезначимой доминирующей идеологии [10]. Такая идеология узаконивает социальный, политический или экономический статус-кво, на деле являющийся лишь социальным конструктом, и выдает его за естественный и неизменный порядок вещей, одинаково выгодный для каждого [11, pp. 387-388]. В рамках статьи эта теория экстраполируется на глобальный уровень, где место правящего класса занимает доминирующая на мировом уровне держава (США), а место доминирующей идеологии правящего класса – парадигма “порядка, основанного на правилах”, обеспечивающего неоспоримость американской гегемонии. В рамках такого подхода кинематограф рассматривается как часть арсенала для поддержания глобального культурного доминирования США.

Вторая концепция – это теория популярной геополитики, относительно молодое направление исследований, фокусирующееся на том, как популярная культура (художественные фильмы, телевизионные передачи, сериалы, комиксы, блоги и т.п.) участвует в формировании реальности посредством репрезентации стран, регионов, геополитических отношений, что в свою очередь влияет на те представления, которые конструируются в сознании широкой общественности [12]. Теория популярной геополитики является ответвлением критической геополитики, которое специализируется на вопросах концептуализации географических пространств и на том, “каким образом властные структуры достигают превосходства определенного дискурса над остальными” [13].

Использование элементов популярной геополитики в контент-анализе американской кинопродукции позволяет выделить ряд нарративов, которые прямо или косвенно поддерживают идею глобального лидерства США, а также дублируют официальное видение правительства США по вопросам международной политики, политики безопасности, положения других государств в миропорядке.

Помимо этого, контент-анализ позволяет выделить также ряд частных технологий, используемых в фильмах для конструирования нарративов, внедряющих в международном общественном мнении американоцентричную парадигму мировосприятия: манипуляция историей (художественные допущения при изображении исторических событий, приводящие к искажению истории в пользу нарратива), символизм (например, протагонист-супергерой как символ исключительности США в глобальной политике), пропаганда милитаризма (при значимости американского ОПК в контексте формулирования внешнеполитической доктрины США) и т.п.

КУЛЬТУРНО-РАЗВЛЕКАТЕЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ПУБЛИЧНОЙ ДИПЛОМАТИИ США

В арсенале американской публичной дипломатии кинематограф всегда был “на особом положении”. Если говорить о формальной структуре государственных институтов, вовлеченных в реализацию публичной дипломатии, то на первый взгляд основные направления – это информационно-агитационное, чаще всего принимающее форму иновещания (“Голос Америки”, “Радио Свобода”, и др.), и образовательно-просветительское, самым известным проявлением которого являются разнообразные обменные программы [14]. Культурно-развлекательное направление, одно из основных инструментов которого – голливудская кинопродукция, – эта та форма публичной дипломатии США, которая практически не формализована на законодательном и институциональном уровнях.

Нормативная правовая база публичной дипломатии США предусматривает для ответственного лица (на современном этапе – госсекретаря) право привлекать к соответствующей деятельности практически неограниченный круг лиц и структур как внутри правительства, так и со стороны частного сектора⁴. И хотя примеры вовлечения правительством США кинематографа в процессы публичной дипломатии известны еще с середины XX в., в значительной степени это сотрудничество по сей день носит неофициальный характер.

Существуют три основные формы, в которых кинематограф США вовлекается в реализацию национальных интересов через публичную дипломатию: взаимовыгодное сотрудничество между кинокомпаниями и государственными институтами (единственная из трех форм может быть формализована в виде официального соглашения), мобилизация киноиндустрии правительственными структурами для решения внешнеполитических задач (происходит на уровне полуофициальных встреч и бесед государственных служащих с руководителями ведущих киностудий), самоцензура среди кинопроизводителей в

⁴ *United States Information and Educational Exchange Act of 1948*. Available at: <https://2009-2017.state.gov/documents/organization/177574.pdf> (accessed 18.07.2022).

соответствии с политической и идеологической повесткой (не имеет всеобъемлющего характера, то есть не распространяется тотально на всю продукцию американской киноиндустрии) [15].

В первом случае киностудии получают возможность снизить производственные издержки и повысить уровень аутентичности своей продукции (получая помощь, например, от Пентагона в форме консультаций, предоставления техники или локаций для съемок) в обмен на учет пожеланий партнера относительно конечного продукта (например, продвижение в сюжете положительного имиджа ЦРУ, исключение негативных для имиджа аспектов в сценарии, либо трансляция определенного месседжа, скажем, идеи изучения космоса при сотрудничестве с НАСА [16]).

Во втором случае правительство или отдельные сотрудники госструктур обращаются к киноиндустрии с просьбой или предложением добровольно продвинуть определенный политический дискурс. Поводом могут быть как серьезные потрясения (во время Второй мировой войны – поддержка союзников через кинофильмы; обращение Белого дома к Голливуду после 9/11 с просьбой содействовать войне с террором [17]), так и стратегические внешнеполитические или военные планы руководства страны (интерес ВКС США к фильмам, которые потенциально могли бы внести вклад в кампанию по продвижению идеи развития военного присутствия в космосе [16]).

Третья форма наименее очевидна, так как она не привязана к конкретным политическим событиям, историческим периодам или жанрам кинокартин. Речь идет скорее об устоявшейся модели консенсуса, которая стала результатом сочетания множества факторов: поддержки правительством США киноиндустрии за рубежом [18], опыта “охоты на ведьм” в Голливуде в период маккартизма [19], системы личных и кадровых связей между правительством и кинематографом (Американская ассоциация кинокомпаний, занимающаяся лоббированием интересов отрасли в Вашингтоне, состоит из большого числа бывших высокопоставленных госслужащих и дипломатов [18]).

Обособленный характер киноиндустрии среди других форм и инструментов публичной дипломатии США является одним из факторов, объясняющих, почему культурно-развлекательное измерение публичной дипломатии оказалось не затронуто системным кризисом. Процесс упадка явился прямым следствием снижения заинтересованности высшего политического руководства США в публичной дипломатии как актуальной технологии внешней политики и, соответственно, отсутствия в дальнейшем политической воли к реформе, модернизации и оптимизации соответствующей системы институтов, программ и инициатив.

Поскольку киноиндустрия является самостоятельной коммерческой отраслью, то эти проблемы, так же, как и недостаток финансирования (например, соответствующих структурных подразделений Госдепартамента), не могли ее затронуть. В то же время вклад Голливуда в публичную дипломатию всегда был результатом полуформальных договоренностей и молчаливого взаимопонимания между руководством киностудий и правительством, соответственно, эта практика оказалась меньше подвержена влиянию системных тенденций снижения приоритетности публичной дипломатии в стратегическом видении правительства США.

В развлекательной индустрии США в целом период конца XX – начала XXI в. был отмечен беспрецедентной тенденцией к консолидации производственных и финансовых мощностей, что выразилось в многочисленных слияниях и поглощениях компаний, в том числе киностудий. В результате в рамках единого холдинга объединялись различные элементы медийной и развлекательной сфер: кинопроизводство, теле- и радиовещание, издательские дома и редакции газет и журналов, тематические парки, производства сопутствующих развлечением товаров, провайдеры интернет-сервисов. Все эти элементы дополняли и усиливали друг друга [20].

Оставшиеся пять крупнейших голливудских киностудий – *The Walt Disney Company*, *Sony Pictures*, *Paramount Pictures*, *Universal Studio*, *Warner Bros.*, все члены Американской

ассоциации кинокомпаний – в сложившихся условиях смогли аккумулировать количество ресурсов достаточное для безусловного доминирования на рынке не в последнюю очередь за счет доступа к новейшим и наиболее дорогостоящим технологиям, необходимым как на стадии производства кинокартин, так и на стадии их распространения [21; 22].

Другая значимая тенденция последних десятилетий заключается в фактической переориентации американского кинематографа на международный рынок как на основной источник доходов. Отсюда следует заметный жанровый дисбаланс в сторону производства блокбастеров (сознательный ход производителей), создание которых невозможно без дорогостоящих высоких технологий и которые пользуются наибольшим успехом у глобальной аудитории [23]. Последняя в свою очередь постепенно приходит ко все более гомогенным предпочтениям на рынке кинопродукции, которые лучше всего удовлетворяют американские картины [24]. Поэтому американская киноиндустрия стабильно доминирует на мировом рынке блокбастеров [25]. Помимо этого, благодаря новейшим технологиям в современном мире все большую популярность набирают стриминговые сервисы, наиболее успешные среди которых – американские, например, *Netflix* (также член Американской ассоциации кинокомпаний) [26]; а контент, который они транслируют – тоже преимущественно произведен в США [27].

БЛОКБАСТЕРЫ

Блокбастеры – категория американских кинофильмов, которая пользуется максимальной популярностью в мире, что делает их потенциально успешным с точки зрения охвата аудитории каналом для трансляции нарративов, созвучных целям публичной дипломатии и национальных интересов США. Другим преимуществом этих фильмов в контексте вклада в культурную гегемонию являются их развлекательный характер и изначально вымышленный сюжет. Художественные фильмы, не основанные на реальных событиях или даже имеющие элементы фантастики, не воспринимаются широкой аудиторией критически: потребитель может подозревать попытки повлиять на его мировоззрение от кинокартины, посвященной историческим событиям или реальным военным конфликтам, но не будет ожидать подобного от научной фантастики или боевика. Таким образом, “попкорн-дипломатия” – ответвление публичной дипломатии с фокусом на блокбастерах – становится едва ли не одним из наиболее перспективных форматов трансляции определенных меседжей для широкой аудитории, особенно с учетом тенденций демократизации внешней политики и дипломатии.

В рамках этой статьи анализируются американские кинофильмы, являющиеся частями наиболее популярных франшиз: кинематографические вселенные *Marvel* и *DC*, серии фильмов о Джеймсе Бонде (последнего перезапуска 2006–2021 гг.) и “Миссия невыполнима”, а также кинофраншизу “Трансформеры”.

Во-первых, они крайне популярны в мировом масштабе: по данным интернет-сайта *The Numbers* (части консалтинговой аналитической компании *Nash Information Services*), алгоритмическим способом постоянно отслеживающего количественные показатели мировой киноиндустрии, *Marvel Cinematic Universe* является самой кассовой кинофраншизой с учетом общемировых кассовых сборов; “Джеймс Бонд” – пятой самой кассовой серией фильмов. Кинофраншиза *DC Extended Universe* занимает 11-е место в соответствующем рейтинге, серия фильмов “Трансформеры” – 13-е место, а франшиза “Миссия невыполнима” – 16-е⁵. Во-вторых, в период с 2007 по 2021 гг. (за исключением 2010 и 2020 гг.) как минимум один кинофильм из соответствующих франшиз попадал в топ-10 наиболее кассовых фильмов в прокате на территории России⁶. Отдельно необходимо отметить серию фильмов о Джеймсе Бонде. Хотя они производятся

⁵ *Movie Franchises*. The Numbers. Available at: www.the-numbers.com/movies/franchises/sort/World (accessed 18.07.2022).

⁶ *Бюллетень кинопрокатчика. Статистика*. [Film Distributors' Bulletin. Statistics. (In Russ.)] Available at: www.kinometro.ru/kino/analitika (accessed 18.07.2022).

британской компанией *EONProductions*, она в свою очередь принадлежит американскому холдингу *Danjaq, LLC*. Холдинг был основан продюсером большинства фильмов с 1962 г. Альбертом Брокколи, который намеренно стремился сделать экранный образ знаменитого шпиона более “общееатлантическим” и менее “демонстративно британским” [28]. До 1975 г. Брокколи продюсировал фильмы совместно с другим американским продюсером, которому изначально принадлежали права на экранизацию романов о британском шпионе – Гарри Зальцманом. С 1975 по 1984 гг. А. Брокколи продюсировал фильмы единолично; с 1984 по 1989 гг. – совместно с пасынком Майклом Уилсоном; а с 1990 г. фильмы продюсируют совместно М. Уилсон и его сестра Барбара Брокколи. Таким образом, мы полагаем возможным считать, что по производству “Бондиана” все же родственна американскому кинематографу. При этом в статье рассматриваются только последние фильмы, выпущенные с 2006 по 2021 гг.

Сотрудник Бристольского университета Сара Келли в своем исследовании выдвигает гипотезу о том, что эта серия сознательно снималась таким образом, чтобы максимально убрать акцент на британском происхождении персонажа. Под влиянием войны с террором и создания англо-американской коалиции для вторжения в Ирак в 2003 г. появилась необходимость в более универсальном герое, воплощающем все ценности коллективного Запада [29]. Поэтому новый Бонд визуально и по своему поведению мало отличается от типичного протагониста американских боевиков: от британского чопорного совершенства, с которым привыкли ассоциировать персонажа, мало что осталось. Сотрудник Ростокского университета (Германия) Георгия Кристинидис [30] отмечает, что с выходом уже второго фильма “Квант милосердия” процесс постепенного превращения Бонда в интернационального героя был завершен. Как отмечает профессор Оклахомского университета Лиза Фаннел, специалист по исследованию гендерных и геополитических вопросов в фильмах о Дж. Бонде, “еще больше похожий на современных голливудских героев боевиков, Бонд в исполнении актера Д. Крейга выглядит как американский герой, который говорит с британским акцентом” [28].

Отдельного упоминания заслуживает еще одна причина выбора большинства упоминаемых в статье кинофраншиз – это подтвержденное участие американских государственных структур в процессе создания некоторых из этих фильмов. В частности, поддержку со стороны Пентагона получали: “Железный человек”, “Железный человек 2” [31], “Первый мститель”, “Капитан Марвел”, “Человек из стали” из киновселенной DC [16]; так же, как и первые три фильма из кинофраншизы “Трансформеры” [32; 33]. НАСА, в свою очередь, сотрудничало с создателями фильмов “Железный человек”, “Тор”, “Человек-муравей”, “Мстители: Эра Альтрона” (*Marvel*); “Лига справедливости”, “Аквамен” (DC) [16]. По косвенным фактам, таким как активная медийная поддержка со стороны ЦРУ кинофильма “Черная пантера” (*Marvel*), сравнимая по масштабам с поддержкой фильмов, снятых официально при участии разведслужбы, и достаточно лестного изображения сотрудников управления в сюжете, эксперты также предполагают, что ЦРУ было в какой-либо форме вовлечено в процесс создания картины [16]. Производство серии фильмов “Миссия невыполнима” также, по всей видимости, не обошлось без участия Центрального разведывательного управления США: например, перед съемками “Миссия невыполнима 3” исполнитель главной роли Том Круз встречался с представителями управления, чтобы обсудить, как представить ведомство в фильме в наилучшем свете [34].

НАРРАТИВЫ

Все фильмы продвигают **идею защиты status quo – миропорядка, основанного на правилах**. Угроза миропорядку в сюжете метафорически трансформируется в угрозу миру: в киновселенных *Marvel* и *DC*, а также в “Трансформерах” величайшая угроза миру приходит из космоса и/или из другого мира. Инопланетяне – это аллюзия на представителей другой культуры, менталитета, обладающих отличающимся набором ценностей и потому опасных и несущих угрозу [16]. Планы пришельцев всегда масштабны и продиктованы в первую очередь собственной выгодой, они стремятся

перевернуть привычную жизнь землян с ног на голову, что в конечном итоге должно привести к катастрофе.

Злодеи шпионских боевиков еще более прямолинейно выражают этот нарратив: они открыто заявляют, что хотят не уничтожить мир, а изменить его. Основные антагонисты в “Миссия невыполнима: Племя изгоев” – мощная террористическая организация, известная как “Синдикат”, которая строит планы о новом мировом порядке, в “Миссия невыполнима: Последствия” их сменяет группировка “Апостолы”, а в “Миссия невыполнима: Протокол Фантом” – физик-ядерщик, уверенный в том, что ядерная война необходима для перехода к новому этапу развития человечества. Аналогично в фильмах о Джеймсе Бонде с Д. Крэйгом фигурируют международная преступная группировка “Спектр” и отравитель мирового класса Люцифер Сафин, амбициозно стремящиеся к мировому господству и установлению нового порядка.

Положение США как глобального лидера в миропорядке находит отражение в другом распространенном сюжетном нарративе: “неприкосновенности” главных героев. В определенный момент в фильмах звучит критика в адрес протагонистов (супергероев, Итона Ханта, Джеймса Бонда): озвучивается идея о том, что они являются пережитком прошлого (подобно критике в адрес НАТО после окончания холодной войны) и слишком привыкли к вседозволенности, не неся ответственности за последствия своих действий (сопутствующий ущерб) и при принятии решений руководствуясь своим субъективным видением, а не полномочиями, делегируемыми официальной структурой (подобно военным операциям США и НАТО без мандата ООН).

Однако как в “Первый мститель: Гражданская война” и в “Бэтмен против Супермена: На заре справедливости”, так и в “007: Спектр” и в “Миссия невыполнима: Племя изгоев” наглядно демонстрируется, насколько плоха идея загнать “хороших парней” в общепринятые рамки: их руки должны быть развязаны, потому что только они, а не международные организации/правительства (аллюзия на отношения США с международными институтами и другими государствами в реальном мире) знают, как и когда нужно действовать. Они не совершенны, но без них было бы еще хуже, поэтому никакой ответственности они нести не должны. Более того, в трех из четырех названных фильмов идея ограничить протагонистов, а также сомнение в их непогрешимости и необходимости для мира были внедрены в общественное мнение и соответствующие структуры преступными группировками с корыстным замыслом.

Этот подтекст намекает на безальтернативность американского лидерства на международной арене, а также предостерегает от доверия к державам-ревизионистам. Готовность оставаться лидером во что бы то не стало ради общего блага прекрасно озвучена устами одного из главных героев “Трансформеров” – боевого робота-инопланетянина, вставшего на сторону людей и сражавшегося бок о бок с армией США, Оптимуса Прайма: “В любой войне битвы сменяются затишьями. Может наступить день, когда мы утратим веру, день, когда наши союзники пойдут против нас. Но день, когда мы бросим эту планету и живущих на ней людей, не наступит никогда”.

Еще один нарратив, косвенно укрепляющий доминирование американской парадигмы восприятия миропорядка, это нарратив об *американской исключительности*. Как отмечает В.Ю. Журавлева, риторика мессианства всегда была неотъемлемой частью американских внешнеполитических концепций, при этом окончание холодной войны создало крайне выгодную для реализации соответствующих идей ситуацию [35]. С учетом того, что неоспоримое глобальное лидерство США на международной арене является неотъемлемой частью мировосприятия в рамках парадигмы “порядка, основанного на правилах”, риторика американской исключительности часто находит отражение в популярных картинах кинематографа.

Естественно, в блокбастерах этот нарратив в разной степени завуалирован. При поверхностном анализе можно заметить, что в супергеройских фильмах киновселенных *Marvel* и *DC*, а также в серии фильмов “Трансформеры” вторжение

инопланетян – то есть художественное воплощение угрозы всему миру, подобной которой человечество еще не видело, – как правило происходит на территории США [36]. Посыл, который формулируют подобные сюжетные клише, заключается в том, что, если падет Америка, остальному миру надеяться будет не на что.

В фильмах франшизы “Миссия невыполнима” спаситель мира от злодейских планов по уничтожению миропорядка – Итон Хант, не просто американец по национальности, но сотрудник разведывательной службы при правительстве США. То же самое касается большинства супергероев-протагонистов из уже упомянутых кинофраншиз: в их команде могут присутствовать участники разной национальной или этнической принадлежности, но лидером всегда является либо урожденный американец, либо персонаж, идентифицирующий себя с Америкой (Стив Роджерс в “Капитан Америка”, Тони Старк в “Железный Человек”, Кларк Кент в “Супермен”).

Однако еще более интересен другой факт. Сам образ протагониста в супергеройских фильмах или боевиках, подобных “Миссия невыполнима” и “Джеймс Бонд”, это образ сверхчеловека (вне зависимости от того, имеют ли его экстраординарные способности полностью фантастический или более реалистичный характер). Сверхчеловек – это герой большинства современных блокбастеров, то есть “мессия”: ему подобных просто не существует, он исключителен и только ему под силу защитить весь мир. Из-за его особенного статуса “мессия” пренебрегает правилами, при этом сюжет выстроен таким образом, чтобы зрители поддерживали, а не осуждали соответствующее поведение [16]. Сверхчеловек в большинстве случаев не просто не гнушается применять силу, насилие – это в принципе его основной инструмент (будь то фантастические физические возможности, высокотехнологичное оружие или исключительные навыки стрельбы). В сюжете среднестатистического блокбастера это насилие подается в такой форме, что не вызывают у зрителя ни отвращения (отсутствие излишне натуралистических подробностей, которое Роджер Стол, профессор теории коммуникаций в университете Джорджии, называет концепцией “чистой войны” [37]), ни осуждения (моральная правота героя не подвергается сомнению, так как на другой чаше весов стоит спасение всего человечества).

Показательно, что в современных экранизациях супергеройских комиксов американский кинематограф постепенно отказывается от классического правила, установившегося еще в XX в., когда соответствующий жанр в значительной степени был ориентирован на воспитание подрастающего поколения: “супергерои не убивают”. Например, в своей недавно вышедшей книге “Супергерои, фильмы и государство: как правительство США влияет на облик кинематографических вселенных” профессор Техасского христианского университета Триша Дженкинс и журналист-исследователь Том Секер обращают внимание на то, что в фильме “Человек из стали” 2013 г., создатели которого получали поддержку от Министерства обороны США, национальный американский герой Супермен впервые за всю историю своего существования как персонажа (с 1938 г.) совершает убийство, таким образом приближаясь на уровне зрительского восприятия к солдату и армии США в целом – никто не может отрицать, что солдаты убивают, иногда ради высшего благо убийство необходимо [16]. Соответствующая логика “исключения из общих правил для лидера-защитника *status quo*” прекрасно вписывается в военную и внешнеполитическую повестку США периода после холодной войны: от “концепции обязанности защищать” и гуманитарных интервенций до доктрины унилатерализма и войны с террором, а также множества других примеров.

ИСТОРИЧЕСКИЕ И ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ КЛИШЕ

Другая технология, которая позволяет американской кинопродукции выступать в качестве инструмента публичной дипломатии, влияющего на формирование в сознании международной общественности картины мира созвучной американской парадигме миропорядка, состоит в отражении в сюжетах блокбастеров о супергероях и шпионах реальных исторических событий и географических территорий.

На формирование у зрителей геополитического образа определенной страны или региона посредством кинематографа оказывает влияние целый ряд деталей: как изображен этот регион в фильме; какую роль в сюжете играют жители этой страны или выходцы из этого региона; какие национальные и этнические стереотипы обыгрываются в диалогах и поведении персонажей. Безусловно, нельзя утверждать, что частое появление русских, китайских или арабских злодеев в фильмах заставляет международную общественность немедленно переносить соответствующий образ на реальных людей или государства. Однако многократное повторение изображения злодея с набором определенных характеристик и озвученной национальной принадлежностью при необходимости упрощает примерку такой роли на "подходящую" нацию или государство.

Киноселенным *Marvel*, *DC*, "Трансформерам", а также фильмам о Джеймсе Бонде и Итоне Ханте в вопросе геополитических образов свойственен традиционно западнцентричный подход. Развивающиеся страны латино-американского, азиатского, африканского и ближневосточного регионов по сюжету часто демонстрируются в контексте незаконной торговли оружием ("Миссия невыполнима 3", "Миссия невыполнима: Племя изгоев", "Железный человек"), группировками боевиков и террористов ("Миссия невыполнима: Племя изгоев", "Казино Рояль"), отсутствием порядка и закона ("Доктор Стрэндж", "Черная пантера"), коррупцией, страданиями местного населения, диктаторскими правительствами ("Квант милосердия", "Миссия невыполнима: Последствия") [38].

Китайские и восточноевропейские города, хотя и выглядят в фильмах более цивилизовано, как правило, нарочито "обшарпаны" и непривлекательны ("Трансформеры 3: Темная сторона Луны", "Трансформеры: Мечь падших", "Квант милосердия", "Миссия невыполнима: Протокол Фантом", "Черная вдова"). Что касается Восточной Европы, в особенности таких государств, как Белоруссия и Украина, а также России, то очень часто в соответствующих франшизах эти государства упоминаются в контексте химического, биологического, ядерного оружия и его незаконного оборота ("Миссия невыполнима: Последствия"; "Миссия невыполнима: Протокол Фантом"; "Не время умирать"), а также незащищенности местного населения от экспериментов над людьми и технологий манипулирования человеческим сознанием ("Первый мститель: Другая война"; "Первый мститель: Противостояние"; "Черная вдова"; "Мстители: Эра Альтрона"). В книге одного из ведущих в мире специалистов по популярной геополитике и национальному брендингу профессора Государственного колледжа Фармингдейла (США) Роберта Сондерса "Популярная геополитика и национальный брендинг на постсоветском пространстве" подчеркивается, что Евразия в целом в поп-культуре зачастую представляется как царство холода, беззакония и упадка [39].

Надо отметить, что Западная Европа представлена не многим лучше: из всех союзников англичанин Джеймс Бонд по-настоящему может положиться только на своих американских коллег, а Итон Хант, в свою очередь, – на британских, также, как и американские главные герои франшизы "Трансформеры" обнаруживают союзников в Великобритании ("Трансформеры: Последний рыцарь"). Европа, представленная Италией ("Квант милосердия") и Францией ("Миссия невыполнима: Последствия"), выглядит недостаточно компетентной из-за низкой эффективности своих сил правопорядка по сравнению с англо-саксонскими протагонистами [38], что в целом иллюстрирует тот невысокий статус, который имеют эти союзники в парадигме американского мировосприятия с точки зрения военных и критически важных внешнеполитических вопросов.

Разобранные геополитические образы государств и регионов соответствуют парадигме американоцентричного миропорядка, в котором глобальным лидером выступают США, их основным союзником – Великобритания, а Западная и Центральная Европа играют более пассивную роль. Другие регионы в фильмах зачастую представляют собой источники нестабильности и реальной или потенциальной угрозы, что оправдывает гипотетическое вмешательство во внутренние дела этих стран со стороны Америки в интересах блага всего человечества или сохранения

существующего миропорядка. В отношении стран Азии, Африки и Латинской Америки через рассмотренные фильмы укрепляется стереотип о хаотичной и опасной среде. Восточноевропейские государства и Россия в транслируемых стереотипах не выглядят прямой угрозой миру и стабильности, однако выстраивается ассоциативный ряд между ними и неконвенциональными видами оружия, а также отравлениями, нарушениями прав человека, представителями силовых структур и разведки с явно выраженными склонностями к жестокости и применению методов, выходящих за границы общепринятых норм. Таким образом, можно увидеть элементы секьюритизации с точки зрения подготовки аудитории к будущим политическим решениям, обоснованным угрозой безопасности [40], происхождение которой будет соответствовать тем представлениям о мире, которые формируют блокбастеры.

Еще одной специфической технологией является манипуляция историей в сюжетах блокбастеров. Она может принимать различные формы. Во-первых, ретуширование исторических фактов, выставяющих США и их союзников в не лучшем свете, в ходе событий сюжета кинокартины: например расовой сегрегации (“Первый мститель”); инспирации госпереворотов в Африке ЦРУ в годы холодной войны (“Черная пантера”); наличия у США и Великобритании реальных политических интересов (а не только желания противостоять “злу”) в рамках участия в Первой мировой войне (“Чудо-женщина”) [16]. Во-вторых, смещение акцентов в ряде исторических событий: подчеркивание роли США и Великобритании в победе над нацизмом во Второй мировой войне [36] с параллельным нивелированием участия СССР; акцент на вымышленном сотрудничестве Советского Союза с бывшими нацистскими учеными после войны для смягчения факта аналогичного реального партнерства со стороны Соединенных Штатов (“Первый мститель”; “Первый мститель: Другая война”; “Первый мститель: Противостояние”; “Трансформеры: Последний рыцарь”); искусственное усиление драматизма аварии на Чернобыльской АЭС через вымышленные смерти детей, в момент катастрофы находившихся в школе, расположенной вплотную к АЭС, – что является художественным вымыслом, но на уровне зрительского восприятия закрепляет негативные стереотипы о Советском Союзе (“Трансформеры 3: Темная сторона Луны”).

* * *

На примере рассмотренных в статье популярных кинофильмов хорошо видно, насколько существенным является вклад американской кинопродукции в продвижение в международном общественном мнении американоцентричной парадигмы миропорядка. В супергеройских и шпионских блокбастерах присутствуют нарративы, которые укрепляют доктрины американской исключительности и глобального лидерства; обоснованности экстерриториального применения силы со стороны США и их союзников; а также, в целом, силового решения большинства вопросов в качестве приемлемой реакции на вызовы. Эффект усиливается клишированным изображением “остальных” регионов мира и/или государств: бедных, погруженных в хаос и беззаконие, авторитарных, визуально непривлекательных; и даже союзников США (за исключением Великобритании) как бессильных и неспособных справиться с вызовами без помощи гегемона, а потому нуждающихся в нем. Не обходится и без манипуляции историческими событиями: неудобные для США и их союзников факты опускаются в повествовании; зато акцент на достижениях гегемона часто делается в том числе за счет игры на контрасте: изображения других участников исторических событий в нарочито незначительном или гиперболизированном неприглядном свете.

Как инструмент публичной дипломатии США кинопродукция в данном случае оказывает косвенное воздействие на международное общественное мнение, эффект от которого накапливается многие годы. С учетом того, что с конца XX – начала XXI вв. стартовала эра переориентации Голливуда на экспорт, а также эра популяризации блокбастеров в мировом масштабе, можно говорить о том, что соответствующее влияние, вероятно, уже сказалось на формировании мировоззрения среднестатистического современного человека, регулярно смотрящего популярные

кинокартины, особенно в Европе, где в отличие от других регионов значительно меньше озвучиваются в публичном пространстве на уровне официального и экспертного дискурса альтернативные идеи мироустройства. Инструментарная ценность блокбастеров о супергероях и шпионах еще и в том, что они достаточно привлекательны для молодых поколений, которые в силу объективных причин могут не обладать достаточным уровнем знаний о мировой истории и международной политической обстановке для минимального критического восприятия клише, инкорпорированных в вымышленные сюжеты.

На наш взгляд, с точки зрения угроз для России особого внимания заслуживает тот факт, что эти же нарративы намеренно проводят ассоциативный ряд между крупномасштабной угрозой миру и безопасности и идеей пересмотра либерального миропорядка. Тем самым провоцируя среди широкой мировой общественности заведомо негативную реакцию на любое действие или риторику в глобальном масштабе, которые Соединенные Штаты назовут “бросающими вызов миропорядку, основанному на правилах”. Россия, активно выражая свою позицию по продвижению парадигмы многополярного мира, таким образом, находится в заведомо невыгодном положении в борьбе за международное общественное мнение, потому что последнее находится под влиянием нарративов, не позволяющих ему объективно оценивать действительность и воспринимать соответствующие аргументы.

Более того, как показывает опыт последних лет, другие инструменты “борьбы за сердца и умы”, которые державы используют, чтобы доказать свою правоту в споре двух парадигм, легко, если не нейтрализовать, то ограничить. Личные человеческие контакты: обменные программы, экспорт образования, международные культурные и научные мероприятия могут быть существенно ограничены из-за пандемии, транспортных сложностей, межгосударственных разногласий, а дистанционные форматы не смогут дать того же эффекта. Иновещание, как показал многолетний опыт принятия законов, ограничивающих иностранные медиа, как в России, так и за рубежом, также легко может быть низведено до малозначимых масштабов: утратив способность взаимодействовать с широкой аудиторией соответствующие медиа сохраняют минимальный охват потребителей своей информации – тех, кто готов и способен искать способы обхода блокировок и в целом прилагать дополнительные усилия ради ознакомления с альтернативной точкой зрения. Таким образом, культурно-развлекательные инструменты – в первую очередь кинофильмы – остаются наиболее устойчивым инструментом публичной дипломатии США.

Тем не менее сложившаяся ситуация, на наш взгляд, позволяет говорить и о возможностях для России. При всех достижениях и мощностях Голливуда не стоит забывать о том, что публичная дипломатия США в целом находится в кризисе и высшее американское политическое руководство за последние 30 лет не демонстрировало интереса к возрождению аппарата соответствующей политической технологии, не воспринимая ее в качестве приоритета в рамках своего стратегического видения. Более того, последние события позволяют предположить, что в США начинают ощущать определенную неуверенность в своих позициях в информационной сфере. Активная блокировка вещания российских СМИ и каналов иновещания за рубежом, в том числе посредством ограничения соответствующих аккаунтов в социальных сетях⁷, а также массовый отзыв иностранных западных корреспондентов из России (*Bloomberg News*, *ABC News*, *CBS News*, *BBC* и *Canadian Broadcasting Corp* сообщили о временном прекращении сбора новостей в России и ведении репортажей из России⁸) говорят о том, что несмотря на видимое однозначное доминирование в западном общественном

⁷ Подробнее см.: RT прекращает производство контента в США. *Коммерсантъ*, 04.03.2022. [RT Stops Broadcasting in the U.S. *Kommersant'*, 04.03.2022. (In Russ.)] Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/5240428> (accessed 18.07.2022); США ввели санкции против сетевых ресурсов за освещение событий на Украине. *Взгляд*, 04.03.2022. [The U.S. Introduces Sanctions against Online Media for Covering Ukraine. *Vzglyad*, 04.03.2022. (In Russ.)] Available at: <https://vz.ru/news/2022/3/4/1146909.html> (accessed 18.07.2022).

⁸ Bloomberg to Temporarily Halt Work of Its Journalists in Russia. *Bloomberg*, 05.03.2022. Available at: www.bloomberg.com/news/articles/2022-03-04/bloomberg-to-temporarily-halt-work-of-its-journalists-in-russia (accessed 18.07.2022); CNN, BBC, and Others Suspend Broadcasting from Russia after Putin Signs Law Limiting Press. *CNN*, 05.03.2022. Available at: edition.cnn.com/2022/03/04/media/bbc-cnn-russia-putin-media-law/index.html (accessed 18.07.2022).

мнении нарратива, основанного на демонизации России, ее руководства и политических решений, существуют опасения, что ситуация может измениться в случае, если у российской стороны появится возможность донести до иностранной общественности свое видение ситуации через журналистов.

Таким образом, возможность для России заключается в изучении и частичном заимствовании соответствующего американского опыта по продвижению парадигмы мировосприятия. Тем более, что, как показывает практика, в отличие от прочих инструментов публичной дипломатии, кинематограф наиболее устойчив к экономическим, внутри- и внешнеполитическим потрясениям, не вызывает превентивной негативной реакции, так как не воспринимается в качестве инструмента трансляции политических нарративов и остается доступен даже в условиях информационной блокады, хотя бы на материальных носителях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Барановский В.Г. Новый миропорядок: преодоление старого или его трансформация? *Мировая экономика и международные отношения*, 2019, № 63(5), сс. 7-23. [Baranovsky V.G. New International Order: Overcoming the Old One or Transforming It? *World Economy and International Relations*, 2019, no. 63(5), pp. 7-23. (In Russ.)] DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-5-7-23
2. Арбатов А.Г. Крушение миропорядка? *Россия в глобальной политике*, 2014, № 4, сс. 16-31. [Arbatov A.G. Collapse of the World Order? *Russia in Global Affairs*, 2014, no. 4. pp. 16-31. (In Russ.)]
3. Ikenberry G.J. The End of Liberal International Order? *International Affairs*, 2018, no. 94 (1), pp. 7-23. DOI:10.1093/ia/iix241
4. Malone G.D. Managing Public Diplomacy. *Washington Quarterly*, 1985, no. 8(3), pp. 199-213.
5. Артамонова У.З. Публичная дипломатия США "без лица" (кадровый кризис постбиполярной эпохи). *Мировая экономика и международные отношения*, 2021, № 65(12), сс.33-39. [Artamonova U.Z. Faceless Leadership of U.S. Public Diplomacy: A HR Crisis in the Post-Bipolar Era. *World Economy and International Relations*, 2021, no. 65(12), pp. 33-39. (In Russ.)] DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-12-33-39
6. Blumenthal P. The Largest Protest Ever Was 15 Years Ago. The Iraq War Isn't Over. What Happened? *HuffPost*, 15.02.2018. Available at: www.huffpost.com/entry/what-happened-to-the-antiwar-movement_5a860940e4b00bc49f424ecb (accessed 18.07.2022).
7. Wike R., et al. Trump Approval Worldwide Remains Low Especially among Key Allies. *Pew Research Center's Global Attitudes Project*, 01.10.2018. Available at: www.pewglobal.org/2018/10/01/trumps-international-ratings-remain-low-especially-among-key-allies/ (accessed 18.07.2022).
8. U.S. Image Plummets Internationally as Most Say Country Has Handled Coronavirus Badly. *Pew Research Center*, 15.09.2020. Available at: www.pewresearch.org/global/wp-content/uploads/sites/2/2020/09/PG_2020.09.15_U.S.-Image_FINAL.pdf (accessed 18.07.2022).
9. Sonenshine T.D. Can the United States Be Trusted Anymore? *The Hill*, 31.08.2021. Available at: thehill.com/opinion/international/570112-can-the-united-states-be-trusted-anymore (accessed 18.07.2022).
10. Chernow B.A., Vallasi A., eds. *The Columbia Encyclopedia*. New York, Columbia University Press, 1994. 1215 p.
11. Bullock A., Trombley S. *The New Fontana Dictionary of Modern Thought*. London, HarperCollins, 2000. 960 p.
12. Dittmer J. *Popular Culture, Geopolitics, and Identity*. New York, Rowman & Littlefield Publishers, Inc., 2010. 204 p.
13. Saunders R.A. Undead Spaces: Fear, Globalisation, and the Popular Geopolitics of Zombiism. *Geopolitics*, 2012, no. 17(1), pp. 80-104. DOI: 10.1080/14650045.2010.523097
14. Tsvetkova N. International Education During the Cold War: Soviet Social Transformation and American Social Reproduction. *Comparative Education Review*, 2008, no. 52(2), pp. 231-251.
15. Артамонова У.З. Американский кинематограф как инструмент публичной дипломатии США. *Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН*, 2020, № 2, сс. 110-122. [Artamonova U.Z. American Cinema as an Instrument of U.S. Public Diplomacy. *Analysis and Forecasting. IMEMO Journal*, 2020, no. 2, pp. 110-122. (In Russ.)] Available at: https://www.afjournal.ru/index.php?page_id=303 (accessed 18.07.2022). DOI: 10.20542/afij-2020-2-110-122
16. Jenkins T., Secker T. *Superheroes, Movies, and the State: How the U.S. Government Shapes Cinematic Universes*. University Press of Kansas, 2022. 336 p.
17. Hollywood Considers Role in War Effort. *CNN*, 12.11.2001. Available at: <https://edition.cnn.com/2001/US/11/11/rec.hollywood.terror/> (accessed 18.07.2022).
18. Lee K. 'The Little State Department': Hollywood and the MPAA's Influence on U.S. Trade Relations. *Northwestern Journal of International Law & Business*, 2008, no. 289(2), pp. 371-397.
19. Shaw T. *Hollywood's Cold War*. Edinburgh University Press, 2007. 352 p.
20. Sklar R., Cook D.A. History of Film. *Encyclopedia Britannica*, 16.02.2021. Available at: www.britannica.com/art/history-of-the-motion-picture (accessed 18.07.2022).
21. Pells R. *Modernist America: Art, Music, Movies, and the Globalization of American Culture*. Yale University

- Press, 2012. 512 p.
22. Edgley A. *Noam Chomsky*. London, Palgrave Macmillan, 2016. 212 p. DOI: 10.1007/978-1-137-32021-6
 23. Hollywood Goes Global: Bigger Abroad. *The Economist*, 17.01.2011. Available at: www.economist.com/node/18178291 (accessed 18.07.2022).
 24. Fu W.W., Govindaraju A. Explaining Global Box-Office Tastes in Hollywood Films: Homogenization of National Audiences' Movie Selections. *Communication Research*, 2010, no. 37(2), pp. 215-238. DOI: 10.1177/0093650209356396
 25. Zemaityte V., Coate B., Verhoeven D. Media Trade Beyond Country Borders: Five Types of Global Cinema Distribution. *SSRN Electronic Journal*, 2018. Available at: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3228310> (accessed 18.07.2022).
 26. Paksiutov G.D. Transformation of the Global Film Industry: Prospects for Asian Countries. *Russia in Global Affairs*, 2021, no. 19(2), pp. 111-132. DOI: 10.31278/1810-6374-2021-19-2-111-132
 27. Moore K. Does Netflix Have Too Much Foreign Content? *What's on Netflix*, 05.08.2020. Available at: www.whats-on-netflix.com/news/does-netflix-have-too-much-foreign-content/ (accessed 18.07.2022).
 28. Funnell L. 'I Know Where You Keep Your Gun': Daniel Craig as Bond-Bond Girl Hybrid in 'Casino Royale'. *Journal of Popular Culture*, 2011, no. 44, pp. 455-472. DOI: 10.1111/j.1540-5931.2011.00843.x
 29. Kelley S. The Power That Lies Within: Ideologies in Daniel Craig's Bond Films. *THINK (IAFOR's online magazine)*, 2017. Available at: <https://think.iafor.org/the-power-that-lies-within-ideologies-in-daniel-craigs-bond-films/> (accessed 18.07.2022).
 30. Christinidis G. Britishness and Popularity: Narrative, Formula and Verisimilitude in the James Bond Films and Doctor Who. *The Cultures of James Bond*. Krug F.J., Krug C., eds. Trier, WVT, 2011. pp. 81-91.
 31. Alford M., Secker T. *National Security Cinema: The Shocking New Evidence of Government Control in Hollywood*. Bath, Oddfigger Books, 2017. 264 p.
 32. Alford M. *Reel Power: Hollywood Cinema and American Supremacy*. New York, Pluto Press, 2010, 232 p.
 33. Pentagon Production Assistance Agreements for Transformers. *Spy Culture*, 2016. Available at: <https://www.spyculture.com/pentagon-production-assistance-agreements-transformers/> (accessed 18.07.2022).
 34. Alford M., Jenkins T. Intelligence Activity in Hollywood: Remembering the 'Agency' in CIA. *Scope*, iss. 23, June, 2012. Available at: www.nottingham.ac.uk/scope/documents/2012/june-2012/jenkins.pdf (accessed 18.07.2022).
 35. Журавлева В.Ю. Идеино-политические корни американского лидерства. *США и Канада: экономика, политика, культура*, 2014, № 11, сс. 19-32. [Zhuravleva V. Yu. The American Leadership: Political and Conceptual Origins. *USA & Canada: Economy, Politics, Culture*, 2014, no. 11, pp. 19-32. (In Russ.)]
 36. Novak N. Practical Geopolitics in Cinematic Narratives of Marvel's the Avengers Film Franchise. *Central European Journal of International and Security Studies*, 2021, no. 5(2), pp. 4-22. Available at: www.cejiss.org/issue-detail/10.51870-CEJISS.A150201 (accessed 18.07.2022).
 37. Stahl R. *Militainment, Inc.: War, Media, and Popular Culture*. New York, London, Routledge, 2009. 214 p. DOI: 10.4324/9780203879603
 38. Borzakian M., Rouiaï N. Le monde après la Guerre froide selon James Bond et Mission impossible. Postmodernité et post-politique. *L'Espace Politique*, 2021, no. 42. Available at: journals.openedition.org/espacopolitique/9004 (accessed 18.07.2022). DOI: 10.4000/espacopolitique.9004
 39. Saunders R. *Popular Geopolitics and Nation Branding in the Post-Soviet Realm*. New York, Routledge, 2017. 278 p.
 40. Balzacq T. The Three Faces of Securitization: Political Agency, Audience and Context. *European Journal of International Relations*, 2005, no. 11 (2), pp. 171-201. DOI: 10.1177/1354066105052960

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЕВРОСКЕПТИЦИЗМА ПАРТИИ “НАЦИОНАЛЬНОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ” (2017–2022)

© КРАСИКОВА Л.В., 2022

Красикова Лолита Витальевна, стажер-исследователь Центра комплексных европейских и международных исследований.

Национальный исследовательский университет “Высшая школа экономики”, РФ, 119017 Москва, ул. Малая Ордынка 17, стр.1 (lkrasikova@hse.ru), ORCID: 0000-0002-5112-7875

Красикова Л.В. Трансформация евроскептицизма партии “Национальное объединение” (2017–2022). *Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН*, 2022, № 3, сс. 91-103. DOI: 10.20542/afij-2022-3-91-103

DOI: 10.20542/afij-2022-3-91-103

УДК: 329(44)

Поступила в редакцию 27.07.2022.

После доработки 06.10.2022.

Принята к публикации 20.10.2022.

Весной 2022 г. прошли президентские выборы во Франции, в которых второе место заняла лидер евроскептической партии “Национальное объединение” Марин Ле Пен. Электоральная динамика данной партии является положительной, в связи с чем растет вероятность трансформации французского политического мейнстрима. Популистское “Национальное объединение” (НО) постепенно обретает вид системной партии. Это оказывает влияние на общественную обстановку, в связи с чем актуализируется вопрос изучения мейнстримизирующихся партий. На положении НО сказывается трансформация традиционного партийного евроскептицизма. С целью анализа и обоснования данных изменений в статье осуществлен контент-анализ предвыборных программ 2017 и 2022 гг. лидера НО М. Ле Пен. Применение методов простого и содержательного контент-анализа позволило проследить эволюцию ее программных установок во время избирательного цикла 2017–2022 гг. Автор приходит к выводу, что трансформация евроскептицизма из “жесткой” формы в “мягкую” имела целью привлечение более широких слоев электората. Изменения программных установок НО означают отказ от выдвигаемых ранее требований о выводе Франции из ЕС, еврозоны и Шенгенской зоны. Наряду с этим М. Ле Пен предлагает трансформировать Европейский союз в Европейский альянс наций, в котором будет превалировать принцип межгосударственности, что противопоставляется чрезмерной наднациональности в ЕС. Вопрос о роли Франции в мире также занимал важное место в программах лидера “Национального объединения” в 2017 и 2022 гг. Однако эволюции программы по этому направлению не выявлено. Одновременно произошла трансформация отношения М. Ле Пен к России. Ранее НО можно было назвать проводником интересов РФ во Франции и ЕС (с учетом деятельности в Европейском парламенте депутатов от этой партии). Однако специальная военная операция России на Украине заставила НО изменить мнение относительно внешней политики Кремля.

Ключевые слова: ЕС, евроскептицизм, Марин Ле Пен, “Национальное объединение”, “жесткий” евроскептицизм, “мягкий” евроскептицизм.

**THE TRANSFORMATION OF THE EUROSCEPTICISM
OF THE NATIONAL RALLY PARTY (2017–2022)**

Received 27.07.2022. Revised 06.10.2022. Accepted 20.10.2022.

Lolita V. KRASIKOVA (lkrasikova@hse.ru), ORCID: 0000-0002-5112-7875,
National Research University Higher School of Economics, 17 Malaya Ordynka Str.1, Moscow
119017, Russian Federation.

In the spring of 2022, French presidential elections were held in which Marine Le Pen, the leader of the Eurosceptic National Rally party, came in second place. The electoral dynamics of this party are positive, which increases the likelihood of the transformation of the French political mainstream. The populist National Rally (NR) is gradually becoming a systemic party. This has an impact on the public environment, which makes studying the mainstream parties relevant. The situation of the NR is affected by the transformation of traditional party Euroscepticism. In order to analyze and give reasons for these changes, the article carries out a content analysis of the 2017 and 2022 election programs of M. Le Pen, the leader of NR. The application of simple and substantive content analysis methods made it possible to trace the evolution of her program agenda during the 2017–2022 election cycle. The author concludes that the transformation of Euroscepticism from a 'hard' to a 'soft' form was aimed at attracting a broader constituency. The change in the NR's agenda-setting means abandoning the previous demands to withdraw France from the EU, the Eurozone and the Schengen zone. Along with this, M. Le Pen proposes to transform the European Union into the European Alliance of Nations, in which the intergovernmental principle will prevail, which is opposed to the excessive supranationality in the EU. The question of France's role in the world was also a prominent feature in the 2017 and 2022 programs of the NR leader. However, no evolution of the program in this direction has been detected. At the same time, there was a transformation of M. Le Pen's attitude towards Russia. Previously, the NR could be called a promoter of Russian interests in France and the EU (taking into account the activities of deputies from this party in the European Parliament). However, Russia's special military operation in Ukraine forced NR to change its opinion about the Kremlin's foreign policy.

Keywords: EU, Euroscepticism, Marine Le Pen, National Rally, 'hard' Euroscepticism, 'soft' Euroscepticism.

About the author: Lolita V. KRASIKOVA, Research Assistant, Centre for Comprehensive European and International Studies.

24 апреля 2022 г. во Франции состоялся второй тур президентских выборов. Победу одержал Эммануэль Макрон, баллотировавшийся на второй по счету срок, основатель партии "Возрождение" (бывшая "Вперед, Республика!"). Процентное соотношение составило 58.5% против 41.5% за кандидата от евроскептической партии "Национальное объединение" (НО) Марин Ле Пен. Дважды "серебряному призеру" гонки за президентское кресло Ле Пен удалось вновь продемонстрировать стабильно высокий уровень электоральной поддержки, что обуславливает важность исследования "Национального объединения". Предварительный сравнительный анализ программных установок дает возможность заявить о снижении радикальности позиции НО по ряду вопросов.

Цель настоящего исследования – установить факт трансформации евроскептицизма партии "Национальное объединение" в период с 2017 по 2022 гг.

Исследование базируется на таких методах, как сравнительный анализ, простой и содержательный контент-анализ, анализ нормативной правовой базы. Общая методологическая рамка включает историко-генетический подход. Он заключается в изучении генезиса программных установок НО в период с 2017 по 2022 гг.

Актуальность исследования определяется рядом взаимосвязанных факторов. Во-первых, ЕС – один из ключевых акторов на международной арене, оказывающих

системное влияние на развитие международных отношений. Успешность интеграции, важнейшую роль в которой играет Франция, безусловно, требует пристального внимания.

Во-вторых, на интеграционные процессы влияет целый ряд факторов, в числе которых евроскептицизм как политический тренд. Порожденное им смещение траекторий развития ЕС повлечет за собой трансформацию принципов взаимодействия Евросоюза с не входящими в его состав государствами и иными интеграционными объединениями на международной арене. Это актуализирует изучение евроскептицизма и особенно евроскептических политических партий, поскольку они являются высшими формами организаций, выдвигающих политические требования.

В-третьих, растет потребность в критическом анализе роли Франции в ЕС в силу того, что Европейский союз в существенной степени – ее “продукт”. В идейном плане французы с давних времен играли ключевые роли для объединения европейских стран в различных форматах: свою лепту в эти процессы внесли Великая французская революция конца XVIII в., Гражданский кодекс Наполеона, “Соединенные Штаты Европы” Жана Моне, “План” Робера Шумана, “План” и комиссия Жака Делора. Современная Франция – один из лидеров ЕС (вторая экономика в Союзе, единственная ядерная держава в нем, один из пяти постоянных членов Совета Безопасности ООН).

Наконец, актуален анализ французских евроскептических партий, выдвигающих политические требования и пользующихся популярностью в обществе. Ключевой евроскептической партией является “Национальное объединение”. Она обладает обширной электоральной базой, является лидером по количеству евродепутатов, избранных французами. Обращает на себя внимание текущий процесс мейнстримизации НО, потенциально ведущий к трансформации всего политического ландшафта Франции. Последние выборы в Национальное собрание (НС) продемонстрировали это. НО удалось увеличить количество мест в нижней палате парламента с 8 в 2017 г. до 89 в 2022 г. Она впервые заняла третье место по количеству депутатов в НС.

Эволюции программ НО посвящены как зарубежные, так и российские работы. В числе исследователей – Дж. Ивальди [1], Дж. Ридгрэн [2], Ф. Скринзи [3], Д. Думитреску [4], А.В. Жидкова [5], М.В. Клинова [6]. Помимо этого, необходимо выделить сборники и монографии коллектива исследователей ИМЭМО РАН, в которых рассматриваются вопросы электоральной базы НО, его программной эволюции, внутрипартийных проблем [7; 8; 9]. Тема эволюции евроскептицизма НО также затрагивается в работах О. Трейб [10], С. Одье [11], Х. Китшелта [12], Ю.И. Рубинского и С.М. Федорова [13], А.Ю. Чихачева [14], П.П. Тимофеева [15].

Так, О. Трейб считает, что отказ от заявления о выходе Франции из ЕС и еврозоны произошел в связи с необходимостью для М. Ле Пен привлечь как можно больше избирателей для прихода к власти [10]. Подобная логика прослеживается в работе экспертов Института Европы РАН Ю.И. Рубинского и С.М. Федорова, которые считают главной причиной роста популярности Ле Пен в рамках предвыборной гонки 2022 г. правильную расстановку акцентов – концентрацию на социальных вопросах. По их мнению, отказ от радикальных тезисов, включая отказ от идеи “экзита” из еврозоны и ЕС, также сыграл ключевую роль в положительной электоральной динамике лидера НО [13]. А.Ю. Чихачев отмечает, что основной характеристикой предвыборной кампании М. Ле Пен в 2022 г. стало стремление еще больше, нежели ранее, смягчить президентскую программу [16].

Новизна нашего исследования заключается в установлении факта трансформации евроскептицизма из “жесткой” формы в “мягкую” с помощью простого и содержательного контент-анализа предвыборных программ М. Ле Пен 2017 и 2022 гг. Помимо этого, в работе доказывается отсутствие эволюции программ по вопросу оборонной политики Франции, а также выявляются изменения в области внешней политики. Автор вносит вклад в исследование данной темы посредством изучения генезиса позиции НО в отношении России.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ “НАЦИОНАЛЬНОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ”

Евроскептицизм – идеология политических партий, которая заключается в скептицизме в адрес европейской интеграции. Он может проявляться в критике Европейского союза, постулируемой необходимости покинуть его состав, призывах к его реформированию и т.д. Существует множество классификаций этого явления, однако в данной работе мы придерживаемся подхода П. Таггарта и А. Щербяка, которые выделяют “жесткий” и “мягкий” евроскептицизм [17]. Суть первого – в негативном восприятии Европейского союза в целом и идеях выхода из него, второго – в критике отдельных составляющих европейской интеграции, ряда практик, институтов. Одной из французских партий, придерживающихся идеологии евроскептицизма, является “Национальное объединение”.

История партии начинается в 1953 г. с возникновения движения пужадистов¹. Движение националистического толка стало реакцией на участие Франции в зарождавшейся европейской интеграции, имевшей в то время сугубо экономический характер. Одной из его целей была защита мелких ремесленников и предпринимателей. Движение выступало против Римских договоров, направленных на создание общего рынка и ликвидацию таможенных барьеров, – пужадисты предрекали наплыв в страну иностранной продукции и, как следствие, ухудшение положения местных производителей. Парламентской версией этого союза стала группа “Союз французского братства” (*L'Union et fraternité française, UFF*).

Глубоким приверженцем и продолжателем пужадизма являлся Жан-Мари Ле Пен, отец нынешнего лидера НО М. Ле Пен и ее предшественник. Именно он создал первые “национальные фронты”: “Национальный фронт воюющих” (*Le Front National des Combattants, FNC*, 1957), “Национальный боевой фронт” (*Le Front National Combattant*, 1960), “Национальный фронт за французский Алжир” (*Le Front National pour l'Algérie Française*, 1960). Целью всех трех была борьба за сохранение алжирской колонии. Ж.-М. Ле Пен противостоял действующей власти в лице основателя и первого президента Пятой республики Шарля де Голля, который взял курс на независимость Алжира от Франции².

Нынешнее “Национальное объединение” возникло в 1972 г. как партия “Национальный фронт” (НФ). Позицию лидера данной партии Ж.-М. Ле Пену предложили занять представители движения “Новый порядок” (*L'Ordre nouveau*), объединявшего на тот момент националистов, революционных националистов, бывших сторонников французского Алжира, пужадистов и других правых “подкидышей”, как выразился Г. Коффман [18]. Целью НФ было объединение разрозненные ультраправых сил для привлечения избирателей.

Период лидерства Ж.-М. Ле Пена в партии продлился с 1972 по 2011 гг. В это время НФ часто подвергался критике за национал-расизм и фашизм. Уровень электоральной поддержки был ничтожно мал. Например, на президентских выборах 1974 г. Ж.-М. Ле Пен набрал всего 0.75%. Однако с 1980-х годов НФ стал более привлекателен для избирателей, что связано с уже проявившимися на тот момент проблемами иммиграции во Франции, о которых заявлял НФ. Антииммигрантская риторика, критика глобализма и ультралиберализма стояли во главе программных установок НФ. Ле Пен, именовавший себя борцом с “евромондиалистским истеблишментом”, обозначил вероятность возникновения угрозы традиционным системным силам Франции на президентских выборах 2002 г., когда ему удалось вырваться во второй тур и заполучить 17.8% голосов³.

¹ От фамилии основателя движения, крайне правого политика Пьера Пужада.

² В телепередаче “Час истины” (*L'Heure de Vérité*) в 1984 г. Ж.-М. Ле Пен заявлял, что обладание Алжиром давало право Франции и Европе играть важную роль на международной арене. Подробнее см.: *Jean-Marie Le Pen dans L'Heure de Vérité*. 13.02.1984. Archive INA. Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=6tBMDtRn5ZI> (accessed 20.06.2022).

³ *Résultats de l'élection présidentielle 2002*. Available at: [https://mobile.interieur.gouv.fr/Elections/Les-resultats/Presidentielles/elecresult__presidentielle_2002/\(path\)/presidentielle_2002/FE.html](https://mobile.interieur.gouv.fr/Elections/Les-resultats/Presidentielles/elecresult__presidentielle_2002/(path)/presidentielle_2002/FE.html) (accessed 15.06.2022).

К 2011 г. НФ демонстрировал относительные успехи на выборах разного уровня, хотя все еще оставался политическим аутсайдером.

Дочь Ж.-М. Ле Пена Марин возглавила партию в 2011 г. и с самого начала взяла курс на дедемонизацию НФ. Суть ее стратегии заключалась в избавлении партии от расистских и экстремистских ярлыков. В своей предвыборной речи М. Ле Пен заявила, что планирует превратить НФ в мощный и эффективный инструмент борьбы за власть во Франции [19]. Таким образом, она видела свою задачу в изменении отношения общества к НФ и трансформацию партии в мейнстримную. Первая президентская программа М. Ле Пен 2012 г. заложила направления риторики последующих шести-семи лет. Она содержала критику ЕС и намечала решение проблем Франции посредством “экзитовских” шагов, включая выход из еврозоны, Шенгенской зоны и Европейского союза. Крайне важной в истории партии стала первая победа на выборах в Европейский парламент в 2014 г. Впервые за все время существования НФ стал крупнейшей партией Франции, заседающей в Европарламенте. Однако результаты президентских выборов в самой Франции 2017 г., на которых М. Ле Пен заняла второе место, заставили политика прибегнуть к трансформации позиции партии по ряду вопросов.

Одним из первых шагов на пути “дедемонизации” НФ стало его преобразование в “Национальное объединение”. Нынешнее НО – это ультраправая евроскептическая политическая партия, выступающая за трансформацию Европейского союза. Ее идеологической основой можно назвать национал-консерватизм, который проявляется в критике и требованиях прекращения массовой миграции. По мнению сторонников НО, на смену ЕС должен прийти “Европейский альянс наций” – небюрократизированное объединение суверенных государств, которые присоединяются к той или иной форме сотрудничества лишь при желании и могут в любой момент выйти из нее без каких-либо последствий.

В настоящее время статус НО нельзя назвать мейнстримным, однако необходимо признать, что в последние 10 лет партия претерпевает процесс мейнстримизации⁴, в том числе благодаря оправдавшему себя усилиям лидера.

Основным электоратом “Национального объединения” были и остаются такие группы, как ремесленники, наемные рабочие, полицейские, военные, безработные. Меньшей популярностью НО пользуется среди академических кругов, руководителей компаний, менеджеров различного порядка, учителей, медицинских и социальных работников. Однако, как отмечает Л. Рубан, старший научный сотрудник Центра политических исследований Сьянс По (*Centre de recherches politiques de Sciences Po, CEVIPOF*), за последние 10 лет электоральная база “Национального объединения” несколько эволюционировала. Значительный прогресс на президентских выборах достигнут среди социальных групп, для которых НО ранее было малопривлекательным. В их число входят высшие социально-профессиональные категории, выпускники вузов, госслужащие [20]. Помимо этого, сокращается число избирателей тех групп, которые всегда поддерживали партию. Так, в период с 2012 по 2022 гг. наблюдается снижение доли ремесленников, наемных рабочих, полицейских, военных, администраторов, персонала, голосующих за НО, с 61 до 49%.

Обратная тенденция прослеживается среди высших и средних социально-профессиональных категорий. Так, в 2012 г. 33% средне-профессиональной категории голосовали за НО, а в 2022 г. этот показатель составил 40%. Портрет партийной электоральной базы в 2022 г. состоит на 49% из рабочих, администраторов, полицейских, военных и персонала; на 40% – из учителей, академиков, медицинских и социальных работников, артистов, художников, госслужащих; на 11–12% – из государственных управленцев, инженеров, руководителей компаний. Данные показатели говорят о том, что НО все ближе к системным партиям, поскольку большая доля его электората – не рабочие, которые часто недовольны своим финансовым положением, а управленцы и

⁴ Процесс трансформации и легитимации партий, находящихся вне официального политического консенсуса и стремящихся преодолеть статус маргинальных и антисистемных.

средне-профессиональные категории работников. Если в 2012 г. первая группа составляла 61% избирателей НО, а вторая вместе с третьей 39%, то в 2022 г. превалируют вторая и третья группы, набирая 51–52%, оставляя первой 48–49% [20].

ПРЕЗИДЕНТСКИЕ ВЫБОРЫ ВО ФРАНЦИИ 2022 Г.

Как было сказано выше, на президентских выборах во Франции 2022 г. лидер НО М. Ле Пен заняла второе место. Хотя гонка за президентское кресло и не привела ее к победе, результаты выборов продемонстрировали стабильно высокий уровень общественной поддержки этой кандидатуры. Отмечалась положительная электоральная динамика в период с 2017 по 2022 г. (табл. 1). Так, в 2017 г. Ле Пен заняла второе место в финальном раунде гонки за президентское кресло, набрав 33.9% голосов⁵. В 2022 г. ей удалось улучшить этот результат, поскольку электоральная поддержка во втором туре выросла более чем на 2.5 млн голосов и составила 41.5%, согласно данным МВД Франции⁶. Если анализировать более ранний период, необходимо отметить, что в 2012 г. М. Ле Пен не удалось выбиться в лидеры гонки за президентское кресло, поскольку она не прошла во второй тур⁷. Это, в свою очередь, также усиливает тезис о положительной электоральной динамике и, на наш взгляд, позволяет говорить о постепенном движении НО к системным партиям Франции. Л. Рубан также утверждает, что НО стало легитимной партией в глазах многих французов и превратилось в обычную партию, избавившись от клейма, которое она унаследовала от своего “предка” – НФ [20].

Таблица 1. Результат кандидата от “Национального объединения” М. Ле Пен на президентских выборах во Франции (2012–2022 гг.).

Год	Процентный показатель	Количество голосов
1 тур		
2012	17.9	6 421 426
2017	21.3	7 678 491
2022	23.15	8 133 828
2 тур		
2012	-	-
2017	33.9	10 638 475
2022	41.5	13 288 686

Источник: составлено автором на основе данных МВД Франции.

Динамика свидетельствует о том, что за последние 10 лет НО укрепилось в позиции реальной альтернативы действующему левому, правому и центристскому мейнстриму. Так, по мнению А.Ю. Чихачева, НО выступает “опаснейшим соперником” мейнстрима [16]. Оно вступило на путь мейнстримизации, который представляет собой логичную ступень эволюции партии. Достигнув электорального успеха, мейнстримная партия пытается расширить электоральную базу, смягчая дискурс в сторону отказа от наиболее радикальных элементов программы. На выборах разного порядка НО демонстрировало успех и по мере роста электоральной поддержки трансформировало программы, что позволяло продолжать переход от маргинальной партии к системной.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРЕДВЫБОРНОЙ ПРОГРАММЫ ЛИДЕРА НО

⁵ См.: *Résultats de l'élection présidentielle 2017*. Available at: [https://www.interieur.gouv.fr/Elections/Les-resultats/Presidentielles/elecresult-presidentielle-2017/\(path\)/presidentielle-2017/FE.html](https://www.interieur.gouv.fr/Elections/Les-resultats/Presidentielles/elecresult-presidentielle-2017/(path)/presidentielle-2017/FE.html) (accessed 05.07.2022).

⁶ *Les résultats du second tour de l'élection présidentielle 2022*. Available at: <https://www.gouvernement.fr/actualite/les-resultats-du-second-tour-de-lelection-presidentielle> (accessed 05.07.2022)

⁷ *Résultats de l'élection présidentielle 2012*. Available at: [https://www.interieur.gouv.fr/Elections/Les-resultats/Presidentielles/elecresult-PR2012/\(path\)/PR2012/FE.html](https://www.interieur.gouv.fr/Elections/Les-resultats/Presidentielles/elecresult-PR2012/(path)/PR2012/FE.html) (accessed 05.07.2022).

Программы М. Ле Пен в рамках предвыборных кампаний 2017 и 2022 гг. значительно отличаются друг от друга. В частности, это прослеживается в европейской повестке “Национального объединения”. Сравнительный анализ предвыборных программ позволяет проследить трансформацию партийного евроскептицизма.

Прежде всего, рассмотрим позицию НО по вопросу членства в ЕС – одного из наиболее важных пунктов в европейском измерении Франции. В 2017 г. программные установки были крайне радикальными: Ле Пен обещала французам провести референдум по вопросу членства страны в ЕС в случае прихода к власти. Это было необходимо, так как причины всех социальных и экономических проблем Франции, по мнению главы НО, заключались в наднациональной природе ЕС, членстве государства в данном объединении и неконтролируемой миграции, которая являлась следствием этого членства.

В предвыборной программе 2022 г. отмечается умеренная критика отдельных практик европейской интеграции, однако больше лидер НО не выдвигает идеи Фрекзита и, более того, предлагает плавный переход ЕС в “Европейский альянс наций” (ЕАН). За счет реализации проекта ЕАН “Национальное объединение” планирует положить конец идеям строителей ЕС о “федералистском сверхгосударстве”. Отныне, как заявляет в своей программе М. Ле Пен, “Европа свободных и суверенных наций <...> станет Европой сотрудничества”.

Впервые манифест “Европейского альянса наций” был представлен НО в рамках предвыборной кампании в Европейской парламент в 2019 г. В 2022 г. Ле Пен продолжила развивать идеи о необходимости реформирования ЕС в ЕАН. В манифесте детально прописано, какие институты Евросоюза необходимо преобразовать. Например, одной из ключевых в рамках борьбы с чрезмерной наднациональностью является идея трансформации Европейской комиссии в “Генеральный секретариат Совета” – административный орган без права принятия решений и законодательной инициативы⁸. Таким образом, один из наднациональных институтов ЕС будет ликвидирован, что станет одним из ключевых шагов в движении к межгосударственному объединению.

Такая инициатива встраивается в логику сегодняшнего французского евроскептицизма, в виду того, что проект ЕАН пронизан идеями борьбы с наднациональным и доведения европейской интеграции до объединения, в котором все институты будут межгосударственными. Важно также отметить, что проект допускает возможность добровольного выхода из объединения без каких-либо санкций. Эта инициатива продиктована негативными последствиями Брекзита. Для ЕС таковыми стали падение общего ВВП, сокращение численности населения, удар по целостности и единству Союза, сокращение его доли в мировой торговле, шаткое положение ведущих стран-членов на лондонских валютных рынках.

Программа кандидата от НО также претерпела изменения относительно членства Франции в еврозоне и использования евро в качестве национальной валюты. Так, если в 2017 г. М. Ле Пен выступала за “восстановление национальной валюты”⁹, в программе 2022 г. евро даже не критикуется. НО признало приверженность французов евро и подстроило программные установки под желание граждан пользоваться этой денежной единицей. Об этом “Национальное объединение” неоднократно заявляло, называя отказ

⁸ Документ под названием *Manifeste pour une nouvelle coopération en Europe “L’Alliance Européenne des Nations”*, представлявший собой партийную программу, был опубликован НО в рамках предвыборной кампании в Европейский парламент созыва 2019 г. Однако позднее он был удален из интернета. Одна из вероятных причин такого решения – публикация новых партийных программ, а именно программы М. Ле Пен в рамках гонки за президентское кресло, которая поглотила идеи манифеста. Подробнее о нем см.: *Pour une Europe des nations et des peuples: allocution de Marine Le Pen*. Available at: <https://rassemblementnational.fr/videos/pour-une-europe-des-nations-et-des-peuples-allocution-de-marine-le-pen> (accessed 09.07.2022). Ознакомиться с документом можно также по запросу автору статьи.

⁹ Документ под названием *144 engagements présidentiels. Marine 2017* содержит партийную программу кандидата в президенты от НО М. Ле Пен 2017 г. Он был опубликован в рамках предвыборной кампании в президенты Франции, однако впоследствии удален из интернета. Возможная причина – публикация в 2022 г. новой предвыборной программы М. Ле Пен, содержание которой в значительной степени претерпело трансформацию по ряду партийных установок в сравнении с программой 2017 г. Подробнее см.: *Conférence de Jean Messiha sur les 144 engagements de Marine Le Pen – Orvault – 27.04.17*. Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=F0SAL9UNJIE> (accessed 10.07.2022). Ознакомиться с документом можно также по запросу автору статьи.

от идеи вывода Франции из еврозоны “прагматичным, а не идеологическим решением”¹⁰. Следовательно, изменение курса по вопросу членства страны в еврозоне было необходимым для расширения электората, поскольку согласно опросу института Элаб (*l’institut Elabe*), в 2018 г. 7 из 10 французов одобряли использование евро и были против выхода Франции из еврозоны¹¹.

Особое место в повестке НО всегда занимали проблемы миграции. Но если в 2017 г. партия считала оптимальным решением данного вопроса выход из Шенгенской зоны, то в 2022 г. таких идей в президентской программе не обнаружено. Однако предлагаются другие решения. В их числе – проведение референдума в течение шести месяцев после прихода М. Ле Пен к власти по двум основополагающим для Франции в условиях наплыва мигрантов вопросам: только французы должны определять миграционную политику государства, включая право их проживания на территории Республики. Подобные меры, по логике М. Ле Пен, избавят страну от диктата наднациональных норм в области миграционной политики, которая противоречит воле французского народа.

Помимо этого, НО в своих программных установках всегда уделяет особое внимание экономике [6]. В данной области говорить об особых изменениях и снижении радикальности нельзя, потому что “Национальное объединение” всегда проповедовало протекционизм в целях защиты экономики от недобросовестной конкуренции и пересмотра соглашения о свободной торговле, которые не учитывают интересы Франции. В программе 2017 г. можно обнаружить призывы к защите продукции под брендом “сделано во Франции”, возврату к национальной валюте как рычагу возрождения конкурентоспособности Франции. В 2022 г. данная логика развивается и включает призывы к использованию разумного протекционизма, который, по мнению М. Ле Пен, в новых обстоятельствах необходим для защиты суверенитета, устойчивого развития и занятости в условиях коронакризиса, со всей очевидностью продемонстрировавшего зависимость Франции от импорта. Данная инициатива означала бы откат в процессе европейской интеграции, поскольку в настоящее время в ЕС действует единый рынок, в рамках которого запрещены любые формы дискриминации товаров, поступающих из других стран.

Таким образом, в период с 2017 по 2022 гг. евроскептицизм НО по ряду ключевых пунктов трансформировался из “жесткой” формы в “мягкую”. Новые требования, которые выдвигают евроскептики, укладываются в логику европейской интеграции, тогда как бывшие приверженцы “жесткого” евроскептицизма пятилетней давности выступали категорически против любых проявлений наднациональности. Критика отдельных практик ЕС все еще сохраняется в программных установках НО, однако новой основной характеристикой их программ является лояльность к позиционированию себя не только французами, но и европейцами. Это коррелирует с общественными настроениями во Франции. Так, согласно опросу *Le Figaro* 2021 г. 68% французов “гордятся тем, что они европейцы”¹².

Важно отметить, что бывшие члены партии, которые остались приверженцами “жесткого” евроскептицизма, покинули ее по причине “смягчения” программ. Исследователи Института Европы РАН отмечают, что такая трансформация привела к уходу из объединения членов, занимающих в нем видное положение: советника М. Ле Пен Ж. Мессия и вице-председателя НО Ф. Филиппо [7]. Последний во время своего членства в партии заявлял, что “выход из зоны евро и самостоятельное управление национальной валютой являются для Франции абсолютной необходимостью”, а евро должен стать лишь коммерческой валютой для внутриевропейской торговли¹³. Как было отмечено ранее, позиция НО по данному

¹⁰ Caro I. Européennes: ce qui a changé dans le programme du Rassemblement national depuis 2014. *Franceinfo*, 21.05.2019. Available at: https://www.francetvinfo.fr/elections/europeennes/europeennes-ce-qui-a-change-dans-le-programme-du-rassemblement-national-depuis-2014_3433929.html (accessed 05.07.2022).

¹¹ Verner R. 7 français sur 10 contre une éventuelle sortie de l'euro. *BFM TV*, 30.05.2018. Available at: https://www.bfmtv.com/politique/7-francais-sur-10-contre-une-eventuelle-sortie-de-l-euro_AN-201805300068.html (accessed 29.09.2022).

¹² Les Français sont moins attachés à l'Europe que leurs voisins allemands et italiens. *Le Figaro*, 26.12.2021. Available at: <https://www.lefigaro.fr/politique/les-francais-sont-moins-attaches-a-l-europe-que-leurs-voisins-allemands-et-italiens-20211226> (accessed 05.07.2022).

¹³ Группа депутатов Европарламента призвала Францию выйти из НАТО и зоны евро. *Парламентская газета*, 23.12.2014. [A Group of MEPs Called on France to Withdraw from NATO and the Euro Zone. *Parlamentskaya gazeta*, 23.12.2014. (In Russ.)] Available at: <https://www.pnp.ru/in-world/2014/12/23/gruppa-deputatov-evroparlamenta-prizvala-franciyu-vyyti-iznato-i-zony-evro.html> (accessed 06.07.2022).

вопросу изменилась, и именно это расхождение стало причиной отхода Ф. Филиппо от партийных дел.

ПОЗИЦИЯ ПО ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИМ ВОПРОСАМ

Необходимо рассмотреть позицию “Национального объединения” относительно внешней политики Франции. По большинству направлений в этой сфере эволюции повестки не произошло, что заметно по максимальной схожести отдельных установок программ 2017 и 2022 гг. (табл. 2).

НО заявляет о зависимости Франции от ЕС, в связи с чем возникает необходимость в более самостоятельной внешней политике. Сохранение независимости и укрепление суверенитета страны являлись ключевыми вопросами в обеих программах “Национального объединения”. Предполагалось, что для этого необходимо осуществить несколько шагов, о которых кандидат в президенты от НО заявляла как в 2017, так и в 2022 гг. (табл. 2). Первый и наиболее важный – увеличение оборонного бюджета страны. По мнению лидера НО, современное снаряжение солдат отвечает защите национальных интересов. Полноценное обеспечение армии актуализируется по причине чрезвычайной геополитической напряженности и, в частности, вооруженного конфликта на Украине. Второй шаг – вывод республики из военного объединенного командования НАТО, в которое страну вернул бывший президент Николя Саркози (2007–2012).

В связи с этим для укрепления обороноспособности Франции лидер НО в своей предвыборной программе 2022 г. выдвинула концепцию “политики свободных рук” (*une politique des mains libres*). Помимо вышеупомянутого выхода из объединенного командования НАТО ее суть заключается в прекращении промышленного сотрудничества с Германией в области вооружений, а также расширении диалога с Великобританией по соглашению Ланкастер-Хаус. Это соглашение, подписанное Лондоном и Парижем в 2010 г., касалось разработки и применения ядерного оружия, а также сотрудничества в области обороны и безопасности, включая передачу технологий, программу закупок вооружений, обмена информацией.

“Сворачивание” взаимодействия с ФРГ аргументировалось тем, что сотрудничество с Германией осуществляется в ущерб французскому технологическому суверенитету и промышленным интересам, а также расходится с видением НО независимой обороноспособности Франции. Наряду с этим пересмотр отношений с Берлином необходим по причине расхождения взглядов в области ядерного сдерживания и экспорта вооружений. НО также предлагало отказаться от поддержки Германии в ее намерении стать постоянным членом Совета Безопасности ООН. Отношения с Великобританией, напротив, представляются НО наиболее желаемыми, поскольку “Франция и Соединенное Королевство разделяют стремление оставаться стратегическими игроками в объединении наций, желают сохранить и модернизировать свой статус ядерной державы, а также заботятся о сохранении сильной, экспортной и инновационной оборонной промышленности”¹⁴. Следовательно, соглашение Ланкастер-Хаус должно стать основой для расширения франко-британского диалога. Предполагается, что данная “политика свободных рук” поспособствует поиску новых сфер влияния Франции в мире.

Важно рассмотреть программные установки НО по вопросу места Французской Республики на международной арене. В программе 2022 г. продолжена логика 2017 г. по данному вопросу. Однако необходимо отметить, что к 2022 г. усилены мотивы о важности роли Франции. Если в 2017 г. М. Ле Пен заявляла о необходимости “вновь сделать Францию главной страной в мире”, вернуть ей “роль державы стабильности и равновесия”¹⁵, то программа 2022 г. стремится придать гражданам Республики уверенность в

¹⁴ M La France. Mon projet présidentiel. Available at: <https://mlafrance.fr/pdfs/manifeste-m-la-france-programme-presidentiel.pdf> (accessed 05.07.2022).

¹⁵ 144 engagements présidentiels... Op. cit., p. 19.

непоколебимости ее влияния на международной арене: “В окружающем нас многополярном мире роль Франции остается особой, соизмеримой с тем местом, которое ей отведено историей и географией, а также благодаря нашему статусу постоянного члена Совета Безопасности...”¹⁶. Примечательно, что именно такая “особенная роль Франции”, по мнению кандидата в президенты от “Национального объединения”, диктует необходимость руководствоваться во внешней политике национальными интересами с целью возврата стране независимости от структур ЕС. Таким образом, М. Ле Пен видит Францию великой и, более того, ведущей державой, оставляя за ней право участия в трансформированной европейской интеграции.

Таблица 2. Сравнение программных установок М. Ле Пен в сфере обороны и внешней политики (2017 и 2022 гг.).

Вопрос	2017 г.	2022 г.
Роль Франции в мире	“Вновь сделать Францию главной страной в мире”	“Французы должны снова стать великой независимой нацией”
Внешняя политика	“Вернуть Франции роль гаранта стабильности для всего мира”	Внешняя политика Франции “должна руководствоваться прежде всего защитой наших интересов”; “Особая роль Франции в мире определяется ее историей и географией, а также статусом постоянного члена СБ ООН”
Суверенитет Франции в структуре ЕС	“Вернуть Франции ее национальный суверенитет”	“Укрепить суверенитет и независимость Франции”
Членство в НАТО	“Покинуть объединенное военное командование НАТО, во избежание втягивания страны в чужие войны”	“Выйти из объединенного командования НАТО”
Оборонный бюджет Франции	Увеличение оборонного бюджета	Увеличение оборонного бюджета
Численность вооруженных сил	Увеличение численности армии	Увеличение численности армии

Источник: составлено автором.

Нельзя оставить без внимания отношение НО к России, которое изменилось в феврале 2022 г. в связи с началом специальной военной операции (СВО) на Украине. Ранее “Национальное объединение” не скрывало своей “пророссийскости”, выступало за отмену европейских санкций в отношении РФ, нормализацию и интенсификацию отношений с ней. М. Ле Пен заявляла, что санкционная война обернулась катастрофой как для РФ, так и для ЕС¹⁷. Более того, концепт “Европейского альянса наций”, выдвинутый в 2019 г., предполагал сотрудничество с РФ, поскольку, Россия – “важнейший элемент безопасности и стабильности Европы”¹⁸. М. Ле Пен признает Крым российской территорией, так как считает, что крымчане сами избрали свою судьбу в рамках законного референдума. Однако позитивное отношение изменилось по причине СВО. Начав ее, президент В. Путин, по мнению НО, “перешел красную линию”¹⁹. В своей программе 2022 г. М. Ле Пен называет спецоперацию “войной”: “Повсюду мы наблюдаем все более неконтролируемое применение насилия в сочетании с растущим пренебрежением к международному праву <...> Война на Украине, к сожалению, лишний раз доказывает это”²⁰.

Такая позиция нашла отклик во французском обществе, крайне обеспокоенным вопросами безопасности в Европе. Намерения голосовать за М. Ле Пен менее чем за месяц

¹⁶ *M La France...* Op. cit., p. 18.

¹⁷ Ле Пен напомнила о катастрофических последствиях антироссийских санкций. *PBK*, 08.03.2019. [Le Pen Recalled the Disastrous Consequences of Anti-Russian Sanctions. *RBK*, 08.03.2019. (In Russ.)] Available at <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5c81f8ee9a794767a0011686> (accessed 22.06.2022).

¹⁸ *Manifeste pour une nouvelle...* P. 34.

¹⁹ La guerre en Ukraine, sa relation avec Poutine... Les moments forts de Marine Le Pen “face à BFM”. *BFMTV*, 01.03.2022. Available at: https://www.bfmtv.com/politique/elections/presidentielle/la-guerre-en-ukraine-sa-relation-avec-poutine-les-moments-forts-de-marine-le-pen-face-a-bfm_AN-202203010693.html (accessed 05.07.2022).

²⁰ *M La France...* Op. cit., p. 6.

с начала СВО на Украине выросли с 18 до 21%, а прогнозируемый разрыв во втором туре между ней и Э. Макроном сокращался²¹. Одновременно с этим другой кандидат – Э. Земмур терял свои позиции в связи с отказом принимать украинских беженцев во Франции²². Согласно отчету французского Фонда политических инноваций (*Fondapol, La Fondation pour l'innovation politique*), накануне первого тура президентских выборов большинство избирателей отдавали первенство в способности справиться с украинским кризисом Макрону (64%). Однако среди его политических оппонентов по данному вопросу лидерские позиции занимала Ле Пен (17%), оставив позади Э. Земмура (13%), Ж.-Л. Меланшона (12%) и Н. Дюпон-Эньяна (8%)²³.

Несмотря на все вышеизложенные факты, М. Ле Пен полагает, что после окончания СВО В. Путин может снова стать союзником Запада²⁴. Она продолжает считать Крым российской территорией по причине проведения там законного референдума. Наконец, Ле Пен продолжает выступать против санкционной войны с Россией. Но, по словам профессора МГИМО Е.О. Обичкиной, лидер “Национального объединения” не поддерживает таким образом Россию, а выступает против линии президента Макрона, пытаясь сыграть на настроении общества в связи с приближающейся зимой и энергетическим кризисом²⁵. Таким образом, можно отметить, что уровень “пророссийскости” снижен в риторике М. Ле Пен. Она присоединилась к мейнстримному большинству, осуждающему действия России на Украине. Тем не менее она все еще считает диалог с Москвой возможным и необходимым, санкции – ошибкой, их последствия – катастрофическими.

* * *

За весь период своего существования “Национальное объединение” претерпело трансформацию из маргинальной в мейнстримизирующуюся партию, которая постепенно начинает приобретать черты системообразующей во французской политике. Процесс мейнстримизации стал возможен по причине снижения радикальности программных установок по ряду ключевых вопросов. Так, в результате проведенного в статье анализа нам удалось установить факт трансформации евроскептицизма НО. Она заключалась во внесении поправок по части европейской политики Франции.

Во-первых, НО отказалось от идеи выхода из Евросоюза. Вместо этого предложен постепенный переход ЕС в ЕАН, в котором принцип межгосударственности в полной мере должен заменить принцип наднациональности. Одним из ключевых этапов перехода в предлагаемый альянс должна стать ликвидация наднациональных органов. Движение к межгосударственности в объединении необходимо в силу негативного опыта Брекзита, который отрицательно сказался на развитии ЕС.

Во-вторых, НО больше не требует выхода Франции из еврозоны и отказа от евро в пользу национальной валюты. Такой прагматичный шаг осуществлен в силу стремления НО ответить на запросы верного евро и членству в еврозоне общества, и, тем самым, привлечения более широких слоев избирателей.

²¹ Comment la guerre en Ukraine a influencé la présidentielle française. *L'Echo*, 06.04.2022. Available at: <https://www.lecho.be/dossiers/presidentielle-francaise-2022/comment-la-guerre-en-ukraine-a-influence-la-presidentielle-francaise/10378833.html> (accessed 05.07.2022).

²² Présidentielle 2022: quel est l'impact de la guerre en Ukraine sur les candidats dans les sondages? *France Info*, 10.03.2022. Available at: https://www.francetvinfo.fr/elections/presidentielle/presidentielle-2022-quel-est-l-impact-de-la-guerre-en-ukraine-sur-les-candidats-dans-les-sondages_5002970.html (accessed 03.10.2022).

²³ Audureau A. Présidentielle: un rapport analyse l'impact de la guerre en ukraine sur le choix des francais. *BFM TV*, 01.04.2022. Available at: https://www.bfmtv.com/politique/elections/presidentielle/presidentielle-un-rapport-analyse-l-impact-de-la-guerre-en-ukraine-sur-le-choix-des-francais_AN-202204010573.html (accessed 01.10.2022).

²⁴ Cohen E., Grunberg G. Le programme de Marine Le Pen mène au Frexit, qu'elle l'admette ou non. *Slate*, 16.04.2022. Available at: <https://www.slate.fr/story/226431/marine-le-pen-frexit-sortie-europe-programme-alliance-poutine-russie> (accessed 26.09.2022).

²⁵ Шевченко А. Заявление Ле Пен об ошибочном участии Парижа в антироссийских санкциях объяснили. *Lenta.ru*, 18.09.2022. [Shevchenko A. Le Pen's Statement about Paris's Erroneous Participation in Anti-Russian Sanctions Was Explained. *Lenta.ru*, 18.09.2022. (In Russ.)] Available at: https://lenta.ru/news/2022/09/18/politics_france/?utm_source=smi2agr&utm_medium=exchange&utm_campaign=12827&utm_term=84683&es=smi2 (accessed 26.09.2022).

В-третьих, выявлено изменение программных установок по части способов решения миграционного кризиса. Предлагаемый в 2017 г. выход Франции из Шенгенской зоны более не является приоритетом и возможным решением проблемы. НО отказалось от идеи вывода Франции из Шенгенской зоны. Вместо этого партия считает необходимым провести референдум по возможности мигрантов проживать на территории Республики, чтобы перестать подчиняться наднациональным нормам и требованиям ЕС в области миграционной политики.

Вместе с тем не выявлено трансформации программных установок НО по экономической части. Разумный протекционизм “Национальное объединение” всегда считало необходимой мерой для защиты национальных товаров и снижения зависимости Франции от импорта. Эта инициатива связана непосредственно с ЕС, поскольку означает откат в развитии европейской интеграции, а именно нарушение правил действия единого рынка в ЕС.

Резюмируя, мы приходим к выводу о том, что в результате корректировки позиции “Национального объединения” по вопросу европейской политики Франции в период с 2017 по 2022 г. ключевые политические требования предвыборной программы лидера партии М. Ле Пен по вопросу европейской интеграции стали более умеренными и осторожными по сравнению с ранним периодом. За пятилетие с 2017 по 2022 г. евроскептицизм НО претерпел переход из “жесткой” формы в “мягкую”. Такая трансформация заключается в отказе от “экзитовских” идей и инициативах относительно трансформации ЕС в ЕАН. По остальным вопросам выявлено продолжение логики программы 2017 г., среди которых – необходимость защиты экономики Франции от глобализма и зависимости, а общества – от миграционного кризиса. Переход от “жесткого” евроскептицизма к “мягкому” понадобился евроскептикам для их движения к ряду системных партий.

Помимо европейской политики отдельное внимание в программах “Национального объединения” уделено вопросам оборонной и внешней политики Франции.

В ходе исследования установлено, что не произошло изменений по вопросу обороноспособности страны. В обеих программах НО заявляет о необходимости в большей мере обеспечивать возможность Франции защищать свой суверенитет и национальные интересы. Для этого НО выдвигало идею увеличения оборонного бюджета государства как в 2017, так и в 2022 г. В последней программе дополняется логика программы 2017 г. концепцией “политики свободных рук”, которая заключается в выходе Франции из объединенного командования НАТО, прекращении сотрудничества с Германией по вопросу промышленного сотрудничества, а также развитии диалога и партнерства с Великобританией по соглашению Ланкастер-Хаус.

Необходимость обеспечения способности Франции защиты своего суверенитета и национальных интересов актуализируется в силу крайне напряженной геополитической ситуации и, в частности, в связи с проведением СВО России на Украине. Позиция “Национального объединения” в отношении внешней политики Кремля претерпела значительные изменения. Если раньше НО всячески поддерживало Россию, заявляя, что Крым является российской территорией, сегодня оно осуждает ее действия на Украине. Однако продолжает призывать власти стран – членов ЕС к прекращению санкционной войны, аргументируя это негативными последствиями для обеих сторон.

Наконец, выявлено усиление мотивов о месте Франции на международной арене. Позиция “Национального объединения” по данному вопросу лишь укрепилась в период с 2017 по 2022 гг. и приобрела более уверенные черты, которые постулируются посредством крайней важности Франции в международных отношениях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Ivaldi G. Towards the Median Economic Crisis Voter? The New Leftist Economic Agenda of the Front

- National in France. *French Politics*, 2015, vol. 13, no. 4, pp. 346-369.
2. Rydgren J. France: The Front National, Ethnonationalism and Populism. *Twenty-first Century Populism*. Albertazzi D., McDonnell D., eds. London, Palgrave Macmillan, 2008, pp. 166-180.
 3. Scrinzi F. A 'New' National Front? Gender, Religion, Secularism and the French Populist Radical Right. *Gender and Far Right Politics in Europe*. Köttig M., Bitzan R., Petö A., eds. Cham, Palgrave Macmillan, 2017, pp. 127-140.
 4. Dumitrescu D. Up, Close and Personal: the New Front National Visual Strategy under Marine Le Pen. *French Politics*, 2017, vol. 15, no. 1, pp. 1-26.
 5. Жидкова А.В. Национальный фронт во время и после выборов 2017 г.: внутривнутрипартийный кризис и перспективы развития. *Исторические исследования*, 2018, № 2 (10), сс. 20-33. [Zhidkova A.V. National Front During and after the Elections of 2017: Intra-Party Crisis and Development Prospects. *History Studies*, 2018, no. 2 (10), pp. 20-33 (In Russ.)]
 6. Клинова М.В. Экономические аспекты в политической повестке Ле Пен. *Современная Франция: между тревогами и надеждами*. Под. общ. ред. Клиновой М.В., Кудрявцева А.К., Тимофеева П.П. Москва, ИМЭМО РАН, 2022, сс. 87-96. [Klinova M.V. Economic Aspects in Le Pen's Political Agenda. *Contemporary France: Between Worries and Hopes*. Klinova M.V., Kudryavtseva A.K., Timofeev P.P., eds. Moscow, IMEMO RAN, 2022, pp. 87-96. (In Russ.)]
 7. Клинова М.В., Кудрявцев А.К., Тимофеев П.П., отв. ред. *Современная Франция: между тревогами и надеждами*. Москва, ИМЭМО РАН, 2022. 256 с. [Klinova M.V., Kudryavtsev A.K., Timofeev P.P., eds. *Contemporary France: Between Worries and Hopes*. Moscow, IMEMO RAN, 2022. 256 p. (In Russ.)] DOI: 10.20542/978-5-9535-0605-2
 8. Кузнецов А.В., Клинова М.В., Кудрявцев А.К., Тимофеев П.П., отв. ред. *Франция на пороге перемен: экономика и политика в начале XXI века*. Москва, ИМЭМО РАН, 2016, 285 с. [Kuznetsov A.V., Klinova M.V., Kudryavtsev A.K., Timofeev P.P., eds. *France on the Eve of Changes: Economy and Politics at the Beginning of XXI Century*. Moscow, IMEMO, 2016. 285 p. DOI: 10.20542/975-5-9535-0460-7
 9. Клинова М.В., Кудрявцев А.К., Рубинский Ю.И., Тимофеев П.П., отв. ред. *Франция при президенте Эммануэле Макроне: в начале пути*. Москва, ИМЭМО РАН, 2018, 206 с. [Klinova M.V., Kudryavtsev A.K., Rubinskiy Yu.I., Timofeev P.P., eds. *France Under President Emmanuel Macron: at the Starting Point*. Moscow, IMEMO, 2018. 206 p. (In Russ.)]
 10. Treib O. Euroscepticism Is Here to Stay: What Cleavage Theory Can Teach Us About the 2019 European Parliament Elections. *Journal of European Public Policy*, 2021, vol. 28, no. 2, pp.174-189.
 11. Audier S. Rassemblement national: l'alarme. *Cites*, 2020, no. 2, pp. 99-123.
 12. Kitschelt H., McGann A.J. The Radical Right in Western Europe: A Comparative Analysis. Ann Arbor, University of Michigan Press, 1997. 352 p.
 13. Рубинский Ю.И., Федоров С.М. Первый тур президентских выборов во Франции: итоги, комментарии и прогнозы. *Аналитические записки Института Европы РАН*, 2022, № 15, сс. 27-33. [Rubinskiy Yu.I., Fedorov S.M. The First Round of Presidential Elections in France: Results, Comments and Forecasts. *Analyticheskie zapiski IE RAS*, 2022, no. 15, pp. 27-33. (In Russ.)]
 14. Чихачев А.Ю. Франция-2022: расколотое общество и трансформация политического поля. *Научно-аналитический вестник Института Европы РАН*, 2022, № 2 (26), сс. 59-70. [Chikhachev A.Yu. France-2022: the Divided Society and Reshaping of Politics, *Nauchno-analiticheskii vestnik IE RAN*, 2022, no. 2 (26), pp. 59-70 (In Russ.)] DOI: 10.15211/vestnikieran220225970
 15. Тимофеев П.П. Французский евроскептицизм: истоки и современность. *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*, 2017, т. 10, № 1, сс.53-68. [Timofeev P.P. French Euroscepticism: History and the Present Time. *Kontury global'nykh transformatsii: politika, ekonomika, pravo*, 2017, vol. 10, no. 1, pp.53-68. (In Russ.)] DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-1-53-68
 16. Чихачев А.Ю. *Партийная многополярность французской политики*. Российский совет по международным делам. 02.02.2017. [Chikhachev A.Yu. *The Party Multipolarity of French Politics*. The Russian International Affairs Council, 02.02.2017. (In Russ.)] Available at: <https://russiancouncil.ru/analytiks-and-comments/analytiks/partiyaya-mnogopolyarnost-frantsuzskoy-politiki/> (accessed 19.07.2022).
 17. Taggart P., Szczerbiak A. *Parties, Positions and Europe: Euroscepticism in the EU Candidate States of Central and Eastern Europe*. Brighton, Sussex European Institute, 2001. 39 p.
 18. Kauffmann G. The Origins of the National Front. *Pouvoirs*, 2016, vol. 157, no. 2, pp. 5-15.
 19. Mayer N. The Radical Right in France. *The Oxford Handbook of the Radical Right*. Rydgren J., ed. Oxford, Oxford University Press, 2018, pp. 433-451. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780190274559.013.22
 20. Rouban L. *La mutation du Rassemblement national*. Institut d'études politiques de Paris. 13.07.2022. Available at: https://www.sciencespo.fr/cevipof/sites/sciencespo.fr.cevipof/files/Notepostelectorales_LR_mutationRN_juillet2022_VF2.pdf (accessed 20.07.2022).

